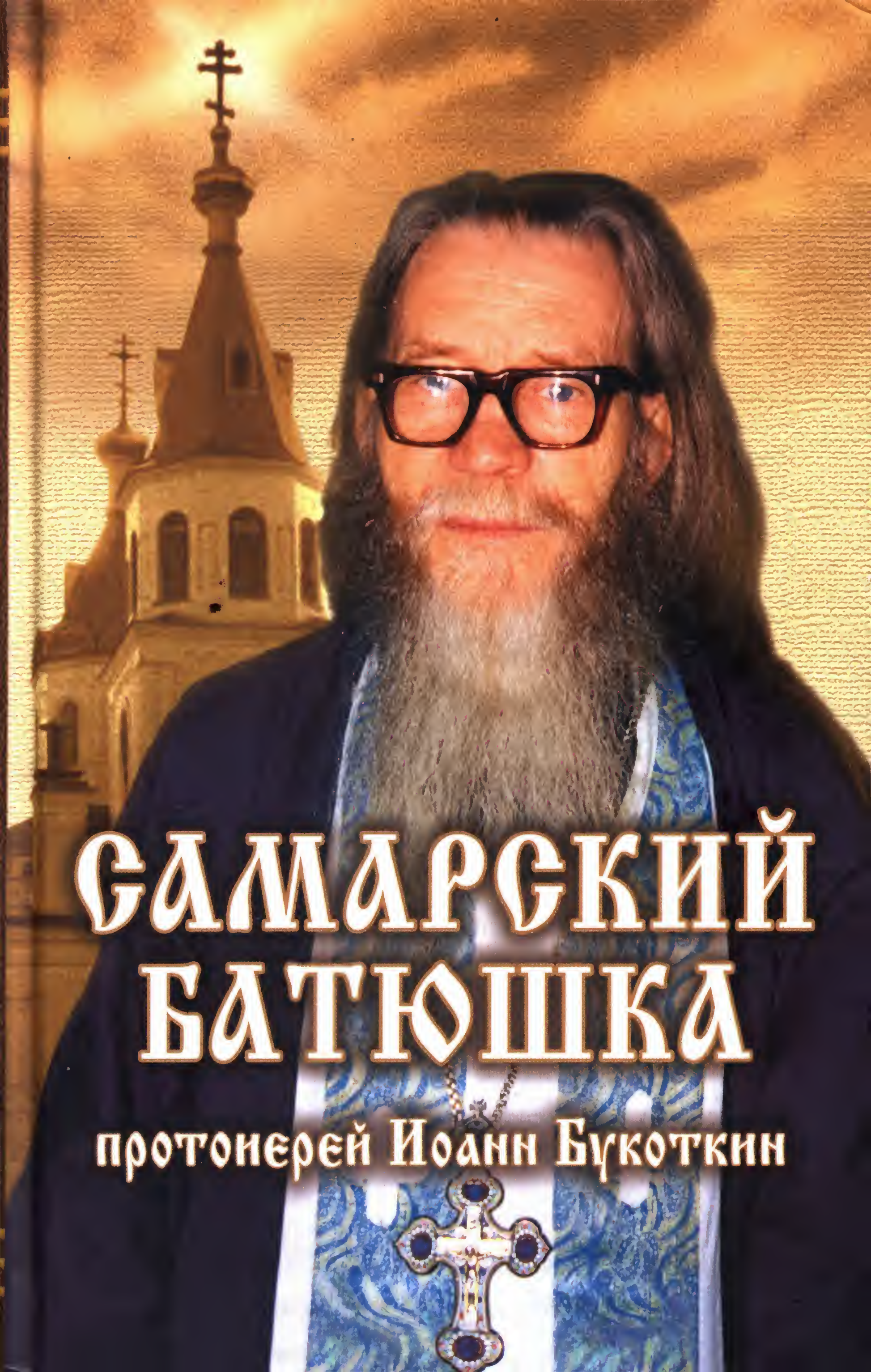

Самарский батюшка

протоиерей Иоанн Букоткин

САМАРСКИЙ БАТЮШКА

Составитель
Антон Жоголев

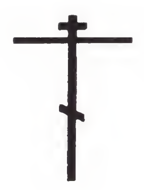

Самара 2008

Рязань 2008

УДК 281.9
ББК 86. 372
С 17

*Печатается по благословению
высокопреосвященнейшего Сергия,
архиепископа Самарского и Сызранского*

Самарский батюшка — Рязань: Зерна, 2008. — 256 с.

ISBN 978-5-901936-18-4

СТАРЧЕСТВО В МИРУ

Старчество есть благодатное православное учительство, когда христианский подвижник, обладающий большим духовным опытом и подлинным смирением, научившийся побеждать страсти и духов тьмы и наделенный от Бога дарами Святаго Духа, учит истинной духовной жизни и спасению всех, кто к нему обращается.

Настоящий старец в первую очередь обладает даром откровения воли Божией о человеке. «Дар старчества прежде всего состоит в прозорливости, – писал выдающийся русский богослов В.Н. Лосский в работе «Оптинские старцы». – По особой, дарованной старцам благодати им раскрывается вся глубина человеческого существа, им выявляются все потайные уголки души, все сокрытое в уме, все, что остается спрятанным для сознания обычного человека... Старец всегда обращен к человеческой личности с ее единственно-неповторимой судьбой, с ее призванием и собственными трудностями. В силу особого дара он видит каждого человека, каким его видит Бог, и старается ему помочь, открывая ему, причем не насилуя его воли, его внутренний смысл, чтобы освобожденная от своих сокрытых пут человеческая личность могла раскрыться в благодати».

Обычно духоносных старцев рождают монастыри, где и сам строй внешней жизни, и внутренняя устремленность на служение Богу способствуют подвигам послушания, молитвы и поста. Но и в миру появляются великие подвижники, привлекающие к себе массы жаждущих духовного окормления людей. Чаще всего среди священ-

ников, хотя и из среды мирян, Господь тоже воздвигает светильники православия.

Старчество в миру – это особый подвиг, особый крест, ибо мир, лежащий во зле, отнюдь не способствует внутреннему деланию, а наоборот – всячески препятствует ему. Семейный священник, не говоря уже о мирянах, погружен в бурный водоворот не только социально-бытовой, но и приходской жизни и порой просто не имеет физической возможности для уединенной, сосредоточенной молитвы. «Тишина и безмолвие. Где уж их искать, когда с утра до ночи звонки телефона, стуки в дверь, поездки по городу, домовой комитет, настроения, неврастения, житейские будни, безконечные изо дня в день тянущиеся со слезами, болезненным смехом, детскими криками, всяческими мирскими нуждами своей семьи, причта и прихода и сотен человек приходящих, – описывал трудности старческого подвига в миру духовный сын московского старца – ныне канонизированного – протоиерея Алексия Мечева С. Дурылин в статье «Во граде, яко в пустыне, живый…» – Не скит, а семья, и кофе по утрам, и нужно всем платье, и платить за ученье, и водопровод испортился, и дрова вышли, и сегодня именины, и гости, и ребенок грудной заболел. Стен не было никаких, ничто не огорожено: ни молитва, ни безмолвие, ни уединение, ни внимание к себе. Во все вторгались шум и молва. Сам богослужебный чин – уже казалось бы непререкаемый, отдельный и непоколебимый – и тот нарушался постоянно: надо идти служить всенощную, уже звонят, но дома люди, не уходят, плачут, просят молебен, панихиду, – и батюшка служит дома; начало всенощной в церкви отлагается на полчаса; исповедь идет во время обедни, и не отдельный духов-

ник ведет ее, а он сам же, служащий... Надо выносить Святые Дары, но какая-то женщина, пришедшая из-за заставы, плачет и умоляет исповедать ее. Всех приобщили и унесли Святые Дары, но одна не приобщилась, и батюшка приобщает ее из северных дверей, и так далее. Во всем, во всем, от еды и телефона до чина богослужения – не монастырь и не скит, не безмолвие, не чин, не тишина. Но значит ли это, что – не подвиг и не подвижник? Нет, подвиг, – и непостижимо великий. Нет, подвижник, – и непостижимо светлый». Действительно, как это похоже на путь пастырей высокой духовной жизни, подвизавшихся в шумных городах, а не в пустыне.

Самым великим из них, пожалуй, был святой праведный Иоанн Кронштадтский (1829–1908 гг.), которого Господь возжег светильником для отступающего от Бога русского народа на рубеже XIX-XX вв. Внешне вся его удивительная жизнь протекала в постоянной суете: официальные приемы и званые обеды; строительство богаделен и трудовых домов; поездки не только в Петербург, но и по всей России; освящение храмов и различных учреждений, устроение монастырей; на исповеди по нескольку тысяч человек, непрекращающийся поток посетителей в квартире – от бедняков до архиереев; письма и телеграммы со всех концов страны и из-за границы; выступления в печати, публичная борьба с Л.Н. Толстым и его богопротивным учением, писание и издание книг; преследование «иоаннитами»,почитавшими «всероссийского батюшку» воплотившимся Богом, и т.д.; и при всем этом – почти ежедневное служение Литургии, чистая, сердечная молитва, обладающая чудо-

действенной силой, поразительная прозорливость, необычайная духовная мощь.

Достойным продолжателем старческого подвига в миру явился московский протоиерей Алексий Мечев (1859–1923 гг.), служивший на Маросейке».*

Еще молодым священником получил он духовные советы и благословение отца Иоанна Кронштадтского и впоследствии стал широко почитаемым духовником, наделенным дарами любви, слез и прозорливости. В тяжелые годы революционных катаклизмов, расцвета безбожия и оккультизма он со своим сыном священником Сергием Мечевым (1892-1942 гг.), также причисленным к лику святых, в столице погибающей России был духовным оплотом для многих православных.

«Отец Алексий пустыню перенес в Москву, заключил ее в своей многолюбивой душе и многострадальном сердце и щедро раздавал приходящим к нему неоскудевающие благоуханные дары пустыни: смирение, радость, утешение, милость и дар даров – любовь»,– такими словами завершил свою статью о московском священнике-старце Сергей Дурылин.

Духовным преемником св. прав. Иоанна Кронштадтского по праву называют и новгородского протоиерея Александра Ильина (1895–1972 гг.), пережившего и первые гонения на Церковь, и долгую ссылку, и преследования хрущевских времен.*

Если кронштадтский праведник происходил, образно говоря, из колена Левиина, то есть из старинного священнического рода, взял на себя под-

---

* См. о нем подробнее: Пастырь добрый. Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексия Мечева. М.: Паломник, 1997.

виг девства и не имел детей, то отец Алексий Мечев и отец Александр Ильин имели детей и были обременены семейными заботами. Отец Алексий родился в церковной среде, его родитель служил регентом хора в Чудовом монастыре еще при митрополите Филарете (Дроздове), который с любовью относился к их семье. Отец Александр же был сыном петербургского рабочего и, можно сказать, вышел из народа. Но уже с молодости, окончив семинарию и академию в Петербурге и приняв священнический сан в 1922 г., он отличался глубокой духовностью. А к концу жизни, пройдя страшные испытания «советской действительностью»,отец Александр стяжал благодатные дары Святаго Духа и почитание православных людей. Его духовным сыном много лет являлся самарский протоиерей Иоанн Букоткин (1925-2000 гг.), тоже вышедший из простого народа.

Еще будучи деревенским мальчишкой, жившим в бедной крестьянской семье, он своей чистой детской душой устремился к Богу и на всю жизнь остался Его преданным работником. А жизненный путь отца Иоанна был нелегким: коллективизация, голод, нищета, война, фронт, ранения, дававшие о себе знать до конца дней, гонения от безбожных властей в лице уполномоченных по делам религии и самое больное – иногда и от своих же братьев по алтарю и сослужителей, завидовавших его высокому духовному авторитету среди прихожан.

Пройдя внешние и внутренние испытания, всегда находясь в гуще общественной и церковной

---

* См. о нем подробнее: Горение ко Христу. Духовный преемник праведного Иоанна Кронштадтского новгородский протоиерей Александр Ильин. М.: Ковчег,2001.

жизни, он вырос впоследствии в духоносного старца, известного далеко за пределами Самары. Отец Иоанн стал одним из немногих продолжателей традиции старчества в миру в ушедшем XX веке. Являясь духовником епархии и семинарии, окормляя сотни верующих, он постоянно был с народом. В храме его со всех сторон окружали прихожане, жаждавшие услышать от него любимое обращение – «Родные мои!«; дом его был наполнен людьми: духовные чада, семинаристы, исповедники, ставленники, священники, журналисты, страждущие, болящие, просители молитвенного заступления и ответов на разнообразные вопросы. При этом батюшка успевал работать на своем огородике, вязать, читать приносимые ему рукописи, отвечать на многочисленные телефонные звонки; в последние годы – окормлять редакции газеты «Благовест»и журнала «Духовный собеседник»,помогая не только советом, но и делом. Служил он неторопливо, благоговейно, будь то Литургия или молебен, звучный его голос раздавался по всему храму. До последних дней ездил на требы, с больными ногами поднимался по этажам, если не работал лифт.

Отец Иоанн все время оставался на виду, внешне укрыться ему было негде, но душа его пребывала в глубоком общении с Богом. Когда ему задавали вопрос, он уходил во внутреннюю молитву и после некоторой паузы давал ответ. Это одна из отличительных особенностей духоносных старцев, как и настоящее, непоказное смирение. Батюшка всегда подчеркивал свою обыкновенность, жаловался на старческую немощь, иногда специально что-нибудь путал или забывал, чтобы казаться простым стариком. О других же отзывался с уважени-

ем или состраданием. Как и многие старцы, отличался добрым юмором. Когда его кто-то превозносил, он деликатно, порой стихами, поговорками, мягко это опровергал. Одна раба Божия как-то сидела с ним на лавочке возле храма и о чем-то разговаривала. Вдруг она увидела, что лицо у отца Иоанна сияет. Пораженная этим, женщина воскликнула: «Отец Иоанн, да вы – святой!». Батюшка ласково улыбнулся и ответил: «Это сан у меня святой, а сам я – грешный».

Сподобившийся еще в молодости видений Господа, Матери Божией, Серафима Саровского, он искренне считал себя грешным человеком и больше любил рассказывать о своих неудачах, чем о чудесных случаях. К каждому человеку отец Иоанн относился с любовью и участием, хотя бывал, когда нужно, и строгим, поэтому к нему всегда тянулись люди: от маленьких детей до стариков, от нищих до высокопоставленных чиновников.

«В нынешнее время величайшего духовного оскудения и глубокой испорченности дух старчества является безценным даром страждущему человеку, стремящемуся в сегодняшнем мире сохранить верность Евангельской Истине, – справедливо замечает иеромонах Нестор (Кумыш) в своей брошюре «Старец Николай Залитский». – И к нему призываются только те редчайшие избранники Божии, которые способны соделать жизнь свою безпрестанным мученичеством. Поэтому старец нашего времени уже фактом своего существования, в силу своей деятельности заслуживает глубокого почитания и сохранения памяти о нем со стороны всей Церкви Христовой, всего народа Божия».

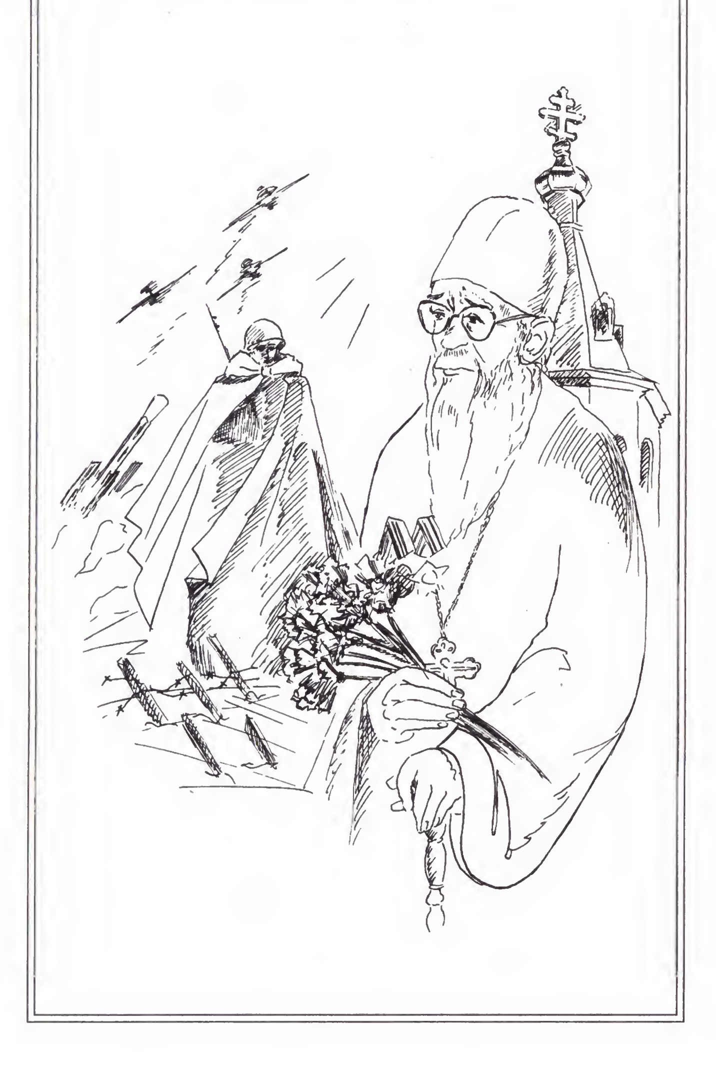
Старческий путь в миру – это особое служе-

ние, ибо мир устремлен к земному, а христианский подвижник – к Небесному. Связанный семейными и другими житейскими заботами, такой старец внутренней силой духа вырывается из мирских пут и растворяется сердцем в Боге, Который за это внутреннее отвержение мира дарует ему Свою благодать. Но главное не в этом, а в том, что дарованной ему благодатию подвижник отрывает от земли других людей и обращает их очи к Небу. Такую Божественную благодать в полной мере стяжал и самарский протоиерей Иоанн Букоткин. Как и безценный для нас дар утешения, который проявляется у старцев не только при жизни, но и после смерти. К могиле отца Иоанна на территории Самарского женского Иверского монастыря, особенно в день его праведной кончины, все эти годы идут и идут люди, разговаривают с ним, как с живым, изливают ему свою душевную боль, и он, как и прежде, всех утешает.

«Он великий!»– говорила о нем еще при его жизни одна блаженная, его духовная дочь. Воздвигнет ли нам Господь еще такого духоносного старца или оставит осиротевшими? Будем молиться и надеяться, что не прервется и в наступившем XXI веке спасительная для народа Божия традиция старчества в миру.

Священник Сергий Гусельников,
клирик Кирилло-Мефодиевского собора
г. Самары

История жизни

ДОСТИГШИЙ НЕБЕСНОГО ГРАДА

В начале 90-х годов, когда я стал ходить в Петропавловскую церковь, Господь сразу же открыл мне современного праведника – батюшку Иоанна Букоткина, почитаемого многими верующими людьми. Помню, он шел прихрамывая по церкви в окружении многочисленных прихожан, а одна из пожилых женщин слезно на кого-то ему жаловалась. Батюшка остановился и твердо сказал: «Господь его вразумит! Да еще как вразумит! Деньги ваши вернутся». Я, тогда еще не воцерковленный, подумал удивленно: «Какой прозорливый, все знает. Святой человек». Он показался мне старцем, сошедшим с одной из икон (кстати, в Петропавловской церкви в приделе Казанской Божией Матери, у клироса, есть икона Серафима Саровского. Этот образ удивительно схож с батюшкой Иоанном).

Стоя в храме на Всенощной, я видел, как после помазания отец Иоанн с распущенными до пояса седыми волосами выходил в боковой придел к оградке на солее, куда к нему выстраивалась внушительная очередь прихожан, задававших ему волнующие их вопросы. Это еще больше утверждало меня в мысли, что он не обычный священник, а праведный старец…

Когда я стал работать в Петропавловской церкви чтецом, то близко узнал батюшку, ощутил его мудрую простоту и доброту. Однажды мне был необыкновенный сон. Отец Иоанн заходит в церкви в какой-то кабинет, садится за стол, где много бумаг. Рядом нахожусь я. Батюшке нужно что-то писать, но он сокрушается, что не может – времени

не хватает, ему опять нужно куда-то идти. Я предлагаю: «Давайте я за вас напишу». Он меня благословляет и уходит, а я сажусь писать. В то время параллельно с храмом я уже работал в православной газете «Благовест». И вот мне вскоре действительно пришлось много писать об отце Иоанне и записывать его воспоминания. Батюшка подробно рассказал мне о своей жизни, чудесах и видениях, о чем он почти никому не рассказывал. В некоторых случаях батюшка замечал: «Это я говорю только для вас, не для печати». Тогда же он благословил писать в «Благовесте»о своем духовном отце – протоиерее Александре Ильине.

Теперь пришло время рассказать о многом из того, что поведал мне батюшка, и о нашем духовном общении с ним.

Период от его рождения до поступления в семинарию в общих чертах описан в моей статье «По Божьему Промыслу». Здесь он впервые поведал о своем видении в 1945 году, о котором никому не рассказывал. Это было удивительное видение о его призвании на пастырское служение. Мы сидели у него дома в его маленькой комнатке, увешанной иконами, и я все время молился про себя, потому что чувствовал, что говорю со старцем…

Уже в семинарии отец Иоанн старался чем мог служить ближним, через это угождая Богу. Родившись в деревне в семье пасечника, юноша привык очень рано вставать, поэтому он взял на себя послушание быть «будильником». Семинарист Иван Букоткин вставал раньше всех, зажигал свечку и обходил кельи, тихонько стуча в две-

ри. Так он будил и семинариста Ивана Снычева – будущего известного старца-архиерея, и самого ректора.

Однажды ему было вразумление свыше о грехе осуждения. В то время Саратовскую кафедру возглавлял владыка Борис. У него возникли какие-то разногласия с ректором и преподавателями семинарии. Владыку стали осуждать, в том числе и семинаристы. И вот Иван Букоткин видит сон. По храму идет диакон и кадит. Дым от кадила возносится прямо в небо. «Кто это?»– спрашивает Иван. И неведомый голос отвечает ему: «Владыка Борис в сане диакона». Потом он видит алтарь, у престола священник с воздетыми руками. От него в небо исходит огонь. «Кто это?»– опять спрашивает Иван. «Владыка Борис в сане иерея»,– отвечает голос. И наконец третья картина открывается взору Ивана. Владыка Борис с амвона произносит проповедь. Слова из его уст возносятся к небу. «После этого сна я Владыку больше не осуждал, – сказал мне отец Иоанн, – понял, что нельзя думать о человеке плохо, ибо не знаем, кто он в очах Божиих».

Окончив семинарию и рукоположившись (рукополагал его Саратовский владыка Филипп), отец Иоанн служил в Астрахани, в кафедральном соборе. С первых дней он старался быть добрым пастырем, со вниманием относился к прихожанам. Вскоре они его полюбили и чаще обращались к нему, чем к настоятелю, который был резок в общении с людьми. Дьявол посеял в сердце настоятеля зависть к молодому священнику. Он стал притеснять его и даже клеветать на него

владыке. Отец Иоанн с терпением все переносил и лишь молился за обидчика.

Уже тогда Господь открыл верующим, что отец Иоанн – угодник Божий. Кому-то из них во сне было такое видение. Идет батюшка с большим крестом и в митре, впереди большая река, а за ней в небе – прекрасный город – Небесный Иерусалим. Батюшка входит в реку, чтобы выйти там – в Небесном Граде.

«Когда я начал служить, – говорил мне отец Иоанн, – думал: хотя бы год простоять у престола – сильно болела раненная на фронте нога. А вот уже служу 40 с лишним лет. Как милостив ко мне Господь!»

Климат Астрахани не подходил для здоровья отца Иоанна, он там плохо себя чувствовал. Поэтому вынужден был проситься в другую епархию. Но тогдашний владыка Леонид ценил молодого священника и не хотел отпускать из собора. Пришлось батюшке во время своего отпуска ехать в Саратов. Там он договорился с правящим архиереем Сергием (Лариным), тот сделал запрос на отца Иоанна Астраханскому владыке. Только тогда он отпустил его. Прихожане плакали, расставаясь с любимым батюшкой. Раскаялся перед ним и настоятель.

«Перед тем, как перевели меня в город Камышин, вижу сон: как будто нахожусь внутри какого-то незнакомого храма. Приехал на место и увидел этот храм наяву. Мне показали во сне, где я буду служить. Но там я пробыл недолго. Господь привел меня в городок Боровичи Новгородской области»,– батюшка показал мне неболь-

шую картину, на которой изображена Боровичевская церковь. В Боровичах, преодолевая с Божией помощью препоны безбожных властей в лице уполномоченного по делам религии, отец Иоанн отремонтировал храм, куда его вскоре поставили настоятелем. Новгородский владыка Сергий (Голубцов) поставил его благочинным округа, и он много лет нес этот крест, из-за которого так и не смог закончить Ленинградскую духовную академию. «Девять лет просидел я на втором курсе, – с улыбкой сказал отец Иоанн. – Некогда было готовиться к экзаменам».

Некоторое время батюшка служил в Новгороде с отцом Александром Ильиным, своим духовным наставником.

В начале 60-х годов, когда начались новые гонения на Церковь и стали появляться священники-отреченцы, называвшие религию обманом, отец Иоанн задумался над тем, как лучше объяснить людям, что у человека есть душа. «Я молился, чтобы Господь мне открыл это. После молитв вижу подряд три сна. Первый раз вижу только тело, а лица не вижу. Второй раз вижу свое тело, как розовый туман, безплотное. В третий раз вижу и свое тело, и лицо. После этих снов я понял, как лучше объяснить людям о реальности души, Господь мне открыл».

Спаситель не оставлял отца Иоанна и наяву. «Однажды пошел я причащать на дому. На улице было грязно. Я ходил всегда в рясе. Впереди оказался бугорок. Я запнулся и упал. Саквояж мой раскрылся, и из него все выпало прямо в грязь. Там был и напрестольный крест. Когда я все со-

брал и поднялся, то увидел, как ко мне по небу идет Спаситель со строгим взглядом. Я заплакал: грешен я, Господи, грешен, прости! Больше такого искушения у меня не повторялось».

Дома у отца Иоанна есть большая икона, где Господь Иисус Христос изображен в полный рост, как бы идущим к тебе. Перед ней стоит аналой и всегда горит лампада. Перед этой иконой батюшка исповедовал. «Я нашел подходящую доску и попросил знакомого художника написать мне такого Спасителя, каким я Его тогда видел»,– сказал мне отец Иоанн.

Когда в Куйбышеве правящим архиереем после кончины митрополита Мануила (Лемешевского) стал семинарский товарищ отца Иоанна владыка Иоанн (Снычев), он несколько раз звал батюшку к себе. В конце концов отец Иоанн переехал в Куйбышев. «Я первое время ходил по городу в рясе, – вспоминал батюшка. – Бывало, в меня и плевали, и бросали камнями. Владыка Иоанн вызвал меня и сказал: «Отче, смирись, ходи, как все, зачем лишние искушения». Я стал ходить в костюме». Но духовной одежды батюшка никогда не снимал, все время творил Иисусову молитву. В разговоре он обмолвился: «Старик я совсем стал. Однажды иду в храм по улице и ничего не слышу. Опомнился, а передо мной машина стоит и сигналит». Я спрашиваю: «Вы, батюшка, наверное, Иисусову молитву творили, углубились в себя? Поэтому вокруг ничего и не замечали». – «Да, читал молитву»,– сознался отец Иоанн. Он занимался умным деланием и когда работал в своем саду, и когда вязал носки, и когда отдыхал.

До конца своих дней батюшка служил в Петропавловской церкви, которую очень полюбил. Владыка Иоанн так и звал его «отец Иоанн Петропавловский». В Самаре отец Иоанн духовно общался с известными подвижниками: блаженным Василием Ивановичем, блаженной Марией Ивановной.

Первый раз я пришел к отцу Иоанну домой Великим постом 1995 года. Он был на духовном подъеме – духовные чада свозили его в Иерусалим. Мы сидели в его маленькой комнатке за столом, над которым висела большая икона Николая Чудотворца, подаренная ему автором– художником. «Вот мы здесь с ним вдвоем»,– сказал отец Иоанн, указывая на святителя Николая.

Когда я собирался ехать к батюшке, жена, знавшая о том, что его почитают за старца, заметила: «Ну вот, отец Иоанн все знает, он скажет, какая я грешная». После беседы отец Иоанн дал мне свечу от Гроба Господня, пузырек с Иорданской водой и неожиданно полез в письменный стол, достал оттуда большую шоколадку и протянул мне: «Возьмите». Я с недоумением возразил: «Зачем, ведь сейчас пост». Батюшка загадочно улыбнулся: «Возьмите, возьмите, отдадите жене». Жена моя была приятно поражена – она очень любила шоколад. Батюшка показал, что он не осуждает ее, относится с любовью, как к ребенку.

Приблизительно за год до этого я стал свидетелем дара провидения отца Иоанна. Моя мама в тяжелом состоянии попала в больницу, ей должны были отнять правую ногу. Сестра поздно вечером позвонила батюшке и попросила его

благословения на операцию. Он, как обычно, выдержал паузу и сказал: «Благословляю». На следующее утро я стоял на левом клиросе, а отец Иоанн служил Литургию в правом приделе и не мог меня видеть. В конце службы на клирос вышел молодой алтарник Димитрий с просфорой. С удивлением посмотрев на меня, он проговорил: «Батюшка просил передать вам». Просфору я отвез маме в больницу, у которой в этот день отняли правую ногу. Батюшка молился за нее.

В 1996 году у мамы случился инфаркт, она лежала в кардиоцентре в тяжелом состоянии. Както мы всей редакцией «Благовеста»приехали к отцу Иоанну домой. Пользуясь случаем, я попросил батюшку помолиться за маму. Он помолчал, потом сказал: «Не к смерти». 22 мая у мамы произошла клиническая смерть, но в реанимации ее вернули к жизни, а ровно через год на Николу летнего она умерла. В день, когда мы всей редакцией приехали домой к батюшке, перед нами открылся еще один дар отца Иоанна – дар слез. Он говорил нам о деле спасения, спокойно, назидательно. «Для спасения нужно с одной стороны милосердие Божие, а с другой – наше покаяние»,– сказал он и вдруг заплакал, почти зарыдал. Мы были сильно поражены этими чистыми слезами покаяния.

Когда отец Иоанн говорил в храме проповеди, то чувствовалось, что в нем дышит Святой Дух, он касался сердца каждого человека. Мне приходилось видеть, как люди плакали, слушая его…

Общаясь со мной, батюшка называл меня то Сережей, то Сергеем Владимировичем, а во время последней беседы у него дома, прощаясь, на-

звал меня отцом Сергием. И вот однажды вижу я сон. В каком-то незнакомом мне храме идет исповедь перед рукоположением. Вижу отца Иоанна в красном пасхальном облачении. Подхожу к нему, исповедуюсь, он благословляет меня на рукоположение. Беседовали с батюшкой мы в мае 1996 г., а зимой 1998 г. владыка Сергий благословил меня рукополагаться. Пришел я уже наяву к отцу Иоанну на ставленническую исповедь. Он мне говорит: «Давно ждал, что вы ко мне придете, вам нужно быть священником».

После рукоположения я стал окормляться у отца Иоанна как у духовника. Исповедь у него всегда была праздником, после нее появлялась необычайная легкость, будто летишь на крыльях. Как и многие, я всегда находил у батюшки утешение и мудрый совет.

Отец Иоанн всегда старался скрывать свои духовные дары и часто говорил, что он всего лишь немощный старик. Но Господь отмечал его и прославлял перед людьми. Батюшка не любил говорить об этом. «Да ничего такого необычного у меня и не было, – внушал он мне. – Ну разве вот как-то захожу в комнату, а матушка увидела, что от моего наперсного креста яркое сияние исходит. Так ведь это она увидела. Или однажды молюсь, вижу: комната как будто раздвинулась, стены стали стеклянными, а за стеной сидит бесенок и грозит мне кулаком, чтоб не молился».

Однако благодать отца Иоанна часто открывалась другим людям. Один мальчик на Всенощной, когда батюшка помазывал елеем молящихся, видел, как над ним висел огромный светящий-

ся крест, верхним концом достигавший церковного свода. Другой юный отрок наблюдал, как отца Иоанна поддерживали под руки Ангелы, когда он, прихрамывая на раненную во время Отечественной войны ногу, шел по храму с кадилом.

Батюшка имел обыкновение при встрече склонять правой рукой голову человека и прижимать к своей груди или стучать правой рукой по лбу для вразумления. После этого всегда ощущалась легкость и душевная радость.

Последний раз я исповедовался у отца Иоанна Великим постом. Он с сокрушением мне сказал: «Придется мне скоро уходить на покой. Однажды повернулся от Престола со Святыми Дарами и чуть не упал – так в спину вступило. Боюсь уронить Святую Чашу». А после Пасхи его не стало…

В день отпевания батюшки я был в своем храме требным. По его молитвам Господь так устроил, что людей пришло очень мало, крещения не было, я оказался свободным и смог поехать в Петропавловку на проводы отца Иоанна в последний путь. Красной пасхальной фелони у меня с собой не было, а на архиерейскую панихиду нужно было выходить в фелони. Священников приехало много, и все облачения, бывшие в алтаре, разобрали. Я заскорбел, но на всякий случай спросил у алтарника Николая, не осталось ли где фелони. Он ответил: «Иди, посмотри на вешалках». Я стал перебирать облачение и нашел последнюю красную фелонь. Батюшка позаботился обо мне.

Во время наших долгих бесед с отцом Иоанном он не раз говорил мне, что у него лежит материя на подрясник, подаренная ему отцом Кукшей

Одесским (ныне святым Украинской православной церкви). В глубине души я всегда мечтал, чтобы этот материал достался мне: вот бы сшить из него подрясник. Но милость Божия оказалась еще больше. Когда после смерти батюшки стали раздавать его облачение и практически все уже раздали, алтарница Нина вдруг обнаружила подрясник отца Иоанна, сшитый из материи святого Кукши Одесского. Она стала думать, кому же его отдать, и вспомнила про меня, что я тоже невысокого роста, как отец Иоанн. Так этот благодатный подрясник батюшка и подарил мне, исполнив через несколько лет мое заветное желание.

Когда на 10-летний юбилей «Благовеста»мы с отцом Дионисием Толстовым встречали и сопровождали чудотворную икону Царя-мученика Николая, то алтарница Нина дала мне для встречи облачение отца Иоанна. И вот во время крестного хода с иконой вокруг православной школы № 54 я неожиданно ощутил, что рядом идет отец Иоанн, который задолго до прославления Царской Семьи на отпустах всегда поминал Царственных мучеников дома Романовых.

8 мая 2002 года я, как обычно, собирался ехать на могилу отца Иоанна, чтобы отслужить литию и попросить его святых молитв. В этот день в наш храм приехали мои знакомые причастить своего младенца. Узнав, что я собираюсь на могилу своего духовного наставника, они предложили подвезти меня на своей машине и заодно помолиться со мной. Когда мы подъехали к Иверскому монастырю, с Волги дул сильный ветер, было холодно. Но вот мы спустились к мо-

гиле отца Иоанна, я начал служить литию, и вдруг ветра не стало, пригрело яркое солнце и сразу потеплело. Мы очень удивились. От могилы батюшки исходила особая благодать. У годовалого сына моих знакомых за ушком была шишка, которая постепенно росла, и врачи сказали, что потребуется операция. Я посоветовал им приложить мальчика ко кресту и к могиле нашего самарского старца-протоиерея и попросить его молитвенной помощи. Мои знакомые так и сделали, удивляясь той благодати, которую они ощутили на этом месте. Когда мы пошли к машине, то снова подул сильный ветер и стало холодно. Мы поняли, что Господь по молитвам почившего праведника, вероятно, ради младенца, изменил на время погоду и разлил вокруг благодатное тепло. Вскоре мои знакомые сообщили, что шишка у их мальчика перестала расти и операция не понадобилась. Батюшка помог невинному младенцу, ведь детей он очень любил при своей жизни.

В лице отца Иоанна мы имели великого подвижника, который слышит нас и теперь, предстоя у Престола Небесного Царя. И то, что Господь открыл в начале служения отца Иоанна его астраханским чадам, исполнилось. Пройдя через глубокую реку жизни, он достиг Небесного Иерусалима. Отче Иоанне, моли Бога о нас, грешных!

Священник Сергий Гусельников

ПО БОЖЬЕМУ ПРОМЫСЛУ

Старейший самарский священник, протоиерей Иоанн Букоткин, кавалер ордена Славы III степени, попал на фронт в конце 1944 года и уча-

ствовал всего в одном сражении. Но этот бой стал для него промыслительным.

Детство мое прошло в деревне Полухино Аркадакского района Саратовской области. Жили мы очень бедно. Носить было нечего. Валенки зимой надевали по очереди. Ботинки у меня были разные. В школу ходил в кофте старшей сестры, и там надо мной смеялись: «Букоткин опять в девчачьей кофте пришел!»Мальчишки озоровали, бросили камень и попали мне в нос, так на всю жизнь со сломанным носом и остался. В этой деревне и застала меня война. Отца моего сразу же взяли на фронт. Он был колхозным пчеловодом, так что на пасеке пришлось работать мне и младшему брату. В 1944 году стали призывать моих товарищей-одногодков. А меня не трогали, все откладывали – не подходил ни по весу, ни по росту: ростом я был всего метр сорок пять и весил тридцать восемь килограммов. Но вот настал момент, когда призвали всех оставшихся, в том числе и меня. До призыва я закончил курсы связистов в Балашове и работал в районной и межрайонной связи, а после призыва – в городе Татищево. Оружие нам не выдавали, и я, числясь военным связистом, не знал, с какого бока к нему подойти. В конце сентября пришел приказ: всех отправлять на фронт. Нас одели в военную форму, дали винтовки, патроны. Меня зачислили в караульную службу, но караульным я получился неважным: патроны в магазин заряжал с помощью гвоздя и разряжал его так же.

Вот с такими знаниями рядовой Иван Букоткин и поехал осенью на фронт. Попал я в Восточ-

ную Пруссию. Правда, здесь нас три месяца обучали по-настоящему, научился и с автоматом обращаться, и с гранатами. Офицеры батальона взяли меня к себе связным. Когда осваивал «лимонку»,вышел такой казус. Я боялся прикасаться к этой «игрушке». А один офицер стал мне в окопе спокойно показывать: «Смотри, отжимаем усики, выдергиваем чеку… бери, бросай». Я держу гранату и смотрю на нее. «Бросай»,– со страхом закричал офицер, падая на дно окопа. Я бросаю гранату, не знаю, долетела она до земли или в воздухе разорвалась, но все офицеры встали после взрыва с побледневшими лицами…

На привалах я всегда находился рядом с офицерами. Комбат старался освободить меня от работы. Тогда я подходил к какому-нибудь солдату и брал у него кирку, не хотел отдаляться от ребят. Комбат сердился на это, но я все равно тянулся к рядовым.

7 ноября 1944 года в Восточной Пруссии состоялся парад советских войск, где принимала участие и наша часть (я служил в шестой роте второго батальона 97-го гвардейского стрелкового полка 31-й гвардейской стрелковой дивизии ефрейтором). Позднее из письма матери я узнал, что на этом же параде был и мой отец. Но мы, к сожалению, не встретились, а отец вскоре погиб.

Однажды, когда мы мылись, я потерял свой нательный крестик и сильно потом переживал. Офицеры надо мной добродушно подсмеивались: «Ну что, плохо тебе, Букоткин, без крестика?» Я отвечал: «Конечно, вон уже взрывы слышны, передовая недалеко. Как же мне без крестика». И вдруг комбат лезет в свой карман и достает от-

Листая Книгу жизни...

туда крестик. Остальные офицеры тоже повытаскивали крестики и иконки. Кому мать дала, кому жена. У старшины оказались с собой и крестик, и иконка, подаренная ему одной полячкой – он спас ее дочерей от неминуемой смерти.

Старшина подарил мне эту иконку с образами Спасителя и Божией Матери. С ней я и прошел до конца войны.

В начале 1945 года мы находились в 20 километрах от фронта во втором эшелоне. 19 января, на Крещение, нам зачитали приказ: пройти ночью 20 километров и взять город Инстинбург. Кроме автоматов и гранат у нас были лишь 45-и 76-миллиметровые пушки. Немцы сразу пошли в наступление. Две или три атаки мы отбили, но перед третьей атакой фашисты открыли минометный огонь. Мины ложились густо, в шахматном порядке. Наш батальон занял несколько небольших домиков, которые служили нам укрытием. Командир приказал мне добраться до крайнего левофлангового и выяснить об-

становку. Я стал пробираться туда под шквальным огнем противника и наткнулся на санитара, перевязывавшего знакомого мне сержанта по фамилии Глушко. Впереди были немцы. Пока санитар перевязывал раненого, я отстреливался. Хотели нести сержанта Глушко к штабу, но гитлеровцы наступали полукругом, центром вперед, и штаб был уже у них в руках. Тогда мы с санитаром затащили раненого в какой-то сарайчик. Там был погреб. Слышим, к дверям подходят немцы. Оставляем сержанта у погреба, а сами прыгаем вниз. Уже стоял полдень, солнце светило ярко. Погреб оказался каменным, в одном месте виднелась щелочка, заткнутая тряпкой. Через щелочку я увидел зашедших в сарай фашистов. Они постояли возле раненого, поговорили и вышли из сарая. Я думаю: «Оставаться здесь нет смысла, вернутся немцы, бросят гранату и все». Говорю санитару: «Я выхожу отсюда». Он стал меня упрашивать остаться. Но я перекрестился с молитвой «Господи, благослови!»,прочитал «Отче наш»,приставил лесенку и вылез из погреба. Глушко лежал без движения, и я подумал, что он умер. Выглянул за дверь – немцев не видно. А у самого в мыслях только одно: перебежать бы через дорогу и спрятаться в кювет, а там уже можно отстреливаться до последнего патрона. Перебежал дорогу – тишина. Фашисты почему-то меня не заметили. До сих пор не знаю, как это произошло, может быть, потому, что шинель на мне была английская, зеленая (когда нам выдавали обмундирование, серую шинель на мой рост не нашли, поэтому вы-

дали зеленую). Но ведь шапка-ушанка на мне была красноармейская, со звездочкой…

Залег в кювет, жду, когда стрелять начнут. Тишина. Немцы ходят, суетятся, а меня не замечают. Наших поблизости не видно. Стал я уползать по кювету. Сильно устал – кювет шел в горку. Хотелось спать. Кювет кончился, впереди открытое поле метров двести пятьдесят, а за ним наши. Побежал по полю зигзагами, чтобы труднее было в меня попасть. Фашисты открыли огонь. Несколько раз я падал лицом в снег, будто убитый, и таким образом немного отдыхал. Но гитлеровцы разгадали мою уловку и стреляли уже безпрестанно. Тут меня ранило в левую ногу (сквозное ранение), а на вершине горки – в левое плечо (раздробило кость). Упал головой к немцам, лежу, вижу, от наших двое связистов бегут. Кричу им: «Куда бежите?» Они: «Во второй батальон». – «Нет его уже, я из второго батальона»,– отвечаю. Одного из связистов на моих глазах ранило в живот. Попробовал я ползти, взял левый рукав шинели в зубы и пополз. Но метра через три-четыре уткнулся лицом в снег.

Подобрали меня, когда уже стемнело. Помню, тащит меня санитар через замерзшую лужу, а я ему: «Попить бы…» Он прикладом пробил лед, зачерпнул горсть воды и поднес к моим пересохшим губам: «Больше нельзя». Я сделал глоток студеной воды, и мне полегчало.

Принесли меня к другим раненым, а ночью на дровнях увезли подальше от передовой. Оперировали в полевом госпитале. Мимолетно встретил я там сержанта Глушко. Не успел даже

спросить, как он спасся. Он сказал мне: «Я видел, как ты вылез из погреба, а санитара немцы оттуда вытащили».

На грузовой машине привезли меня в Каунас, а недели через две отправили под Москву, в Павлов Посад, в эвакогоспиталь 7911.

Уже после войны в Москве получил я письмо с наградной бумагой на орден Славы III степени. Там мне его и вручили (позднее отца Иоанна наградили юбилейным орденом Отечественной войны, медалью «40 лет Победы над Германией» и др. – *Ред.*). Орден Славы – самая дорогая для меня награда.

О Победе я узнал в госпитале. Начальником госпиталя был у нас полковник-цыган по фамилии Маринкин, добрый, отзывчивый человек. Он-то и сообщил нам радостную весть.

Если вернуться к первому и последнему для меня бою, то сначала я не видел особого промыслительного действия в своем необычном спасении. И лишь потом, будучи воспитанником Саратовской духовной семинарии, понял, что Господь сохранил меня для того, чтобы я принял священный сан. Все события моего детства и моей юности сразу предстали передо мной в другом свете.

Как-то дедушка мой продал на рынке овечку за семь рублей и купил мне, мальцу несмышленому, сапоги. Бабушка ахнула: «Ах ты полюлешник, ты зачем этому мальцу их купил?! У нас дочь на выданье, одеть не во что, а ты…». – «Эх, Параскева, – ответил дедушка, – ведь этот малец за нас молиться будет». Такой же разговор произошел, когда он сшил мне из овчины маленькую шубейку.

Цветы в День Победы

Подрос я и стал ходить к богомольной девице Христинье, у которой верующие обычно собирались на церковные праздники, просто помолиться, прочитать акафист. Она открыла для меня Бога, научила основным молитвам, стала моей духовной матерью. В сундуке я нашел потрепанный Закон Божий и целыми днями его только и читал. Соседи зайдут, спросят: «Где ваш Ванька, на улице не видно».– «Да сидит вон, читает»,– отвечают родители. «Ну, он у вас так и будет попом»,– смеются уважительно-добродушно.

Любимым моим занятием было «отпевание». Из дерюжки я делал себе «ризы», из банки – «кадило»и «отпевал»спящего младшего брата.

Во время войны уже, ближе к ее окончанию, когда еще жил в колхозе, однажды заснул я на сеновале после артельной работы и увидел Матерь Божию. Она стояла вся в черном, в одной руке держала крест, в другой – горящую свечу и что-то говорила. Я хорошо расслышал

слова: «Еще немного погорим, немного потопимся».

В юности я чувствовал себя каким-то нелюдимым от того, что терялся в присутствии девушек, не мог дать воли рукам, не мог ничего сказать. Все знакомства, романы и даже серьезные мои намерения расстраивались. Позже я понял, что Господь хранил меня в чистоте. Кстати, ни разу в жизни мне не пришлось подраться.

После госпиталя мне дали нестроевую и оставили служить при штабе Московского военного округа в КЭО (квартирно-эксплуатационном отделе). По Божьему Промыслу мне выдали документ на свободный выход в Москву. Пользуясь этой возможностью, я ходил в православные храмы. Была церковь и прямо через дорогу от нашего КЭО. Я в ней исповедовался, причащался. Внутреннее чувство заставило меня искать духовную литературу. Но как найти ее в послевоенной Москве? И вот я познакомился с Анной Самойловной Климовой, благочестивой женщиной, и девицей Параскевой. Они стали снабжать меня духовными книгами.

Как-то в конце августа 1945 года я заснул с солдатами в караульном помещении. И вижу удивительный сон (а сам в это время читаю Иисусову молитву). Небольшой лесок, мелкая зеленая травка, люди прогуливаются группами и поодиночке. Под солнцем поблескивает большая лужа. Подхожу к ней – на поверхности воды пошли широкие круги. Думаю: «Наверно, там рыба». И вдруг вижу: в луже черный ужасный змей. «Вот какая здесь рыба!»– восклицаю про себя и бегу прочь от лужи,

Епископ (ныне архиепископ) Самарский и Сызранский Сергий награждает ветерана Великой Отечественной войны протоиерея Иоанна Букоткина почетной грамотой Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

боюсь, как бы змей меня не схватил. В голове мысль: «А Бог! Он меня спасет». Успокоился. Вижу слева большую широкую дорогу, ведущую от востока на запад. По ней идут люди и скрываются во тьме. И вдруг появляется старичок благообразный (я думаю, что это был Серафим Саровский) и говорит: «Осталось жить тебе на земле год и восемь месяцев». Три раза повторил, и вот я живу во сне эти год и восемь месяцев. От дороги свернула тропочка вправо, я по ней стал уходить. Сам все время читал Иисусову молитву. Живу и иду по тропинке, погружаясь в нее все глубже и глубже. Вот погрузился уже по плечи. Иду по узкой траншее. Год и восемь месяцев на исходе, тропочка заканчивается в землянке. На земляном полу табуреточки, скамейки, а под ногами бегают и ползают какие-то зверьки, гады. Думаю: «Укусят сейчас меня, ужалят». По-

том успокоился: «Не тронут, читал в духовных книгах, что зверьки не всех трогают». Открывается дверь – стоят двое в монашеском одеянии. Посмотрели на меня: «Еще немного подождем».

Потом оказался я на скале. На ней плотно-плотно стоят люди лицом на восток, я впереди них. Внизу бездна, тьма. Рядом еще одна скала. На ней офицер с косой, ворошит скошенное сено. Слышу голос: «Спаситель выходит!» Думаю: «Сейчас увижу Его». Появляется лик Спасителя. Голос: «Тебя Спаситель зовет!» Отрываюсь от скалы, как пушинка, и поднимаюсь вверх. На пути два металлических троса, какие ставятся в арках храма при входе. Поднимаясь, я прошел между тросами и очутился перед ликом Спасителя. Лик печальный. Волосы каштаново-рыжеватые, волнистые, немного развеваются в стороны. Посмотрел Он на меня, а потом вниз. Так несколько раз… Позже я понял: это было вручение мне паствы – паси их.

Проснулся я другим человеком. Все вокруг стало для меня чужим, игрушечным. Подумал: «Как это люди могут курить, ругаться матом…» Солдаты, ни о чем не подозревая, смеются, матерятся. У меня волосы дыбом. Все стало противным. Отстоял пост – и к Анне Самойловне. Рассказал сон. Она говорит: «Так это тебе, Ваня, откровение. Сегодня же Спас Нерукотворный, ты Его видел». Позднее я нашел этот образ в Москве на полу в одном разрушенном храме.

А через год и восемь месяцев я поступил в Саратовскую духовную семинарию.

Был у нас в деревне блаженный – расслабленный Степан. Положат его, он лежит, посадят

его – он сидит и языком страницы Евангелия переворачивает. Степан сказал моей матери: «Старшего твоего сына Спаситель к себе возьмет, младший калекой будет» (был у нас еще один брат – умер в трехлетнем возрасте). Мать все спрашивала меня: «Сынок, нет ли у тебя еще какого ранения, не болит ли чего?» Думала, умру. А когда стал священником, все поняла. Спаситель меня к Себе взял.

Так что тот страшный бой был для меня промыслительным. Господь и сейчас хранит меня – стою у престола сорок третий год…

Записал священник Сергий Гусельников

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

За долгую нелегкую жизнь протоиерею Иоанну Букоткину доводилось встречаться со многими подвижниками благочестия, которые оставили неизгладимый след на его духовном пути. Он всегда молился за них и часто вспоминал в своих душеспасительных разговорах.

Анна Самойловна Климова

Так получилось, что никаких других книг, кроме духовных, я никогда в жизни не читал. Как-то еще в детстве мне попался в руки Закон Божий. Вот над ним я целыми днями и просиживал. Тогда он мне казался удивительной сказкой, наполненной разными чудесами. В нашей деревне, где я родился и вырос, верующие на праздники собирались у богомольной девицы Христинии, которая была моим первым наставником

в вере. А там звучали только молитвы и акафисты. После окончания Отечественной войны, когда я служил при штабе Московского военного округа в квартирно-эксплуатационном отделе и имел свободный выход в город, стал прилагать все усилия, чтобы найти духовную литературу. Но где ее разыскать в чужом городе, у кого спросить? Поговорил с прачками нашего КЭО, одна из них посоветовала сходить к знакомой верующей бабушке, там я познакомился с Анной Самойловной Климовой. Это была очень благочестивая женщина. Дома у нее стоял граммофон с огромной трубой, на нем она слушала пластинки с духовными записями. Но в то безбожное время ей пришлось стереть с них рисунки и надписи, чтобы было непонятно, что там записано. Анна Самойловна хранила у себя и православные книги. Их я вскоре все перечитал.

Вставала моя новая знакомая рано и сразу же бежала в храм. Поэтому она прекрасно знала, в какой день в какой церкви какой акафист читают. И везде старалась успеть. Однажды Анна Самойловна пошла в одну из московских церквей на акафист Божией Матери, но немного опоздала. Молящихся в храме было очень много, вперед уже никак не протиснуться. Анна Самойловна смиренно пристроилась позади всех и стала слушать акафист. Чтение подходило к концу, когда сердце женщины сильно заскорбело: «Акафист скоро закончится, а я так и не увижу образ Божией Матери!» И тотчас взмолилась: «Пресвятая Богородица, хоть одним глазком взглянуть бы на Твою икону!» Вдруг Анна Самойловна почувствовала,

как неведомая сила потянула ее вверх. Женщина поднялась над стоящими людьми и увидела икону Богородицы, перед которой читался акафист. Потом также медленно опустилась...

Вера тогда у меня была глубокая, искренняя, но церковных, катехизаторских знаний не хватало. Так что обо всем непонятном я спрашивал у Анны Самойловны, и она мне все разъясняла.

После демобилизации в 1946 г. я уехал из Москвы на родину, но мы еще долго поддерживали духовные отношения с этой замечательной женщиной. До сих пор храню фотографию, которую она подарила мне на молитвенную память в 1953 г., когда я уже служил священником в Астраханском кафедральном соборе.

Прозорливая Параскева

Анна Самойловна познакомила меня со своей подругой – девицей Параскевой. Была она подслеповатая, невысокого роста, лет пятидесяти. Из-за плохого зрения ходить самостоятельно в церковь Параскева не могла. Вскоре после нашего с ней знакомства на церковные службы стал водить ее я. Через некоторое время меня начали спрашивать: «Это, наверное, твоя мама? Твоя тетя?»– и т.п. А я ходил в красивой военной форме, с орденом Славы на груди и после подобных вопросов застеснялся внешне невзрачной Параскевы. Вида, конечно, не показывал, но в душе чувствовал себя неловко, приводя ее в храм.

И вот как-то мы вместе с ней и Анной Самойловной приехали на кладбище, почему-то называвшееся немецким. Параскева вдруг заплака-

ла и говорит: «Меня уж и в храм водить стесняются». Анна Самойловна ей: «Да брось ты, Параскева, чего придумала». Я сразу же понял, кого она имеет в виду, но промолчал. И так стыдно мне стало. Параскева тотчас повеселела, обрадовалась и рассказала небольшую историю. «Знала я одного батюшку. Был он прозорливый. Пришла я как-то к нему, а войти в дом стесняюсь, стою на крыльце. Тогда батюшка послал за мной и велел проводить в комнату. Захожу я, а он встречает меня такими словами: «Что, войти стесняешься? Сто поклонов тебе за это».

Слушаю я Параскеву, а сам думаю: «Это ведь она мне сто поклонов дает». А я в жизни столько земных поклонов не клал, ну два-три, не больше. Заступил в своем КЭО на дежурство и ночью, когда все уснули, прямо в полном обмундировании, с пистолетом на боку, начал отсчитывать поклоны... Утром пошел к Параскеве. Она встретила меня ласково: «А-а, Ванюша. Всю ночь трудился». Тут я смекнул, что человек она не простой.

Однажды задумал я в приемной для посетителей, где был мой пост, вымыть белый кафельный пол, который от времени покрылся серым налетом. Выгреб из печей золу, смешал с водой и этим раствором отмыл кафель до кипельного блеска. Наутро посетители с удивлением оглядывали преобразившийся пол. А я после дежурства отправился к Параскеве. Не успел войти, как услышал: «Опять, Ванюша, всю ночь трудился». Я окончательно уверился в ее прозорливости и в одном из очередных писем маме написал о смиренной подвижнице: «Она мала перед людьми, но

велика перед Богом». Кстати, Анна Самойловна, ее самая близкая подруга, ничего о даре Параскевы не знала. Когда подвижница меня увидела, то стала сердито отчитывать: «Ты что там в письмах пишешь?! Ты меня знаешь?! Ты жизнь мою знаешь?!»

А жизнь у Параскевы была удивительная. Родилась и выросла она, судя по всему, в деревне, в верующей семье, потому что с молодости отличалась глубокой верой и молитвенностью.

Лет двадцати Параскева сильно заболела, даже не могла идти без посторонней помощи. Ее посадили на подводу и привезли в районную больницу. Под руки привели в кабинет врача. Оставшись с ней наедине, врач задумал недоброе, захотел воспользоваться ее безпомощностью. Девушка в отчаянии взмолилась: «Пресвятая Богородица, не дай совершиться безчестию!» И вдруг в ней появилась огромная сила. Параскева отбросила от себя обидчика в белом халате, открыла дверь и выбежала на улицу. Родственники, стоявшие возле подводы, поразились: «Тебя что, уже вылечили?». – «Да, я здорова»,– сказала девушка и села на телегу.

В другой раз Параскева пошла на Николу летнего в храм. Дорога проходила через лесок. Вокруг ни души. Неожиданно из-за дерева вышел мужчина, догнал ее, спросил, куда она идет. Узнав, что в церковь, сказал: «И я тоже туда. Будем попутчиками». А сам идет и как-то странно оглядывается по сторонам. Параскева почувствовала неладное и стала молиться святителю Николаю, чтобы он послал хоть какого-нибудь челове-

ка на пустынную дорогу. Но, увы, никого не было. А мужчина идет, да все назад оглядывается. И вот уже показалась опушка леса, а за ней и купола храма. Тогда мужчина со злостью и досадой говорит: «Скажи спасибо этому человеку, что за нами все время шел, а то бы я тебя так просто не отпустил». И свернул в сторону. Параскева сразу поняла: заступился за нее Николай Чудотворец.

В Москве смиренная подвижница жила у своего брата Федора в коммунальной квартире. Поэтому в гости к ней редко кто приходил. Но однажды ее навестили духовные сестры. Она обрадовалась и от радости растерялась. Скорее схватив чайник, побежала за водой. У нее была привычка все крестить с молитвой «Господи, благослови!»,особенно двери и окна. Водопровод находился в санузле типа сарайчика. Забыв перекрестить дверь, Параскева открыла ее и тотчас отшатнулась. Внутри она увидела множество бесов в виде различных гадов. «А–а, – закричала они, – наконец-то ты нам попалась! Теперь ты одна». Но Параскева быстро осенила их крестным знамением со словами: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его». Бесы с визгом прыснули в стороны и исчезли.

Как-то приключилась у Параскевы страшная болезнь – заворот кишок. Привезли ее в больницу на операцию. Когда хирург хотел снять с подвижницы крестик, она попросила: «Пожалуйста, доктор, не снимайте с меня крестик. Я очень прошу. Через ваши руки мне поможет Матерь Божия». Хирург улыбнулся, но крестик оставил. После операции, которая прошла успешно, Пара-

скева лежала в общей палате. Перед сном, когда больные уже спали, она всегда молилась и крестила окно и дверь палаты. Но в один из дней больные не на шутку разговорились и долго не засыпали. «Я тогда пока подремлю, а потом помолюсь»,– решила Параскева. Не успела задремать, как видит: открывается дверь и в палату заходит ужасный зверь с огромными ушами. Он подходил к больным, наклонялся к ним и дул в ноздри. Кровать Параскевы по его ходу была последней. Она потихоньку, под одеялом перекрестилась с молитвой «Да воскреснет Бог»и лежит ждет, что будет дальше. Подошел этот зверь к ней, наклонился и тут же отшатнулся. Тогда, взяв Параскеву за ноги, начал потихоньку двигать их к краю кровати. Подвижница взмолилась: «Да что же это такое?! Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Бес отшатнулся, похлопал в ладоши: «Вот чего мы боимся!» – и быстро выскользнул из палаты. Параскева в тот же миг осенила крестным знамением дверь и окно: «Теперь-то ты сюда не сможешь войти».

Утром больные обычно рассказывали друг другу, что кому приснилось. На этот раз все молчали.

Параскеву положили в палату последней из всех, а выписали первой. Она пришла попрощаться с хирургом, делавшим ей операцию: «Спасибо вам, через ваши руки мне Матерь Божия помогла». – «Видимо, так, – ответил он. – Честно говоря, я ожидал другого. Очень слабенький у вас организм. Такую операцию и больные с крепким организмом не выдерживали, умирали. А вы вот уже выписываетесь».

Анна Самойловна и Параскева, узнав о необычном сне, виденном мною в праздник Спаса Нерукотворного, сразу восприняли его как призвание меня на священство и подарили мне Евангелие.

Протоиерей Александр Ильин

Демобилизовавшись из армии и вернувшись в родное Полухино, я вскоре узнал от Христинии, что в Саратове открылась духовная семинария. «Вот бы тебе туда»,– сказала она. Но я промолчал. А сам стал готовиться к поступлению. Поехал в Аркадак, где в то время служил отец Александр Ильин, очень духовный батюшка, усердный молитвенник, ведший аскетический образ жизни. Он подсказал, какие нужны для поступления документы, и дал благословение в семинарию. Кстати, у отца Александра на клиросе пела в то время моя будущая матушка.

Через много лет мне довелось служить с отцом Александром в Новгородской епархии. В те годы он был настоятелем Никольского собора в Новгороде, благочинным и секретарем епархиального управления при владыке Сергии (Голубцове). Заочно окончил Ленинградскую духовную академию и получил степень кандидата богословия за работу «Причащение Святых Таин в жизни православного христианина».

Однажды я не успел вычитать правило ко причащению, думаю: «После службы вычитаю». Отслужили Литургию, а отец Александр говорит: «Правило потом вычитаем». Бог открыл ему мои мысли.

Когда у него умерла матушка, он сильно бедствовал, сидел без денег, ему даже нечем было заплатить налоги. И вот матушка явилась во сне одной прихожанке и говорит: «Батюшка мой бедствует, денег нет. Помоги ему». А эта женщина как раз накопила денег, чтобы потратить их на какое-нибудь богоугодное дело. Она с радостью отнесла деньги отцу Александру, рассказав о своем видении.

Отец Александр многие годы вел дневник и записывал туда необычные сны – свои и чужие. У меня сохранились листочки, напечатанные на его пишущей машинке, с записью удивительного видения, бывшего у сына диакона из Пензенской губернии Флегонта Дормидонтовича Островского (1824-1870 гг.).

Заболел он проказой, стал молить Бога об исцелении. И видит сон. «Скинув сапоги, перешел реку и пошел по известной мне долине, покрытой цветами. На пути вдруг осиял меня чудесный свет, и я увидел за полверсты от себя дивный храм Господень. Объятый великой радостию, я спешил к нему и часто падал, и при каждом восстании я все сильнее и сильнее поражался его красотою, в особенности 12 главами и крестом. Вижу: выходят из храма священные неизвестные мне лица, крестообразно орарями опоясанные, с большими возжженными свечами в руках; их было, как думаю, сорок или больше. Потом появился протодиакон, ростом выше них, а за ним архиереи. Кого же они хотят встречать? И вдруг окружил меня этот священный собор со всех сторон: протодиакон со златою кадильницею стоял

предо мною, а за ним, выше его, как бы на воздухе стояли три архиерея на вид тридцатилетнего возраста. Они имели одинаковые лица, были в одинаковых митрах и облачениях, и никак нельзя определить, кто первый из них и кто последний. О, так мил их взгляд и любезен их взор! Я от смущения опустил глаза свои долу.

Протодиакон стал на меня кадить и медленно говорил: «Господу помолимся!»– а кадилом едва касался моей груди. Пораженный сим действием, сложив руки крестообразно, я с плачем воскликнул: «Господи, помилуй!»После чего два архиерея взяли меня под руки и повели в церковь. А третий архиерей, ускорив шаги, пошел вперед и, растворив Царские врата, встал около святого престола. Сопровождаемый такой славой, я не мог видеть внутренней красоты храма, только помню то, что местные иконы Спасителя и Божией Матери мне представились живыми, и я поклонился им до земли. Архиереи, поставив меня перед Царскими вратами, хотели ввести во Святая Святых. Тут я, остановившись, со слезами говорил: «Как я, скверный, войду, когда страшат меня сии слова: «Да никакоже коснется рука скверних?» Я сквернейший и грешнейший из всех человеков на земле». На это они отвечают одним голосом, весьма нежно: «Чадо, имей веру, нам дана власть: кого хощем, того этой чести и удостоиваем». И я им ответил: «Буди мне по глаголу вашему». Они меня ввели в алтарь, и я встал с ними около святого престола. Тут говорил мне передний архиерей: «Мы поведем тебя около святого престола. Я буду назначать тебе места (на

престоле. – *Ред.*), а ты, изобразив крестное знамение, целуй их и говори: аллилуиа!» Потом архиереи посадили меня на кресло на южной стороне лицом ко престолу, свои руки положили крестообразно на моих плечах, а назначавший места на святом престоле – на голове. Наклонившись ко мне, он сказал: «Слушай!»Через несколько минут слышу голос поющего на святом престоле: «Камо пойду от Духа Твоего? И от лица Твоего камо бежу». Смотря из-под локтя архиерейского, вижу на святом престоле чудного юношу, зрящего к востоку на небо с неизреченной радостию и восторгом. Я вздрогнул и заплакал. Потом слышу над головою моею поемые слова: «Аще взыду на небо, Ты тамо еси, аще сниду во ад, тамо еси». Я взглянул – и вот над головою моею и по всему Святая Святых и по всем стенам вижу лики ангелов. Я устрашился и устремил глаза на святой престол. И вижу на нем уже не одного, а двенадцать юношей, подобных первому: юноши эти стояли по всем четырем сторонам престола по трое на каждом. Все они держали руки горе, – каждый против своего лица, и столь были благообразны, что я устыдился их. Потом слышу на святом престоле вторичное пение: «Аще возьму криле мои рано и вселюся в последних моря». С различными соло и столь нежное и трогательное, что отнялись у меня все телесные чувства, кроме слуха, и я не мог смотреть ни на что и только обливался слезами. Потом воспели миллионы голосов и над головою, и на престоле, и во всех сторонах: «И тамо! И тамо! И тамо! Настави мя и удержит мя десница Твоя!»От сего

чувство возымело свою силу, я крепко держался за архиереев и от неизъяснимого страха весь дрожал. Когда воспели третий раз: «И тамо! И тамо! И тамо!»– все поколебалось, и я проснулся.

Вижу: мать моя сидит у меня на софе и обливается радостными слезами. Я встал с софы, как не болевший, прохаживался по горнице, изображал на себе крестное знамение. Не веря от радости своему выздоровлению, я выбежал во двор и, обнажив тело, удостоверился в том, что болезнь миновала. Радуясь духовно и телесно, я говорил: «Дивны дела Твои, Господи!»...

Отец Александр десять лет провел в тюрьмах и ссылке (с 1936 по 1946 гг.), поэтому власти его не любили. Когда он умер, то они даже не разрешили гроб с телом исповедника православия внести в церковь и отпеть, как полагается.

Владыка Филипп

Учиться в семинарии довелось мне при архиепископе Филиппе, возглавлявшем большую епархию с кафедрой в Астрахани, куда входили еще Саратов и Сталинград (Волгоград). Он любил на Пасху разговляться с семинаристами, после пасхальной службы сразу ехал к нам. Очень любил пироги. Это знали и всегда угощали ими владыку.

Несмотря на свои восемьдесят лет, архиепископ Филипп отличался бодростью и подвижностью. Бывало, Всенощную он служил в Астрахани, а Литургию уже в Саратове: летел туда на самолете или всю ночь ехал на машине, подложив под голову подушечку.

Еще этот архиерей славился строгостью, ревностью по Бозе. Он требовал, чтобы все священники в его епархии ходили только в сапогах и не стригли волос ни на голове, ни на бороде. «Перед кем хочешь быть красивым? – обычно говорил владыка какому-нибудь молодому батюшке с постриженной бородой. – Перед кем?» У владыки Иоанна (Снычева) (он тогда был иеродиаконом) болели ноги, но даже он, как и все семинаристы, помнится, ходил в сапогах.

Именно архиепископ Филипп рукополагал меня в сан священника. Я был у него предпоследним. А когда он рукополагал последнего, то сел в алтаре на архиерейское место, перекрестился и сказал: «Ну, вот и все, свое дело я выполнил». Действительно, так и произошло. Владыка знал о своей близкой кончине. Обычно в поездки по епархии он отправлялся тихо, без проводов. А в последний раз устроил прощальный обед, на котором неожиданно сказал: «Будут у вас еще владыки, будут. Отца не будет». А перед отъездом в Москву по делам владыка Филипп, выходя из архиерейского дома, посмотрел на иконочку Божией Матери, висевшую на стене, и проговорил пророчески: «Се, остается дом сей пуст». Из Москвы его привезли уже в гробу, встречать который пришли сотни верующих.

...Однажды к владыке Филиппу подошла прихожанка, знавшая его лично, чтобы попросить благословение на паломничество в Киево-Печерскую Лавру. Владыка не захотел ее благословлять: «Зачем ты туда едешь? Разве здесь молиться нельзя? Разве там легче душу спасать? Станешь

ли ты лучше от этой поездки? А если просто посмотреть, на экскурсию, то и вовсе нехорошо». – «Владыка, я уж и билет на поезд купила, – отвечает женщина, – благословите». Архипастырь благословил ее. Уехала она и очень долго не возвращалась. Встречает ее потом владыка и спрашивает: «Что-то давно не видно тебя в храме?»– «Ой, Владыка, – рассказывает незадачливая паломница, – поехала я в Киев да заболела, сняли меня с поезда, и месяц в больнице пролежала». – «Так-то вот без благословения ездить». – «Как, вы же меня благословили!»– удивляется женщина. «Да что там – благословил, когда билет был куплен».

Схиигумен Кукша

Когда я служил в городе Боровичи Новгородской области, у нас в доме жила одна женщина. Звали ее Мария Ивановна. Она стирала на церковь, чинила и перешивала облачения, старалась хоть чем-то быть полезной. Мария Ивановна все переживала, что от нее мало проку, что ее труд никому не нужен. И вот видит как-то сон. Стоит она на Небе внутри прекрасного храма, а священнослужители в нем все в сверкающих золотых ризах. И слышит голос: «Видишь, это твои ризы, которые ты чинишь и перешиваешь».

Однажды Мария Ивановна восемь дней пробыла в летаргическом сне. В это время ее душу водили по райским обителям.

Эта праведница часто ездила в Одессу к прозорливому старцу Кукше (Величко), ныне канонизированному Украинской православной цер-

ковью. Мы с ним были лично не знакомы, но имели молитвенное общение. Предчувствуя свою кончину, он прислал мне через Марию Ивановну свою резную палочку (знал, что я буду сильно страдать ногами), камень, на который опускал голову во время келейной молитвы, материю на подрясник и колючки от терния – растения, из которого был сделан венец Христа Спасителя.

Вопросов к Кукше у меня никогда не было. Но как-то раз, когда Мария Ивановна собралась ехать к нему, я попросил ее передать и мой вопрос. Но не сказал – какой. Держал его в уме. Возвращается она и передает мне пузырек с маслицем: «Этим маслицем отец Кукша велел вам мазать больное место». Так я получил ответ на свой вопрос.

После одной из очередных поездок к старцу Мария Ивановна зашла в дом сердитая. «Батюшка здесь вот сидел, – показала она на место у стола, – матушка здесь, – опять показала место, – и назвала батюшку нехорошим словом». Оказывается, Кукша собрался ко мне в гости. Пошли они с Марией Ивановной на вокзал. Идут, она бидон с квашеной капустой несет. Вдруг старец остановился и ударил своей палочкой об асфальт. «Не поеду к ним, – говорит, – только что матушка назвала батюшку нехорошим словом». И вернулся назад.

Был такой случай. Моет Мария Ивановна Кукше голову. И вдруг он говорит: «Давай молиться – у отца Иоанна рядом с храмом пожар». Действительно, в это время недалеко от нашей деревянной церкви в Боровичах загорелся дом. Возникла опасность пожара. Но все обошлось. На церковь огонь не перекинулся.

Преподобный Кукша

Как-то Мария Ивановна отвезла Кукше мою фотографию. А назад привезла ее в самодельной рамочке с подставочкой. Не знаю – сам Кукша ее делал или кто другой, но в таком виде фотографию и храню.

Старец благословил Марию Ивановну умирать у меня дома. Но когда она заболела, я уехал по делам. Родственники отвезли ее в больницу, где эта праведница и отошла к Богу.

Борьба за храм

Когда меня должны были перевести по ходатайству отца Александра Ильина из Камышина в Новгородскую епархию, увидел я сон. Стою на пригорочке, а передо мной небольшой деревянный храм. Слышу голос: «Вот здесь ты и будешь служить». Сначала я ничего не понял, потому что перевели меня в город Чудов. Там я отслужил всего три Литургии, как предсказал мне Василий Иванович Иванов, Христа ради юродивый. Потом служил в г. Боровичи в трехпрестольном камен-

ном храме. Но в скором времени власти отобрали его у епархии, а вместо него отдали деревянную церковь Параскевы-Пятницы, в которой служили только на праздник этой святой. Церковь стояла под невысоким продолговатым холмом, недалеко от болота. Увидев ее, я сразу узнал в ней ту, что показали мне во сне.

Кстати, когда меня должны были перевести из Астрахани в Камышин, накануне я увидел себя во сне внутри какого-то храма, будто там служу. Приехав в Камышин, я сразу понял, что мне показали тот храм, куда меня направили.

Церковь Параскевы-Пятницы была в аварийном состоянии, требовалось заменить барабан купола. На этом основании запретили богослужения. Купол велели снять, разобрать и пустить на хозяйственные нужды. Мы пригласили мастера, он пронумеровал каждую дощечку, в разобранном виде сложили купол в подсобное помещение возле храма. С Божией помощью силами прихожан стали ремонтировать церковь. Много раз мне как настоятелю приходилось бывать в исполкоме, отчитываться перед ОБХСС за каждый гвоздь.

Решили мы покрыть купол железом. Нашли деньги, купили на имя одного из прихожан, так как церковь не имела права покупать стройматериалы. Закрыли железо в сарайчике. Власти узнали про него, спрашивают: «Откуда?»Мы отвечаем: «Люди пожертвовали. Кто лист принесет, кто два». – «А как их имена?»– «Не знаем, люди приходили, бросали и уходили. Мы не записывали». Тогда ОБХСС надумал провести проверку:

если железо жертвовали многие люди, то листы должны быть разного формата и из разного металла. Но мы успели порезать железо на листы и выкрасить в один цвет. Уличить нас ни в чем не смогли. А вот когда приобрели цементный раствор, то оформить его никак не сумели, и он у нас пропал...

В конце концов храм капитально отремонтировали, поставили крытый железом купол. Назначили день открытия. Но председатель горисполкома, чинивший нам много препятствий, сначала не давал разрешения, а потом, боясь народного гнева, не хотел ехать на открытие. Однако с Божией помощью преодолели и это искушение. В церкви начались постоянные богослужения.

В скором времени возникла новая проблема. В подсобном помещении, где у нас была крестильня, сквозь полы просочилась вода. Выход один – поднимать их вместе со стенами. Между тем уполномоченный не разрешил разбирать крышу. Тогда мы ее поддомкратили, поставили на столбы, а стены и полы разобрали, все сделали по-новому. Приехал потом уполномоченный, смотрит: крыша на месте, а стены другие. Он очень удивился.

Был у нас возле церкви жилой дом. Мы его тоже отремонтировали, хотели использовать под жилье для священников. Но нам этого не разрешили.

Вот так начиналось мое служение в Боровичах. С борьбы за храм. Молодой местный художник Саша Константинов, часто бывавший у меня, потом написал эту церковь красками и подарил

картину мне. Она и сейчас хранится у меня как память о том трудном времени.

Записал священник Сергий Гусельников

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОТОИЕРЕЕ АЛЕКСАНДРЕ ИЛЬИНЕ

Имя протоиерея Александра Ильина (1895–1971 гг.) хорошо известно нашим читателям. В 1995 г. впервые были опубликованы его воспоминания о виденном и пережитом. Хотя, возможно, сам отец Александр никогда и не был в наших краях, но судьба этого доброго пастыря тесно связана с самарской землей. В «Благовесте»уже публиковались воспоминания о нем двух старейших самарских священников – протоиерея Иоанна Державина и протоиерея Иоанна Букоткина, на пастырскую судьбу которых сильное влияние оказал отец Александр. Сегодня мы дополняем эти воспоминания о протоиерее Александре Ильине рассказом матушки отца Иоанна Букоткина Марии Дмитриевны.

Детство мое прошло в городе Аркадаке Саратовской области. Отец погиб в начале войны, мать умерла, и меня воспитывала бабушка. Она была глубоко верующим человеком и приобщила меня к вере. Большой трехпрестольный Вознесенский храм в нашем городе был закрыт, в него ссыпали зерно. Помню – я часто туда бегала и возвращалась домой в слезах. «Бабуля! Мне кажется, в храме иконы плачут!..» – говорила

я. «Бог даст, храм откроют», – успокаивала она меня. В 1944 году храм действительно открыли. Мне было в ту пору одиннадцать лет. Из ссылки к нам в город еще до открытия храма приехал священник – отец Александр Ильин. Я сразу для себя решила, что надо идти помогать ему, а то кто же еще батюшке поможет? Безбожие в то время было страшное! Батюшка сразу по-доброму ко мне отнесся, ласково спросил: «Зачем пришла, доченька?» – «Хочу помогать!» – ответила я. С тех пор я после школы забегала домой, бросала портфель и спешила в церковь. Выносила из храма гнилой овес, отдирала доски с амвона. Отец Александр первым делом стал писать икону Воскресения Христова (он был замечательным иконописцем). Вскоре я «прилепилась»к нему всей своей детской душой.

...Он пишет икону, что-то негромко поет, иногда разговаривает, а я гляжу – у него над головой белый голубь вьется! Я говорю: «Батюшка! Что же вы голубя-то не прогоните?» А он отвечает: «Деточка, это тебе только кажется...»Не один раз я видела над ним белого голубка. Бывало, этот голубь кружил над ним во время богослужения. Как-то я сказала бывшей в храме монахине: «Видите, над отцом Александром белый голубь кружится!» А она мне: «Машенька, я не вижу...» Отец Александр запрещал мне говорить об этом. Но я знаю, что некоторые из прихожан видели над ним голубя. А однажды во время Литургии я увидела его служащим в каком-то огненном столпе... Так Бог отмечал Своего служителя!

К весне мы весь храм очистили от грязи. Начались службы. Помню – крещение приходилось совершать в обычных… кастрюлях! А батюшка к тому времени написал еще одну икону – «Взыскание погибших». Вскоре заболела его матушка – Александра. Что за дивный человек была она! Удивительно добрая, словно ангел. Кушать в ту пору было нечего, очереди выстраивались огромные. И я решила помочь батюшке. Ночами стояла в очередях у магазинов, чтобы достать булочки и принести их больной матушке.

Жизнь в ту пору была тяжелая. А для нас, сирот, в особенности. Горя много было. Перед смертью матери нас обокрали. Были унижения, была нужда. Но как только принесу свое горе отцу Александру, так сразу придет утешение… Он говорил: «Моя хорошая, ты к Богу идешь. Надо пройти все канавки. А их на пути будет у тебя очень много».

Но вот пришло время батюшке уезжать из Аркадака. Я много плакала, бежала даже за поездом. А потом часто писала письма, в которых просила совета, молитв… Он отвечал мне быстро. И его письма очень утешали меня. Тем более что с отъездом дорогого батюшки скорби мои усилились. Мне было уже 16 лет. Я была при храме певчей. Новый священник давал мне и другие послушания. Однажды он мне говорит: «Мария, иди в колокол ударь». Трезвонить я не могла, а просто звонила. Поднялась на колокольню, ударила раз-другой… Смотрю, а внизу меня уже ждут. Начальник горфо кричит мне, чтобы слезала. Я поняла – что-то страшное будет! Когда я

спустилась, он кинулся на меня, говорит: «Я тебя удушу!»– «А мне все равно, – отвечаю. – Души! Я батюшку слушаюсь. А он меня благословил в колокол бить». Он стал меня душить. Ему кричат: «Ты чего? Девчонку задушишь!»Пришлось ему меня отпустить. Я пришла домой и сразу в отчаянии написала батюшке Александру в Новгород: «Золотой мой! Возьмите меня, устройте в монастырь!»Вскоре пришел от него ответ: «Не все еще канавки прошла… Время не пришло в монастырь».

Протоиерей Александр Ильин

В Саратове открыли духовную семинарию. Туда на учебу из соседнего с Аркадаком села Полухино поехал Иван Букоткин. После фронта он вернулся в родную деревню, работал в колхозе учетчиком труда. К нам в храм он ездил на велосипеде. Я не хотела замуж – мечтала о монастыре. И он не хотел жениться, думал о монашестве. Но Бог судил нам иное. Когда он заканчивал семинарию, владыка Филипп предложил ему женить-

ся и принять сан. Вскоре с его стороны было сделано мне предложение. Я этому очень удивилась. У меня в то время одна нога была в сапоге, а другая в ботинке. Полная нищета. На его предложение я ничего не ответила. Решила у батюшки Александра благословение спросить. Написала ему письмо. А уже на другой день пришел от него ответ! Это было чудо… В то время протоиерей Александр Ильин жил в Новгороде, и мое письмо никак не могло успеть за сутки попасть к нему. Обычно его письма начинались словами: «Мир вам!..» А тут первыми словами письма было: «Благословляю! Время пришло в монастырь…» Я никак не могла понять смысл происшедшего. Как же так? Я прошу благословение на брак, а получаю… благословение на монастырь! И только уже после замужества я поняла, на что благословлял меня отец Александр. Мы с отцом Иоанном приехали в Новгород, и при встрече батюшка Александр Ильин у меня первым делом спросил: «Ну, как в монастыре подвизаемся?!» Я замялась… А он продолжил: «Ты хотела в монастырь – вот и строй монастырь, домашний». Тут только я поняла, о каком «монастыре»мне писал священник. Ведь можно строить «монастырь» и в браке.

Мы долго переписывались с отцом Александром. А когда встретились после разлуки, он мне сказал: «Ну, деточка, скоро я ухожу». Я упала ему в ноги: «Батюшка! На кого же вы нас оставляете?!»– «На Бога! А я там буду за вас молиться. Только вы тоже молитесь за меня».

Вскоре пришла телеграмма: «Скончался отец Александр». Я немедля поехала на похороны. Ус-

пела! Его похоронили в Новгороде, в могиле матушки Александры. Но и после его смерти я ощущаю, как отец Александр помогает мне! Это был великий человек, замечательный священник. И надо, чтобы люди знали про таких пастырей!

Записал Антон Жоголев

ДОМ, ГДЕ ОТОГРЕВАЮТСЯ СЕРДЦА

В начале ноября 2003 г. я вновь посетил дорогой моему сердцу дом приснопоминаемого протоиерея Иоанна Букоткина. Вдова отца Иоанна – Мария Дмитриевна Букоткина – встречала меня в давно знакомых комнатах с образами на стенах, на которые еще недавно молился старец. В разговоре приняли участие дочь отца Иоанна – Елена Корнеева – и ее муж, зять священника, Сергей Корнеев.

Елена: У меня все воспоминания о протоиерее Иоанне – как об отце... Вряд ли что-то яркое могу вспомнить. Но всегда я воспринимала его как сильную личность. Хотя сила его была особого рода: его сила была в терпении и любви... И в трудолюбии была его сила. Он был необыкновенно трудолюбивым человеком. Наверное, не случайно теперь он снится мне всегда за работой – как будто мы с ним вместе трудимся на грядке...

Мария Дмитриевна: ...И еще сила его была в вере!

Елена: На вере все и было основано – и любовь, и терпение. И трудолюбие...

Отец никогда специально не учил меня вере. Он нас учил вере своим примером. Поучать же он не любил.

Мария Дмитриевна: Он всегда даже дома ходил в подряснике. Дети его без подрясника и не видели никогда. И даже спать ложился в подряснике. Никогда не заставлял детей молиться. Он по-другому действовал. Скажет весело: «Ну, кто православный! Становись на молитву!..» И все бежали к иконам.

Елена: С ним было хорошо даже просто молча посидеть...

Мария Дмитриевна: Детей он видел всего по пятнадцать-двадцать минут в день, все время был на службе. Но на деток завел специальные тетрадочки. И туда они сами вписывали замечания о том, как себя вели за день. Однажды Илюша (сейчас он служит протодьяконом в Белоруссии. – *Ред.*) написал в тетради, что он очень сильно обидел маму. Отец Иоанн его не ругал. Помолились все вместе. Потом он дал всем свое благословение на сон, а Илюше говорит: иди спать без моего благословения... Илюша целый час ворочался, не мог уснуть, потом пришел и просит прощения. Тогда отец Иоанн дал ему свое благословение.

Елена: За все детство только один раз он нас отшлепал. Один раз, но мы запомнили на всю жизнь. Мы очень долго играли на улице, поздно пришли, все замерзшие. На мне вся одежда колом стояла. А отец очень волновался за нас. Илюшу он шлепнул ремнем, как старшего, три раза, Наташу – два, а меня, младшую (мне тогда было пять лет), – всего один раз.

Я всегда поражалась его доброте. Представьте, он – израненный фронтовик, с больными но-

гами, придет со службы и в изможденни упадет на диван. И вдруг телефонный звонок. Беру трубку – просят позвать отца Иоанна. Говорю ему: «Пап, тебя». Он порой ползком движется от дивана до телефона, встать нет сил. Говорит, дает советы. Потом снова ползет на диван. Только ляжет – опять звонят. Снова просят отца Иоанна. Спрашиваю: «Пап, ты подойдешь? Или попросить их, чтобы позже перезвонили?» «Нет, поползу», – отвечает. Отдыхать ему не давали, а он никого не отталкивал. Кто бы к нему ни обратился за помощью...

Мария Дмитриевна: Он умер на Пасхальной неделе. А на пятой неделе Великого поста была его последняя служебная неделя. После Литургии повезли его на требы. А некоторые люди специально ждали, чтобы к ним приехал именно отец Иоанн. У него всегда было много адресов – по семнадцать, а то и по двадцать... Приехали они с шофером по вызову в пятиэтажный дом. Лифта там нет, а квартира как раз на пятом этаже. Батюшка понял, что на ногах до пятого этажа не дойдет. Что делать? Шофер ему говорит: давайте вернемся, кто-то другой из священников потом приедет. «Нет, я должен выполнить свой священнический долг...» Шофер довел отца Иоанна до крылечка. Батюшка наш Святые Дары на грудь повесил, подрясник закинул за спину и пополз на пятый этаж на коленях. Причастил, спустился и говорит шоферу: «Все! Вот теперь я свой долг выполнил!» Это был его последний выезд на требы.

Сергей Корнеев: Ему часто деньги жертвовали прихожане, бывало – крупные суммы. А он все день-

Протоиерей Иоанн и матушка Мария возле своего дома в Самаре

ги по детским домам раздавал. Однажды ему предприниматель дал очень большую сумму денег. А отец Иоанн сразу же попросил меня его в банк отвезти. Я его повез. Он там деньги на счет детского дома перечислил и квитанцию в руках держит. Звонит тому благотворителю и говорит: «Пожалуйста, заберите у меня квитанцию. Ваши деньги деткам-сиротам пошли». Тот отвечает: «Я вам деньги дал, как хотите, так с ними и поступайте. Зачем мне квитанция?» А отец Иоанн несколько раз ему звонил, все просил квитанцию забрать... И таких вкладов он делал много. Он всегда знал, кому деньги нужнее, и тому их отдавал. Себе от пожертвований не оставлял ни рубля.

Мария Дмитриевна: Есть у нас знакомая – Надежда Александровна. Она часто отца Иоанна водила по детским домам. И вот однажды она пригласила его в детский дом. Он взял с собой па-

кетик с деньгами, поехал. А в том детском доме были уже взрослые дети-сироты, выпускники. Смотрят, одна девочка в сторонке так горько плачет. Надежда Александровна спросила ее: «Что же ты плачешь?» – «У нас скоро выпускной вечер, а у меня нет туфелек», – сказала девочка. Отец Иоанн спрашивает: «А сколько стоят эти туфельки?» – «Они дорогие, но хорошие...» Тогда он вынимает пакет из кармана и дает той девочке. Там оказалась та самая сумма, которую назвала девочка-выпускница.

«У меня волосы дыбом встали на голове от такого чуда!» – рассказывала потом Надежда Александровна.

– Каким был отец Иоанн в быту?

Мария Дмитриевна: Много духовной литературы читал, к проповедям готовился. «Вести» по телевизору смотрел. Он так говорил: «Я не имею права встать на амвон, если не знаю, что у нас происходит в мире». Раньше любил еще смотреть «Клуб кинопутешественников». Фильмы про войну мы ему не давали смотреть. Как увидит, что человек в картине идет куда-то, а не знает, что впереди немцы (у него самого была такая ситуация!), то сразу забывает, что это всего лишь на экране. Вскакивает и кричит: «Куда ты идешь! Там же немцы...» Ну, мы тогда сразу телевизор выключали... Это, значит, он свою войну вспомнил и разнервничался.

Елена: Никогда не говорил он о том, что бы хотел поесть. Всегда так отвечал: «Что есть, то и буду...»

Мария Дмитриевна: В паломничества ездить он не любил. Владыка Иоанн ему часто вы-

говаривал: что, мол, ты куда-нибудь по святым местам не поедешь? Нигде ведь ты не бывал. А он отвечал так: «У меня в Петропавловской церкви и Иерусалим, и Афон, и Почаев...» Да и зачем ему было куда-то ездить, когда он рассказывал: приходит в Петропавловку рано утром, а Престол... теплый! Он часто туда ездил очень рано. Просит Сергея: «Отвези ты меня туда в пять утра». – «Да ведь там закрыто!» – «Я со сторожами договорился, пустят...»

Елена: Эту историю я слышала с детства. Еще в Астрахани в первые годы его священнического служения прихожане видели, как он во время Литургии в храме поднялся на воздух и висел над полом... Все были поражены этим чудом. По епархии пошли слухи. Эти слухи дошли до архиерея. Он пригласил к себе отца Иоанна. Спросил его: «Правда ли, что ты во время молитвы на воздухе висел?» – «Я просто молился, и все...»

Владыка остался доволен таким ответом. Но вскоре отца Иоанна перевели в Камышин. Время было такое, что лучше было оставаться незаметным.

Мария Дмитриевна: Он все время пел тропарь Казанской иконе Божией Матери «Заступница усердная» (его рукополагали в сан священника на Казанскую, 4 ноября. – *Ред.*). Сидит, штопает детям носки и поет...

Когда мы приехали из Камышина в Чудово Нижегородской области, он стал служить там в Казанской церкви. Туда после первой службы забегает блаженный Василий Иванович и кричит: «О, какая птичка к нам залетела! Но нена-

долго...» Тогда блаженный Василий жил в Акуловке, бывал и в Чудово. А с этой поры стал ездить за нами. Так и в Куйбышев вслед за нами приехал...

– Кто были родители отца Иоанна?

– Родился он 26 сентября 1925 года, но зарегистрировала его мать только в 1926 году. Далеко было в ЗАГС ехать из села Полухино Аркадакского района Саратовской области. Отец его – Андрей Букоткин – погиб на фронте. Они с отцом Иоанном воевали на одном фронте, но на войне не встретились. Мать, Саломия, была глубоко верующим человеком. Когда она умерла, то явилась во сне и сказала: «Я причтена к лику девиц...»

Елена: Когда мы переехали в Куйбышев, его вызывали в «органы». Требовали, чтобы он доносил на своих сослуживцев, но он отказался. Несколько раз, когда мы проезжали мимо пересечения улиц Арцыбушевской и Вилоновской, он мне показывал на один ничем не примечательный дом и говорил, что этот дом «вредный». Там была какая-то их штаб-квартира...

– С кем был духовно близок отец Иоанн?

– В Камышине он познакомился с рабочим фабрики Алексеем Ноздриным. Это был глубоко верующий молодой человек. Отец Иоанн много сделал для того, чтобы он получил рекомендацию на поступление в семинарию. В семинарию Алеша поступил, но отцу Иоанну из-за этого много пришлось потерпеть от уполномоченного... «Верни мне Ноздрина!» – кричал он. Алеша к нам и в Боровичи приезжал, они с ним целые ночи напролет разговаривали. Однажды Алеша взял манеру

ночью уходить молиться в сарай. Там было сено, которое для кур стелили, на нем он и молился. И вот приходит к нему отец Иоанн и строго говорит: «Прекратить!» А из кучки сена головы змеиные выглядывали...

Сейчас Алексей Ноздрин известен всей православной России как сильный молитвенник, духовник прославленной Оптиной пустыни схиигумен Илий. Он постригал в схиму нашу самарскую блаженную Марию Ивановну (ее отец Иоанн тоже очень любил).

В 1998 году я приехала с сестрами нашего Иверского монастыря в Дивеево. Все ждали отца Владимира Шикина, чтобы поисповедоваться. Он вышел, окинул нас взором, взял крест и Евангелие, положил на аналой, чтобы у них исповедовать. И вдруг громко так спрашивает у меня: «Как там отец Иоанн?» Я ему: «Какой отец Иоанн?» – «Как – какой? Петропавловский!» И подходит ко мне. Ну, думаю, сейчас полечу по ступенечкам за свои грехи!.. Долго он меня исповедовал, не отпускал до тех пор, пока все уголки не вычистил. А после исповеди и говорит: «Что ж ты такая зевластая? Ты на кого кричишь? Ты знаешь, какой он великий?!» То же самое мне говорила старица Сепфора в Клыково, рядом с Оптиной пустынью. Она «побила» меня своей палочкой и говорит: «Ты на кого кричишь! На отца Иоанна!..»

Я приехала домой, рассказала отцу Иоанну про то, как меня встретил отец Владимир, а он в ответ только отмахнулся: «Ой, мать, это он просто так...»

– Как умирал отец Иоанн Букоткин?

Сергей Корнеев: Умер он 8 мая 2000 года в госпитале ветеранов войны, на территории бывшего Никольского монастыря. Незадолго до смерти он прошел ежегодное медицинское обследование в поликлинике и результаты были хорошими. А вскоре он поехал в село Державино Оренбургской области, к мироточащим иконам и Кровоточащей иконе Спасителя. Оттуда он вернулся больным. В дороге ему сделалось плохо. Впечатление от Державинских икон было очень сильное, но неблизкая дорога далась ему тяжело. Была операция, которая, по мнению врачей, прошла нормально. Но вскоре он почувствовал себя плохо. Сначала диагноз был: аденома предстательной железы. Но когда у него после операции заболела вдруг здоровая правая нога (он был ранен на фронте в левую ногу), стало понятно, что дело плохо. Потом врачи обнаружили у отца Иоанна рак.

Мария Дмитриевна: В больницу он уходил на своих ногах. В коридоре он осенил себя широким крестом и сказал: «Се, оставляется дом сей пуст...» – мы поняли, что он уже домой не вернется...

Два раза причащали отца Иоанна в больнице. 6 мая он сам попросил его причастить, и его причастил отец Виктор Проничкин. 8 мая, в день смерти, его причастили в предсмертном состоянии.

Умер он в 74 года.

– Как решили похоронить батюшку в Иверском монастыре, на самом почетном месте в городе? Ведь рядом находится «историческая» могила бывшего Самарского городского головы Петра Владимировича Алабина...

Сергей: К нам в дом приехали облачить и положить во гроб отца Иоанна несколько священнослужителей из Петропавловской церкви. Одновременно с ними приехала игумения Иоанна, настоятельница Самарского Иверского монастыря. Мы еще не решили, где будем хоронить батюшку. И вот неожиданно для всех диакон Павел Шестун спросил матушку игумению: а нельзя ли похоронить батюшку Иоанна в Иверском монастыре? Она ответила, что сама она согласна, но для этого нужно благословение архиепископа Сергия. Обратились с этим предложением к владыке. Он объяснил, что нужно разрешение городских властей на захоронение в черте города. Владыка связался с властями, и такое разрешение было получено.

Мария Дмитриевна: Когда отца Иоанна стали хоронить, игумения Иоанна попросила меня немного ускорить похороны. Я не возражала. Потом она объяснила, что до последней минуты опасалась, что власти могут переменить свое решение. И потому хотела скорее похороны завершить. Но все прошло благополучно.

Сергей: Когда нам игумения Иоанна указала место для захоронения, прибыли археологи. И ими на этом месте был обнаружен склеп в очень хорошем состоянии. Он был даже побелен, побелка хорошо сохранилась. В склепе мы нашли частицы эполет, обшлаги и медали (возможно, это были монеты). На этом почетном месте раньше был похоронен какой-то заслуженный человек, скорее всего – военный. В этот склеп, на мрамор, и положили гроб с телом отца Иоанна. Кто-то из археологов назвал этот склеп... дворцом!

Такой вот милости от Бога сподобился за свою праведную жизнь мой тесть. Я очень благодарен своему отцу, но столько, сколько я получил от отца Иоанна – я ни от кого в жизни не получал...

– Как вы относитесь к тому, что эта могилка стала почитаемой? К ней идут люди, молятся и получают помощь от почившего старца...

Мария Дмитриевна: Однажды мне было очень тоскливо, и я пошла на могилку отца Иоанна. Долго там сидела. А люди к могиле все шли и шли. И вдруг я услышала какие-то крики. Это двое мужчин вели к могиле бесноватую женщину. Она кричала: «Опять к этому Ивану... Он меня живой мучил, и вот опять к нему...» Так и не довели ее до могилы. Она вырвалась и убежала.

А землю на могилу не успевают насыпать; люди домой ее уносят как святыню. Если люди приходят сюда, значит, чувствуют помощь от батюшки. Он всех людей любил, всем старался помочь. Значит, и после смерти его молитва имеет силу.

Записал Антон Жоголев

ОТЕЦ ИОАНН И БЛАЖЕННЫЙ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ

Много лет и даже десятилетий отца Иоанна связывала духовная дружба с известным самарским блаженным Василием Ивановичем. Блаженный Василий Иванович Иванов, познакомившись с отцом Иоанном, очень скоро стал родным человеком в семье Букоткиных, часто бывал и даже

жил у них неделями в доме, постоянно молился за батюшку и всю его семью. О том, как тесно блаженный был связан с отцом Иоанном, свидетельствует тот факт, что Василий Иванович приехал вслед за Букоткиными из Новгородской области в Самару — жить поближе к батюшке. Васенька, как ласково его называли в семье Букоткиных, умер почти на десять лет раньше отца Иоанна, на шестьдесят седьмом году жизни, 16 августа 1991 года. В доме Букоткиных хранят серебряный крест, который носил на груди блаженный, с любовью вспоминают Василия.

Отношения этих двух людей — удивительная и таинственная история. В ней есть какая-то неотмирная красота. Промыслом Божиим жизни этих двух ярких подвижников оказались тесно переплетены. Почему — знает только Сам Господь Бог. Известный всей Самаре протоиерей, духовник епархии и бродяга без паспорта, без жилья, безумный с точки зрения мира, были близкими друзьями. Отец Иоанн еще малым ребенком играл «в священника», Василия Господь призвал на особый подвиг юродства. Они были одного духа. Их, избранников Божиих, отличали устремление к небесному, смирение, любовь к Богу и людям. Мы не знаем и, скорее всего, никогда не узнаем, о чем они говорили между собой, как складывалась и росла их многолетняя дружба, ведь дружеские отношения — это нечто сокровенное. Но по отдельным эпизодам мы можем догадываться об этом.

Мария Дмитриевна Букоткина, матушка протоиерея Иоанна Букоткина, с радостью согласи-

лась рассказать о дружбе отца Иоанна с блаженным Василием.

— Тридцать лет мы в Самаре прожили с Василием Ивановичем. А его мы знаем, я даже не знаю сколько. Он был человек большого ума, немецкий знал в совершенстве и другие языки. Но себя скрывал. Однажды мы с батюшкой вместе смотрели его документы. Я усадила его и говорю: «Васенька, или ты вперед уйдешь (он: «Конечно!»), или я — не знаю. Я даже не знаю, кто ты. Давай с тобой по-умному поговорим, кто ты, откуда ты». — «Давай!»

Он рассказал, что родился под Ленинградом, потом они жили семьей в Ленинграде, мать звали Екатериной, отца Иваном, у него были сестра, брат. Воевал командиром танка, участвовал в Сталинградской битве, был ранен в пятку и потерял глаз. Сказал, что рано начал стремиться к подвигу юродства. Когда узнал, что родители и вся родня погибли в блокаду, вступил немедля на этот путь. А какие у него были документы! На всех документах — паспорте, на бумагах на квартиру, на военном билете он все зачеркал и написал: «Вася — дурак». Показал их мне: «Ты хочешь знать, кто я? На, посмотри! Не нужна мне квартира. Квартира должна готовиться там, а тут все временное». Он и на вокзале спал, и в милицию попадал, его и били, и обливали водой. Били, а он молчал. И в сумасшедшие дома забирали. Он говорил, что, кто поживет в психбольнице, тому в ад не захочется. Ему надо было туда попадать, он там людей вразумлял, говорил им о Боге. Он очень умный, знал, где как себя вести. Ходил во всем

старом, грязном, подвязанный каким-то непонятным кушаком, в карманах напихано незнамо чего. Сумку всегда полную носил с собой, в помойку зайдет и наберет в нее всего. У него на груди на цепи один большой крест висит, еще что-то. Многие считали его дураком, но верующие знали, что Василий — Христа ради юродивый. Он очень смиренный был. Никогда не сказал никому ничего плохого. Но если надо, обличал прямо в глаза. Его за это и щипали, и не раз били, а он молчал.

А первая встреча батюшки с Васенькой была такой. Отца Иоанна направили служить в Чудово Новгородской епархии. Он одну службу там отслужил — появляется Васенька, с палкой, и кричит на всю церковь: «О, хорошая птичка к нам прилетела, но ненадолго».

Несколько служб только отец Иоанн там отслужил, и его перевели в Боровичи той же епархии. А Васенька говорит: «Я тебя и там найду». Жил Васенька тогда большей частью в Акуловке Новгородской области, но стал постоянно приезжать к нам в Боровичи.

Батюшка Иоанн сразу понял, что он за человек. Отец Иоанн стал настоятелем, потом благочинным, по благочинию ездил, а Василий Иванович — за ним. Один раз отец Иоанн стоит на остановке — ехать ему в деревню по делам надо, должна лошадка приехать за ним, откуда ни возьмись Васенька: «Палку бери, тумак!» Он батюшку звал «тумак», меня — «тумачиха», почему, не знаю. — «Там гум-гум — ужас!» Они приезжают туда — и действительно «гум-гум» — вся двадцатка там кипела.

Великий пост. Первая неделя поста прошла. Отец Иоанн вышел на амвон: «Поздравляю, мои хорошие, вот мы с вами первую неделю Великого поста и провели». Вдруг откуда ни возьмись, появляется Васенька и кричит: «Провели-то провели, а что приобрели?» Батюшка замялся и не знает, что сказать.

Стоит отец Иоанн на остановке, ждет автобуса и творит про себя Иисусову молитву.

Вдруг появляется Васенька: «Ну что, кричишь? Кричи, кричи, взывай к Нему, взывай!» – и указывает на небо.

А вот что писал в 1995 году в очерке «Христа ради юродивый Василий Иванов» тогда журналист, а ныне иерей Игорь Макаров: «Много чудного творил наш Василий, — рассказывал сам отец Иоанн. — Многохлопотный он был для беса противник. Бывало, наберет на кладбище похоронных венков, обвешается ими с головы до ног и ходит по городу, крича и приплясывая. Что кричал, я уж не помню. А то выпросит у меня телогрейку. Была у меня такая добротненькая, на козлином меху. Напялит ее наизнанку, мехом наружу, возьмет длиннющую палку и в этом наряде идет на базар. Ходит между прилавками, палкой постукивает и грозно кричит: «Глазы крестите! Глазы крестите! Христос Воскресе!» Зимой ходил — на одной ноге валенок, другая босая. Один раз нашел он где-то дохлую ворону, уложил ее аккуратно на паперти, сам рядом стоит. Люди мимо проходят, косятся. А он неожиданно хвать кого-нибудь за рукав и в дохлую ворону пальцем тычет: «Видишь, видишь, как клюв свой раззявила,

была и нет ее, долеталась!» То ли он таким образом близкую кончину кому пророчил? То ли страх смертный внушал?

Я в то время был благочинным и собрался по делам в село Перетно навестить настоятеля тамошней церкви. Василий Иванович увязался за мной. И как чувствовал я — так и вышло: устроил он нам «представление». Прямо во время службы сел на амвон, стащил с себя сапоги и разбросал их по церкви, потом испуганных прихожан палкой гонял, а когда успокоился, лег посредине церкви и руки на груди скрестил. Ох, и сердит я был на него после этого. Но потом, уже дома узнаю печальную новость: приезжал в село Перетно уполномоченный из областного совета и двадцатку всю разогнал, а настоятель протоиерей Михаил вскоре скончался. Вот тебе и Василий Иванович!»

Блаженный не раз помогал отцу Иоанну получше узнать его духовных детей. Он не давал прямых, конкретных советов, не давал наставлений, но юродство его никогда не было шутовством.

Захаживал к отцу Иоанну один молодой художник Саша Константинов. Батюшка его очень любил, но не знал, какую нужду терпит юноша. А Саша был скромен и, как выяснилось, очень горд, не хотел никого своими трудностями обременять. Но в один из вечеров, когда Саша уже стоял на пороге, собираясь откланяться, к нему обратился блаженный: «Ты погоди, я сейчас». Сказал – и вышел в другую комнату. Через минуту вернулся и протянул бедному юноше только что снятые с себя грязные кальсоны. Стоявший ря-

дом отец Иоанн чуть сквозь землю не провалился. А Саша-художник весь как-то напрягся, аж скулы на лице задрожали. А потом взял кальсоны и тут же расплакался. Признался он отцу Иоанну, что бедствует очень и нижнего белья на нем давно уж нет. Батюшка был весьма удивлен и растроган. Так мудрым юродством Василий и гордость в юноше обличил, и священнику указал на его невнимательность.

Блаженный Василий

Была и такая история. Приходит к отцу Иоанну одна прихожанка и жалуется: «Ваш Васенька у меня костюм украл». – «Как украл?» — удивляется батюшка. «А вот так и украл. Зашел, наглая морда, при мне шкаф открыл, выбрал костюм получше, взял его и ушел. Я и рта раскрыть не успела!» Священник рабу Божию успокоил, а на Василия гнев затаил.

«Ну, — думает батюшка, — появись только!» Через какое-то время является Васенька, костюмчик на нем тот самый, и с порога кричит: «Вор пришел!» У батюшки тут же весь гнев как рукой сняло: «Васенька, ну зачем?» — «Так надо, так надо...» Костюм он вернул, а женщина та вскоре покаялась, что в войну, в голодное время, много добра на горе чужом нажила.

Мария Дмитриевна продолжает свой рассказ: «Если Васеньку в храме увидишь и зовешь, чтобы он к нам пришел, не придет. А когда не зовешь, придет. И неделю, и две у нас живет. Любил очень лежанку — у нас была невысокая лежанка типа деревенской печки. Даже среди лета скажет: «Истопи!» – и на нее ляжет.

Однажды нашего сына Илюшу, который сейчас протодьяконом служит в Витебске, ребята стали соблазнять в Новгород ехать учиться после девятого класса. А я села с ним на веранде и говорю: «Куда ты, желторотый воробей, вылетаешь из нашего гнезда? Послушай отца, останься дома». А в душе! — Господи, хоть бы Васенька пришел! И вдруг слышу голос: «Крестите глазы! Христос Воскрес!» Рынок рядом с нами был, Васенька бежит по рынку, венок надет на нем, хвост привязан, безрукавка мехом кверху. У нас, когда было сухо, дети всю обувь оставляли на улице и заходили в дом босиком. Вижу, Васенька идет уже по нашему двору. Я обрадовалась! А он подошел, палкой обувь пошвырял, сразу нашел Илюшкины ботинки и говорит: «А, ноги дома — и голова тут».

Заходит к нам на веранду и сразу же начинает Илюше мои слова повторять: «Желторотый воробей, ты куда вылетаешь из гнезда?» И палкой стучит. «Послушаешь отца — человеком будешь, не послушаешь — погибнешь». Илюшка все понял. Васенька палку в сторону, обнял его, целует и говорит: «Как я вас люблю!» Опять повторяет: «Если ты послушаешься отца — будешь человеком».

Приходит Пасха, тепло. А Васенька приехал к нам в ватных брюках. Отец Иоанн говорит: «Куплю я ему брюки». А Васенька ходит: «Да, да, да, купишь, купишь, темно-синие в полосочку, за четыре рубля», — и сколько-то копеек назвал. А батюшка думает: «Ну, я такие уж не буду ему покупать, куплю подороже, рублей за 20». Поехал покупать сам, все Боровичи объехал, все магазины — нашел брюки только темно-синие в полосочку, за четыре рубля с копейками. Приносит, а Васенька: «Во-во, тумак, я и говорил!»

В Боровичах был у нас такой случай. Вечером батюшка говорит мне: «Мать, пора помидорку сажать». А у нас хоть и маленький огородик был, а Господь давал урожай, потому что батюшка всегда сам сажал и поливал с молитвой. Я рассаду принесла, а тут Васенька пришел. А батюшка подумал: «Господи, хоть бы он не остался сегодня. Я так устал, хочу отдохнуть». Отец Иоанн пошел сажать помидоры, а мы с Васенькой сидим на веранде. И вдруг Васенька вскакивает, собирает все — уходить. Я говорю: «Посмотри, какой закат нехороший, куда ты собираешься на ночь, ночуй у нас». — «Не-ет, тумачиха хочет, а тумак не хочет, чтобы ночевал». Уходя, говорит батюшке: «Ну что, сажаешь? Сажай, сажай, а собирать вон там будешь», — и показывает палкой в сторону рынка. И что же вы думаете? Помидоров уродилось тьма, но мы ни одного не попробовали, они все сгнили на корню. На следующий год, прежде чем сажать рассаду, батюшка спрашивает у Васеньки: «Сажать, что ли?» — «Сажай, сажай. Что потопаешь, то и полопаешь». Помидоры уродились на славу.

Батюшка Иоанн задумал уехать из Боровичей сюда, в Самару. Владыка Иоанн (Снычев), который тогда возглавлял Самарскую кафедру, постоянно ему говорил: «Отче, не пора ли тебе ко мне?» Они учились вместе в Саратовской духовной семинарии, в одной келье спали, они были такие друзья! А митрополит Никодим никак батюшку не отпускал. Мы поехали к митрополиту на Благовещение в Ленинград, он спрашивает: «Отец Иоанн, я вас отпущу, раз вы так просите, но какая причина?» Причины-то у нас серьезной нет, батюшку там любили. Но просто хотелось поближе к родине, Саратовская область рядом, детей надо учить, да и владыка Иоанн зовет. Митрополит Никодим просил отца Иоанна: «Не уезжай!» — но указ о том, что его отпускает, подписал и возил его с собой. Он поехал в Рим и там умер, указ весь истрепанный в его кармане нашли. Никто не знал, что отец Иоанн решил уехать в Куйбышев. Он был скрытный, никогда никому ничего не говорил, пока не сделает дело. А Васенька прибегает к нам, батюшки тогда не было дома: «Тумачиха, пляши!» Сам пляшет со мной: «Хорошо на Волге жить, ходят пароходики, незаметно пролетают молодые годики». — «Васенька, ты что?» — «Да, да, да, да!» А даже я не знала, что батюшка прошение написал о переводе в Самару. Приходит отец Иоанн, а Васенька ему: «Ты зачем уходишь? Там вся Акуловка плачет и рыдает: отец Иоанн уходит, вот и я приехал порыдать. Как тебя здесь любят, ты что делаешь?!» А потом говорит: «А там тебе еще лучше будет. А я вас и там найду». Приехали мы сюда в Самару. Я сижу дома, у нас еще контей-

неры с вещами не пришли, и в это окошко вот так — появилось лицо! Мамочка, Василий Иванович! Выхожу: «Ты как к нам попал?» — «А меня дворничиха привела».

Вот как описывает появление блаженного Василия в Самаре отец Игорь Макаров: «Уезжая из Новгорода, отец Иоанн думал, что прощается с блаженным Васенькой навсегда. Но расставание было недолгим. Не прошло и нескольких месяцев, как на пороге его нового дома в Самаре появился блаженный. В порыве общей радости домашние батюшки не сразу сообразили, что появление Васеньки — чудо. Первой пришла в себя матушка Мария Дмитриевна: «Васенька, ты же не знал нашего адреса! Мы только что переехали». – «А меня где берегут — туда ноги сами бегут. Меня добрый человек привел», — ответил блаженный. Этим добрым человеком оказалась соседская дворничиха — едва ли не единственная во всем городе, с которой семья батюшки успела познакомиться. «Я по делам на вокзал ходила, — рассказывала впоследствии дворничиха. — И его сразу же заприметила, странен очень. Вышел он из поезда на перрон и на месте топчется, а когда я мимо него проходила, он прямо в ухо мне как гаркнет: «Где тут батюшка Иван живет?» — Вот я и привела его к вам».

Свой рассказ продолжает Мария Дмитриевна: «Через 17 лет после приезда в Самару Василий Иванович пропел отцу Иоанну, напоминая ему о прошлом: «Хорошо на Волге жить, ходят пароходики. Незаметно пролетели молодые годики». У него всегда все было в рифму. Когда мы только собирались в Самару, Василий говорил:

«Я приеду к вам и сложу кости там». И правда, он познакомился с Куликовыми, и они его в свою оградку в Рубежке на 10-й линии похоронили.

Васенька предсказал нам с отцом Иоанном пожар в Самарском Покровском кафедральном соборе в 1976 году. Прибегает Вася к нам за два дня до пожара, весь взъерошенный, возбужденный. Я на кухне что-то делаю, он начинает мне: «Тумачиха, каски, шланги! Каски, шланги!» — «Ну, что ты кричишь?» — «Да, да, да, готовь каски, шланги». Ботинок левый на правую ногу надет, шапка набекрень. Он никогда не был дома у владыки Иоанна (Снычева). А тут собрался и побежал к нему, ему открыли, забегает и кричит владыке: «О, митрополит питерский, не безпокойся!» Он сразу его, как только владыка к нам приехал, стал звать «митрополит питерский». Никто и не думал тогда, что владыка, такой больной, поедет в Ленинград. «Ничего, митрополит питерский, бумагами заклеишь и будешь служить».

Это было за два дня до пожара, а в понедельник 7 ноября случилось это несчастье. Собор был закрыт, был санитарный день. Следствие установило, что бутылку с зажигательной смесью бросили в алтарь. А буквально накануне Васенька нам лично с отцом Иоанном говорил: «Никого не ищите, так будет угодно Богу», — мы тогда не поняли, о чем идет речь.

Ой, как горел-то собор! За 15 минут выгорел весь, можете себе представить?!

Сторож говорил, что такого огня в жизни не видел. Температура была, наверное, под триста градусов, огонь витал клубами. Штукатурка ле-

тела до кирпича. Там было невозможно взглянуть. Мраморный иконостас стал черный весь.

Батюшка мой приехал оттуда и зарыдал: «Маруся, не езди!» Потом поставили внутри собора фанеру, бумагой заклеили, там убирают, а здесь идет служба, как Васенька и говорил. Когда он к нам прибежал и стал пророчествовать о пожаре, я ему: «Ты что, Васенька?» — «Да это я просто так». Как он себя скрывал!

У батюшки ноги были больные. Васенька приходит — и стал примерять его ботинки. Отец Иоанн в душе думает: «Не дай Бог сейчас попросит! В чем я буду ходить, у меня ноги привыкли к ним». У него один ботинок был зимний, другой летний, такая ортопедическая обувь. «Нет, нет, сейчас не возьму! После Пасхи», — неожиданно говорит Васенька. А потом заявляет: «Вообще не возьму. У тебя там подполковниковы внизу, он носить их не будет, ты их мне достань». Илюша наш из армии только пришел, его обувка новенькая там стояла. Илюша тогда был дьяконом в Витебске. «Во, во, тумак, как хорошо!» А через некоторое время Илюша пишет: «Я стал протодьяконом».

Говорил Василий постоянно. Придет к нам, я на кухне, три часа сидит и говорит, говорит. И откуда у него что бралось. «Вась, ну ты немножечко помолчишь?» Подойду, поцелую его: «У меня уже голова болит». – «Во-во, тумачиха». И еще больше говорит. Я ему: «Васенька, ну возьми на себя подвиг немного помолчать». — «А ты меня благословила говорить-то? Ты знаешь, кем я благословлен? Вот сними с меня это благосло-

вение, тогда замолчу. Если я замолчу, тогда камни возопиют».

Иерей Игорь Макаров: «Блаженный Василий любил говорить шутливыми прибаутками или скороговорками. А, бывало, начнет болтать как из пулемета, не остановишь, да и не разберешь. Ничего не понять, промелькнет что-нибудь, и тут же забудешь. Но проходит время, и всплывают из памяти эти чудаковатые фразы уже расшифрованными, и находишь в них нужный ответ. Отец Иоанн говорил: «Ты слушай. То, что тебе нужно, он скажет». А порой говорил блаженный вполне конкретно и ясно, но всегда в таких случаях коротко, два-три слова, не более. Как-то пришел он к батюшке Иоанну Букоткину и заладил: «Моль ест, да – моль ест…» Батюшка голову себе ломает, что бы это могло значить, кого он так образно обличает. Когда же блаженный ушел, достал отец Иоанн из шкафа свой любимый пиджак — а он весь молью изъеден.

Мария Дмитриевна: «Посты Василий не нарушал. Единственное, если иногда в среду ему где дадут чего скоромного, он съедал, а в четверг постничал. Он учил так: «Никогда человека не обижай. Ты съешь, а в четверг попостничай, и Господь заменит дни». Он часто мне повторял: «Тумачиха, не это нас губит (показывает на брюхо), а это», — и показывал язык. Все, что ему давали, он тут же раздавал. Это называется шестикрылатая милостыня: если тебе дадут, а ты кому-то ее отдашь.

Васенька был великий человек. Он появлялся у нас именно в такие минуты, когда у нас в се-

мье была критическая ситуация: то уполномоченный нас терзает, то еще что. Он обязательно приедет и так успокоит, так все плохое развеет! Он очень любил батюшку Иоанна. Вообще всю нашу семью любил. Слава Тебе, Господи! Василий иногда называл отца Иоанна Букоткина Букеткиным и говорил своим знакомым: «К Букеткину надо как к священнику ходить».

Он приходил к нам в любое время, когда ему надо, и когда надо уходил, и ночью мог уйти. Как он молился, мало кто видел, он не показывал себя. Сильный подвижник. Он говорил: «Пусть Сам Бог потом меня откроет». Молился он на коленях, поклоны клал очень легко. Молитв много знал, акафисты знал на память. Молился только ночами. Станет на коленях перед иконами и стоит, голову наклонит, руки сложит и молится, молится — долго-долго. Отец Иоанн ложится спать, а Васенька встанет рядом с ним на колени и всю ночь молится. Все время за батюшку молился. Батюшка его тоже очень любил. Евангелие, молитвослов у Василия всегда с собой в кошелке были. Там в кошелке и песок в мешочках, всегда он носил с собой тяжести. Чего только там не наложит. А всех вещей у него было только то, что он на себе носил. Он больше ходил в Петропавловский храм. Стоял и молился в конце, прямо при входе.

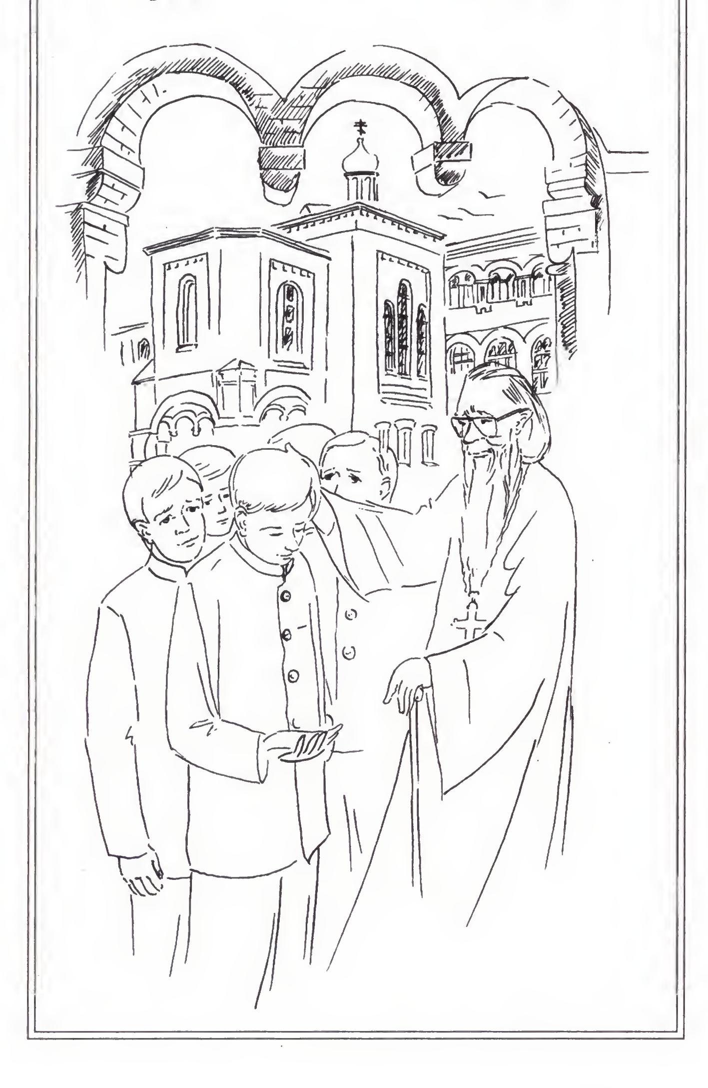
Один раз служба идет, а он громко на весь храм: «А-а!» – как подавился. — «Вася, да ты что?» — «Молчи, тумачиха, я всю самарскую грязь съел, мне плохо». Я тогда поняла, как он молился за всех.

Я поминаю блаженного Василия и прошу его молитв за всех своих близких. Его святыми молитвами помилуй меня, Господи!

Владыка Иоанн (Снычев) говорил батюшке: «Отче, ты записывай за Василием Ивановичем. Какие у нас еще люди есть. Это наши столпы, которые нас держат».

Подготовила Людмила Белкина

Духовник епархии

ОТЕЦ ИОАНН – ИЗ СТАРОГО СВЯЩЕНСТВА

Настоятель самарского храма св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова митрофорный протоиерей Николай Мезинов был много лет дружен с отцом Иоанном. Вот что он рассказывает:

– В своей жизни мне пришлось повстречаться с духоносными священниками, которые учили меня, наставляли, когда я учился в семинарии в Троице-Сергиевой Лавре. Это были очень известные люди – игумен Марк (Лозинский), архимандрит Тихон (Агриков), иеромонах Иоанн (Маслов) и другие. Продолжение тех старых священников я увидел в отце Иоанне Букоткине. Я познакомился с ним, когда в 1971 году владыка Иоанн (Снычев) перевел меня из Сызрани в Самару в Петропавловский храм, где он служил. Из священников он был мне всех ближе. В Петропавловке я тогда был младшим по возрасту священником. Отец Иоанн принял меня как своего сына. И все наставления его были отцовские: «Вот это не надо, а это ты потерпи». Отец Иоанн был другом владыки Иоанна (Снычева), сюда он был переведен из Новгородской епархии по ходатайству владыки. Они учились вместе в Саратовской семинарии, жили в одной келье, друг друга будили по утрам. Исполнял свою службу отец Иоанн добросовестно. Все труды возлагались на него так же, как и на других, он также выполнял всю работу, нельзя было его упрекнуть в том, что он любимчик владыки. Владыка Иоанн часто приходил к отцу Иоанну, и отец Иоанн приходил к владыке решать различные вопросы. Однажды

отец Иоанн ушел в отпуск, и в это время я по молодости и неразумию подал прошение и уехал из Самары к владыке Феодосию в Полтаву. Отец Иоанн потом говорил мне: «Если бы я знал, что ты хочешь уехать, я бы лег поперек дороги, но тебя бы не пустил». Уйдя из Петропавловки, я все время продолжал общаться с отцом Иоанном, во всех трудностях и печалях обращался к нему. После многих скитаний (а служил я и в Ульяновской епархии, и в Самарской области) к радости своей я вернулся в Петропавловский храм. Отец Иоанн к тому времени уже приобрел себе птенцов-семинаристов (владыка дал ему послушание исповедовать их), многие из них сейчас священники. Не только они – многие батюшки приходили за наставлением к отцу Иоанну, исповедовались у него. К нему шли все, и всех он принимал. У него исповедь была не поверхностная, он старался выложить наружу все «внутренности» человека,

Петропавловская церковь г. Самары. В ней около тридцати лет служил отец Иоанн

чтобы освободить его от грехов. К отцу Иоанну стремились все. И сам владыка Иоанн исповедовался у него.

Если говорить о характере отца Иоанна, можно сказать, характер у него был очень ревностный о славе Божией. Если вопрос касался Церкви, тут он был непримирим. А если ему лично зло причиняли, то он все сносил со смирением. Но здоровье его становилось все хуже и хуже. Хотя отец Иоанн болел, но служил так же, как и все, ни в чем не давая себе поблажки. А болезнь каждого человека он принимал на себя. Много было случаев, когда он не мог сам добраться до храма, а машина за ним не приходила, он шел и падал, его довозила до храма милиция. Таково все наше старое священство – оно болезни не признавало.

Отец Иоанн был миролюбец. Он старался матушек с батюшками мирить. У него всегда было такое наставление, чтобы воссоединить семьи.

Отец Иоанн был очень милостивый. К нему люди могли приходить и в десять, и в двенадцать часов ночи, расплакаться, и он им помогал. Просили деньги – давал, даже точно зная, что деньги ему не отдадут. Говорил мне: «Отец Николай, знаю, что не отдаст, но она просит на дело». То, как наставлял отец Иоанн, соответствовало наставлениям владыки Иоанна. Отец Иоанн не отличался епитимьями: «Почитай Покаянный канон, лишнего на себя не бери, но что положено, выполняй – вычитывай утреннее и вечернее правило, читай Евангелие».

В нашем храме святого Апостола Иоанна Богослова много духовных чад владыки Иоанна

и отца Иоанна Букоткина, а также отца Виталия Калашникова, который был их воспитанником. Видя, что отец Иоанн все время со мной ездит, его чада уже тогда обращались и ко мне. И как отец Иоанн любил и баловал маленьких детей, так и я стараюсь их баловать в храме шоколадками, конфетками. Где любви нет, там веры нет. У отца Иоанна любовь была на первом месте. На могилке отца Иоанна всегда цветы стоят, свечечки горят. Когда мне сказали, что отец Иоанн умер от рака легких, я подумал, тут что-то другое. Господь уже не хотел его дальше испытывать, закончилось время испытания, пришло время награды.

Людмила Белкина

«БУДЬ НЕМНОЖКО ДУРАЧКОМ»

О батюшке Иоанне Букоткине рассказывает иеромонах Петр (Луканов) из Свято-Воскресенского мужского монастыря г. Тольятти:

– Когда я учился в Самарской духовной семинарии, многие семинаристы с нашего курса ходили исповедоваться к отцу Иоанну. Я только поступил в семинарию, и мне подсказали, что можно ходить на исповедь к отцу Иоанну. На первой же исповеди у меня отпали всякие сомнения, и все четыре года учебы, да и после отец Иоанн был моим духовником. Всегда после его исповеди, да и просто после встречи с ним была такая радость, такая легкость, я возвращался в семинарию как будто на крыльях. Шел на исповедь с трудом, заставлял себя, а оттуда возвращался с радостью и светом в душе, с желанием жить,

молиться. Очень много с его стороны было конкретных подсказок, советов. Однажды такой случай был. Я тогда был гордым, хотя и сейчас, конечно, страсть присутствует. Но тогда особенно кичился и знаниями, и преуспеяниями в учебе, а покаяния было мало. Отец Иоанн все это видел, и однажды мне сказал: «Будь ты немножко дурачком!»Как это – дурачком? Я – дурачком?! А потом жизнь сама смирила. Часто я вспоминаю эти его слова. На самом деле, гордость – это такая непробиваемая стена между тобой и Богом, тобой и людьми. А чуть немножко смиришь себя, чуть дурачком-то станешь – и все меняется. Все в жизни очень просто. Ведь отношения между людьми, жизнь, душа человеческая – просты, это страсти все усложняют, все запутывают. А начнешь жить по-евангельски, и все становится очень просто. Слова батюшки «будь немножко дурачком»все больше мною осмысляются, становится понятным, почему отец Иоанн так сказал. Я всегда вспоминаю эти слова, и мне они на самом деле помогают, смиряешься так. В этом «будь немножко дурачком»мудрость-то и есть, наверное.

Записала Людмила Белкина

ДЕРЖАВИНСКИЕ ИКОНЫ

Рассказывает иерей Дионисий Толстов, клирик Петропавловского храма г. Самары:

– Первый раз я увидел отца Иоанна у него дома, моя будущая матушка привела меня к нему. Члены ее семьи были духовными чадами отца

Иоанна. Их передал отцу Иоанну митрополит Иоанн (Снычев), когда уезжал из Самары в Петербург. Наша встреча с отцом Иоанном произошла у него дома в коридорчике, он меня обнял и поцеловал в голову. Это было так неожиданно. Я тогда окончил третий курс Саратовской духовной семинарии. Он говорил: «Хороший батюшка будет». Мы поговорили о чем-то с ним немножко, а потом ушли. Есть много вещей очень личных, связанных с отцом Иоанном, о которых я не могу рассказать, потому что они касаются только нашей семьи. Я обязан ему своей семьей, даже так можно сказать. Он много наставлял нас вдвоем, когда мы приходили к нему перед венчанием. Время было выбрано, но мы еще не знали, где будем венчаться, может, в Покровском, а может, в Петропавловском храме. Пришли к нему с каким-то вопросом, а он нам говорит: «Я венчаю в воскресенье во столько-то». И вопрос сам решился, он нас повенчал. Потом меня рукоположили, у него я проходил ставленническую исповедь.

У батюшки была отеческая любовь, но строгая. Конечно, отец Иоанн был добрый человек, но он не был человеком, который все позволяет. Его любовь была вместе с правдой. Он мог для вразумления и отругать. Он сподобился уникального дара утешения. Мне кажется, он больше утешал молитвой, чем словом. Однажды я видел, к нему подошла женщина, она еще не успела ему ничего сказать, только рот открыла, он ее по голове ладонью хлоп: «Глупышка, глупышка, иди, иди, иди». Она ушла. А потом я с этой женщиной познакомился, и она мне рассказала, что тогда от отца

Иоанна ушла и ей легко стало на сердце, все проблемы, с которыми она приходила, представились как ничто. Один мужчина пришел к нему опечаленный тем, что его дети не ходили в церковь, и спрашивал, что же делать. «Молиться надо, молиться»,– сказал ему отец Иоанн. Его дети скоро стали ходить в храм. Батюшка за них, видимо, сам молился. Он молитвой утешал и помогал людям, это самое действенное. И словом, конечно, помогал, мог дать наставления пастырские.

Служил отец Иоанн очень тщательно. Как-то раз, когда отец Иоанн служил литургию, во время Евхаристического канона, на «Тебе поем»он разрыдался. Но потом сдержал и заставил себя произнести возглас. Меня это поразило. Конечно, он умер в строю. Несмотря на тяжелый недуг (а он и хромой был, с палочкой передвигался, и еще болезни имел) он наравне со всеми священниками служил, исполнял все требы, пастырство совершал.

Несмотря на свою немощь, он относился к своему служению очень ревностно. И на разъезды по требам он ездил, как и все мы, хотя бывало, что подниматься надо было на пятый этаж, а лифта нет.

Он очень почитал Казанский образ Божией Матери еще и потому, что он был рукоположен на Казанскую, 4 ноября. Наверное, неспроста он всегда находился в Казанском приделе, там он облачался, выходил помазывать народ на Всенощной…

Шел Великий пост, Страстная седмица 2000 года – последние дни, когда он был в храме. Я помню последнюю его беседу. Он сидел на

Протоиерей Иоанн в доме Ольги Ефимовой в с. Державино, где мироточат более двадцати икон и кровоточит образ Спасителя. Последний прижизненный снимок отца Иоанна

кресле, а я стоял рядом, и мы с ним говорили о Державинских иконах, о кровоточивом образе Христа Спасителя. Я не сомневался в подлинности этого чуда и спросил его не для того, чтобы удостовериться, а только чтобы узнать его мнение по поводу этих икон и особенно кровоточивого образа. Он говорил, что это чудо действительное и что сомневаться в нем нет никаких оснований. Но что он собирается туда поехать, он не сказал. Может быть, сам еще не решил, ехать или не ехать. Это было дня за два до поездки. И потом следующая встреча была с ним уже в госпитале. Он лежал в общей палате, там было еще два человека. Встреча была очень короткой, буквально минуты две, потому что нельзя было его безпокоить. Я спросил отца Иоанна опять же

про Державинские иконы, о его недавней поездке в Державино, и он сказал: «Меня это потрясло. Запах крови». С образом Кровоточивого Спасителя связаны последние дни его жизни. Он поехал в Державино незадолго до смерти. Не знаю, насколько это правильно, но я считаю, что Господь сподобил его с Собой пострадать на Голгофе. Отец Иоанн ездил в Державино на Страстной седмице. А умер он на Пасхальные дни, это тоже очень символично, 8 мая – это и день Победы, а ведь он фронтовик… Когда копали для отца Иоанна могилу, то случайно наткнулись на старое захоронение какого-то офицера. Нашли там эполет, пуговицы, мундир. В этом склепе и похоронили отца Иоанна… Удивительно и промыслительно, что для него нашли именно это место. Могила была готова. Это подтверждение того, что место у стен Иверского монастыря было выбрано не случайно. Отец Иоанн при жизни окормлял монастырь и после смерти, видимо, покрывает его своими молитвами. В этом явно виден Промысл Божий.

Записала Людмила Белкина

«ОТ ЮНОСТИ МОЕЯ…»

– Моя первая встреча с отцом Иоанном Букоткиным произошла промыслительно. Сейчас я осознаю всю значимость этой встречи, – *рассказывает священник Рустик Гузь, настоятель Свято-Пантелеимоновского храма г. Самары.* – Шел 1992 год – время, когда я делал первые шаги в храм. Мне было тогда 19 лет, я перешел на второй курс

планового института (ныне Экономическая академия – *Т. Г.*). Лето этого года я провел в уединении за городом, читал православную духовную литературу, творения святых отцов. И когда я узнал о том, что у христианина должен быть духовный отец, что очень важно в деле спасения, то стал молиться, просить Бога, чтобы Он послал мне такого человека. По возвращении в город я пришел в Петропавловский храм и увидел отца Иоанна. До этого я его не знал и никогда не видел. Отец Иоанн стоял на солее в левом приделе храма, где он обычно исповедовал, и разговаривал с кем-то из прихожан. Когда батюшка закончил разговор, я подошел к нему и попросил разрешения стать его духовным чадом. Отец Иоанн не ответил ни «да», ни «нет», но сказал: «Приходи». И я, конечно, стал приходить к нему в храм.

Отец Иоанн подвиг меня к первой исповеди. Он именно подвиг, потому что у меня было покаяние, но был и страх выразить, исповедовать свой грех. Отец Иоанн пощупал сам себя за руку и сказал: «Вот, я тоже человек». Он дал понять, что нет оснований стыдиться: я тоже человек, я все пойму...

Первой исповеди предшествовали такие моменты, которые особенно сблизили меня духовно с отцом Иоанном. Я помню одну из вечерних служб. Отец Иоанн имел обыкновение преподать свое благословение после вечерней службы. Я тоже подошел к нему. Батюшка благословил, а потом еще обнял меня, поцеловал в макушку. И у меня было такое ощущение, как будто я оказался в объятиях Божиих. Такой поток благодати излился на меня...

Исповедь у отца Иоанна – это нечто особенное. В некоторые моменты на исповеди я чувствовал, что священник знает о моих грехах больше, чем я. То, о чем я не сказал по забывчивости, отец Иоанн мягко напоминал, какой-то грех называл более конкретно. Потом он пытался это как-то сгладить.

Отец Иоанн сразу стал для меня духовным авторитетом. В нем я нашел старца. На его уста я смотрел как на уста Божии. Отец Иоанн не был ученым богословом, он был молитвенником. Безусловно, Господь дал отцу Иоанну дар утешения. И общение с ним, какие-то простые его слова вдохновляли, снимали тяжелый груз с души.

Батюшка сыграл большую роль в моей личной жизни. Помню, у меня был конфликт с родителями, которые были против моего обращения к Церкви. И во многом этот семейный раздор утишил отец Иоанн. Мы с мамой вместе приехали к батюшке, побеседовали с ним, и после этого она успокоилась.

Отец Иоанн настоял, чтобы я закончил институт, – я хотел его бросать, – а потом благословил поступать в семинарию. Однажды мы с Антоном Вахрушевым (сейчас диакон Антоний – *Т. Г.*) провожали батюшку домой из Петропавловского храма, и отец Иоанн нам сказал: «Господь вас взял на заметку». Это в том смысле, что надо в семинарию поступать. У меня не было такого стремления – стать священником, было просто желание посвятить жизнь Богу. Я связывал это с монашеским подвигом. Но когда в 1994 году в Самаре открылась семинария, мне пришла на сердце мысль поступать в семинарию, несмотря на то, что я перешел

на пятый курс Экономической академии. Я сдал вступительные экзамены и один год учился параллельно в институте и в семинарии. И не жалею о том, что стал священником.

Изначально я хотел быть монахом и исключал для себя создание семьи. Было горение духовное уйти в монастырь. Но отец Иоанн прозорливо утверждал, что я женюсь. И хотя я противоречил в этом духовнику, все так и случилось. Отец Иоанн меня и венчал. Сохранилась видеозапись, где отец Иоанн дает наставление моей матушке, грозит ей пальчиком, говорит, чтобы слушалась мужа.

Как-то, еще до поступления в семинарию, я стоял, молился в храме, и мне вдруг захотелось петь в хоре. Мне казалось, что там ангелы поют. Отец Иоанн благословил меня петь на клиросе. Но когда я попал в среду певчих, то вскоре увидел, что в церковном хоре поют и оперные певцы, которые просто подрабатывают таким образом. Меня шокировали их разговоры во время службы. И мне захотелось снова стоять в храме среди молящихся, чтобы ничто не отвлекало от Богослужения. Но отец Иоанн назад вернуться не благословил, сказал словами псалма: «Пою Богу моему, дондеже есмь…»

Поражало то, что отец Иоанн был очень строг к себе и снисходителен к слабостям других. Например, он никогда не давал мне епитимьи. У меня не было стремления о чем-то его расспрашивать, заглядывать в тайники души. Я просто ощущал, что это великий духовный человек, молитвенник, прозорливец.

Я приходил к отцу Иоанну только с исповедью – когда была духовная брань, какая-то печаль. Не ради праздности. И он никогда не отказывал в исповеди. Позволял приходить исповедоваться к нему домой. Однажды я пришел в дом Букоткиных и понял: батюшка недавно вернулся со службы и скоро ему опять уходить в храм. Он прилег отдохнуть буквально на полчаса – и тем не менее уделил мне время.

Отец Иоанн всегда ободрял, поддерживал. Бывало, придешь к нему со своей печалью – и он начинает напевать в утешение: «От юности моея мнози борют мя страсти...»Утешало уже одно прикосновение его руки, общение с ним. Общение с отцом Иоанном – это как драгоценный камень алмаз, у которого разные грани переливаются; некие переливы благодатного прикосновения. После исповеди я уходил окрыленный, вдохновленный...

Мои родители изменили свое отношение к вере, в том числе и по молитвам отца Иоанна. Впоследствии они даже воцерковились. А в судьбе моих близких отец Иоанн молитвенно продолжал участвовать и после своей смерти.

Моя сестра Светлана и ее муж Василий ждали ребенка. На шестом месяце беременности Светлане сделали УЗИ, и врачи сказали, что патология плода несовместима с жизнью, нужно прерывать беременность. Наступил момент испытаний для всех членов семьи. Сестра решила вынашивать ребенка. С этого времени будущая мать начала усиленно молиться, в оставшиеся до родов месяцы причащалась каждый день. Мария

Дмитриевна Букоткина (с ней я продолжаю поддерживать отношения после смерти отца Иоанна) рассказала, что во время родов близких людей отец Иоанн открывал в храме Царские врата и молился за роженицу. Матушка Мария посоветовала и нам поступить так же.

В субботу в конце октября я предложил Свете поехать в Иверский монастырь на могилку к отцу Иоанну, отслужить там литию, попросить у батюшки молитвенной помощи, ведь роды уже близко. Мы съездили туда, и когда вернулись домой, у Светы отошли воды. Врач, осмотревшая ее в роддоме, сказала, что положение плода неправильное, а организм матери не готов к родам, надо делать кесарево сечение. И тогда муж сестры напомнил мне, что надо молиться, как говорила матушка Мария, и сам прямо на улице стал класть поклоны.

А в Свято-Пантелеимоновском храме в то время как раз шла реконструкция, у нас даже иконостаса не было. Что делать, куда ехать? У меня возникла мысль поехать в дом отца Иоанна Букоткина. Матушки Марии не оказалось дома, но домашние разрешили мне пройти. Я стал молиться в комнате отца Иоанна перед иконой. Потом пришла матушка Мария, и мы стали молиться вместе. Через полчаса врач снова осмотрела Свету и не поверила своим глазам: все было готово к родам. Сестра родила ребенка сама, операция не потребовалась. У новорожденного на первый взгляд все было нормально, но через день-полтора мальчик перестал брать грудь, его перевели в реанимацию. Я вместе с отцом ребенка приехал

в роддом окрестить младенца. И хотя врачи препятствовали, мы все же настояли на своем. После крещения малыш стал заметно спокойнее, даже поел. А на следующий день он умер. Когда мы забирали ребенка из роддома, чтобы похоронить его по-христиански, медики были удивлены: редко кто забирает умершего младенца…

Но потом Господь послал нам утешение. Матушка Мария Дмитриевна рассказала, что видела такой сон. На лужайке множество детей, и среди них красивый мальчик играет золотыми яблочками. А рядом стоит прекрасная Жена – как я понял, Богородица. У Нее спросили, кто этот мальчик. И Она ответила: «Это племянник отца Рустика».

Я считаю, что эти события напрямую связаны с отцом Иоанном.

Внутренне отец Иоанн был очень собранным человеком, погруженным в себя, в молитву. Когда он спускался со ступенек на амвоне, хотелось подать ему руку, поддержать, чтобы не споткнулся. Но отец Иоанн говорил: «Нет-нет, я сам». Такая у него была внутренняя собранность, что даже своему телу он не давал расслабляться. И когда ни придешь к нему домой, он либо читает, либо работает на грядке. За другим делом я редко видел отца Иоанна. Он жил аскетичной жизнью, и у него не было свободной минуты, чтобы как-то расслабиться.

У меня есть четки отца Иоанна – те, с которыми он молился в больнице. Его последние четки. Я учусь заочно в Свято-Тихоновском богословском институте, и когда еду на сессию, то

беру с собой эти четки (естественно, не как амулет, а как святыню). В течение года нет возможности основательно готовиться к экзаменам по причине занятости. Идешь на экзамен – надеешься только на милость Божию. Надеваешь четки отца Иоанна, молитвенно обращаешься к нему – и просто чудеса совершаются, иначе не назовешь. Например, по новой и новейшей истории – огромный объем материала, и мне попадается именно тот билет, который я лучше всего знал, о чем прочитал накануне. Можно сказать – случайность, но когда это повторяется часто, то переходит уже в закономерность.

Отец Иоанн умер, но духовная связь с ним не прервалась. Эта связь и молитвенная поддержка батюшки ощутимы.

Всю свою жизнь отец Иоанн посвятил Богу, и Господь его прославит. Я думаю, мы еще станем свидетелями обретения мощей отца Иоанна. Не случайно его похоронили в склепе на монастырской земле, не просто земле предали. В человеке жил Дух Божий – значит, и тело будет сохранено Богом как свидетельство его святости, и тело будет нетленно.

Записала Татьяна Гусельникова

ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

Людей, благодарных самарскому священнику Иоанну Букоткину за его богоугодные поступки и помощь в трудную минуту, найдется немало везде, где ему довелось служить в течение его долгой, наполненной любовью к Господу и своей

пастве жизни. Особенно трепетное отношение к отцу Иоанну, конечно, у его учеников, у тех, для кого его служение явилось отправной точкой для дальнейшей жизни. Один из любимых учеников батюшки Иоанна – настоятель известного всей России и освященного молитвами святой блаженной Ксении Петербургской храма во имя иконы Смоленской Божией Матери в городе на Неве протоиерей Виктор Московский.

– С отцом Иоанном Букоткиным Господь судил мне познакомиться, когда я был еще отроком восьми лет, – вспоминает протоиерей Виктор Московский. – Мы со старшим братом в то время иподьяконствовали у архиепископа Сергия (Голубцова), возглавлявшего Новгородскую кафедру. Я был у владыки посошником. Когда мы находились в алтаре, к нам подходил такой скромный батюшка, невысокий, худенький и очень ласково к нам обращался, спрашивал, как сейчас помню: «А как вы, мирно живете с братом? Все у вас хорошо?» – «Да, – мы говорим, – слава Богу». И вот с тех пор наши встречи стали продолжаться. Конечно, я близко тогда не знал батюшку, был еще маленьким. Но моя мама – очень церковный человек. Она пела в Успенском храме г. Боровичи и часто видела батюшку Иоанна Букоткина.

Позже отец Иоанн приобрел дом, и мой папа, Александр, – он был строитель, Царствие ему Небесное, – был приглашен сделать ему бетонные дорожки. И папа меня брал с собой помогать. Мне было тогда лет четырнадцать. Я помню, как мы приходили в дом отца Иоанна и делали эти

дорожки. Он со службы приходил, видел все это и всегда внимание проявлял, всегда приглашал нас на обед, и за обедом можно было многое-многое узнать о жизни отца Иоанна. Мама тоже часто приходила в их дом помогать. И вообще это был любимый батюшка для нашей семьи. Я помню такой случай. Меня батюшка приглашает с собой на рынок: «Пойдем, Витенька, сходим». Идем мы на рынок, заходим в магазин, где продают одежду. И он говорит: «Выбирай себе костюмчик». А в то время мы жили скромно. Большая семья: нас было пять человек детей. И вот этот подарок, костюм – серенький, помню как сейчас, – очень хорошо на мне сидел. И я его так берег, отпаривал постоянно брючки, следил за ним и, пока не подрос, носил этот костюм. Это для меня был очень ценный подарок.

Много случаев было, когда отец Иоанн оказывал нам и материальную помощь, и духовную поддержку.

Я возрастал, заканчивал школу, десятый класс. И вот однажды мы приходим к нему в дом, а он спрашивает: «Виктор, а что дальше думаешь? Время уже подходит, ты заканчиваешь школу. Чем думаешь заниматься?» И стал рассказывать о семинарии, которую он закончил в Саратове, о своих друзьях, о тех дисциплинах, которые изучал он в семинарии. И, знаете, он меня заинтересовал, и я как-то задумался: «А, наверно, и неплохо поступить в семинарию и служить Церкви Христовой».

Благодаря маминым молитвам и вообще ее отношению к нам, детям, ее воспитанию церков-

Архиепископ Самарский и Сызранский Сергий в доме протоиерея Иоанна Букоткина

ному мы чувствовали потребность в духовной пище, мы любили храм и часто его посещали. И после разговора с отцом Иоанном у меня появилось желание служить Церкви Христовой, но уже в сане священника.

После разговора с батюшкой Иоанном я серьезно задумался о поступлении в семинарию. Придя однажды к нему в дом, я свое пожелание высказал. Тогда он стал меня готовить, дал мне и Псалтирь, и Евангелие, и я стал учиться читать по-церковнославянски, читать Евангелие, слово Божие. Он мне помогал разуметь Священное Писание.

Помню, учась в десятом классе, я уже принимал участие в Богослужениях, читал псалмы.

После того как я окончил школу, отец Иоанн (он хорошо печатал) взял все мои документы

и сделал все нужные копии. И я все это послал в Ленинградскую семинарию. И когда узнал, что меня приняли в семинарию, радости не было конца. И у меня, конечно, много радости было, но вы бы видели, как радовался отец Иоанн! Потому что я, наверно, был первый человек, который его трудами и по его рекомендации поступил в семинарию (это не совсем так – ранее по его «протекции», как мы уже писали, поступил в семинарию будущий духовник Оптиной пустыни схиигумен Илий, а в то время Алексей Ноздрин. – *Ред.*). И, можно сказать, он мне дал первую путевку в жизнь на служение Церкви Христовой.

Батюшка всегда ходил в подрясничке, хотя время было сложное. Ведь в те хрущевские времена гонения на Церковь, может быть, не такие явные были, как до этого, но все же заметные. И отношение к Церкви было очень негативным.

Когда я поступал в семинарию, был даже такой случай. Я хотел ехать поездом, но полетел самолетом, опять-таки по благословению отца Иоанна. Он мне сказал: «Улетай самолетом через Новгород в Ленинград». Я так и поступил. А потом мне рассказали: оказывается, на вокзал приходили мои одноклассники, чтобы меня разубедить, отвлечь от мыслей о поступлении в семинарию, а я уехал другим путем. Это уже Промысл Божий. Я считаю, что это произошло молитвами отца Иоанна.

Я учился. Он однажды приезжал в Ленинград из Куйбышева и навещал меня, интересовался моими успехами. И затем неоднократно бывал в Ленинграде, когда я уже служил в Никольском соборе священником и учился в Духовной академии.

Насколько мне известно, перевод отца Иоанна в Куйбышев был связан с болезнью матушки Марии Дмитриевны. Они с матушкой ведь родом не с севера, и климат Поволжья для их здоровья был значительно лучше. А выбор именно Самары, тогда – Куйбышева, во многом, я думаю, был сделан из-за владыки Иоанна (Снычева), возглавлявшего тогда Куйбышевскую епархию, с которым батюшка Иоанн Букоткин учился вместе в Саратовской семинарии. Они были большими друзьями.

Отец Иоанн всегда помнил меня, писал мне очень теплые, сердечные письма. У него был очень хороший, красивый слог, и он всегда писал мне: «Здравствуй, отец Витя! Как живешь? Я – слава Богу. Господь меня, грешного, терпит ещё. Прошу твоих молитв святых. Твой собрат протоиерей Иоанн Букоткин». И, казалось бы, он намного старше меня, в отцы годился, а он вот так, на равных, ко мне обращался. Много нужных книг мне дарил; вот, например, книгой протоиерея Сергия Булгакова «Настольная книга священнослужителя» я до сих пор пользуюсь. И там надпись есть: «Дорогому отцу Виктору, моему собрату, в дар от отца Иоанна Букоткина на молитвенную память». Когда я беру эту книгу, я всегда вспоминаю отца Иоанна.

И вообще в моей памяти он оставил самый добрый след, я ему очень многим обязан, обязан тем, что я продолжаю его служение в качестве пастыря Церкви Христовой. Сейчас я служу на таком месте святом, связанном с великой святой – блаженной Ксенией Петербургской, и, конечно, всегда вспоминаю добрым словом дорогого

батюшку – отца Иоанна, который много доброго сделал для меня: утвердил меня на духовном пути, сформировал как служителя Церкви, вдохнул в меня особую жизнь, особое дыхание дал мне в этой пастырской жизни. Конечно, я не достоин такого звания – быть протоиереем и в таком месте служить, но верю, что это случилось молитвами и любовью отца Иоанна Букоткина. Верю, что и сейчас он молится за меня. Знаю, что его молитвы меня оберегают и помогают мне дальше выполнять свои обязанности пастыря.

Я постоянно благодарю его, и в моих молитвах всегда его поминаю. В моей памяти и в моем сердце он живой. И так приятно, что вы сегодня пришли расспросить меня для будущей книги о нем.

Ольга Захарьян,
г. Санкт-Петербург

НЕИЗРЕЧЕННАЯ ЛЮБОВЬ

В день памяти батюшки Иоанна – ясный весенний день 8-го мая 2003 года – к его могиле в ограде Иверского женского монастыря в Самаре собрались православные самарцы, среди них было много его духовных чад. Панихиду служил архиепископ Самарский и Сызранский Сергий. А после панихиды все выстроились в очередь приложиться к кресту на могиле батюшки. Многие радостно приветствовали иеромонаха Митрофана (Биляйкина). Он раньше служил в Самарском Иверском женском монастыре, а теперь служит в Свято-Воскресенском мужском монастыре г. Тольятти. Мы беседуем с отцом Митрофаном о батюш-

ке Иоанне Букоткине недалеко от его могилки под веселое щебетание птичек. Отец Митрофан отвечает на мои вопросы тихо и раздумчиво.

– Какую роль сыграл отец Иоанн Букоткин в вашей жизни?

– Отец Иоанн был моим духовником. И я считаю, что это великий дар Божий для меня, что Господь мне послал такого духовника. Я, к сожалению, не был воспитан в православной вере с детских лет, обращение мое совершилось уже в зрелом возрасте, когда служил в армии. И оно, как у многих современных людей, произошло через скорби. Скорби были очень тяжелые, и так по Промыслу Божиему сложилось, что никто из мирских людей мне помощь не смог оказать.

Оказал эту помощь Господь через протоиерея Иоанна Букоткина. Он был проводником этой благодати, тем верным слугой Христовым, который меня спас от погибели, от вечной смерти. В двух словах это не расскажешь.

– А как вы с ним встретились?

– Я стал ходить в Петропавловский храм молиться и видел его на службах. Делал я первые шаги в духовной жизни, стал читать духовную литературу и узнал из нее, что в духовной жизни нужен руководитель, без него трудно спастись. И там же был совет: если хотите выбрать себе духовника, молите Бога, и Господь вам Сам укажет его, положит его на сердце. Я стал молиться, и произошло удивительное дело: я такое расположение к батюшке Иоанну почувствовал – любовь сыновнюю. Подошел к батюшке и попросил, чтобы он был моим духовным отцом. Он не отказал. С тех пор

началось руководство моей духовной жизни отцом Иоанном. Общение с ним было постоянным, очень частым. В первую очередь это была регулярная исповедь. Я часто у него исповедовался – и до учебы в семинарии, и когда учился, и после, когда уже рукоположился в священнический сан и принял монашество. На исповеди я старался не только грехи называть, но и помыслы открывать. Батюшка был очень опытным духовным руководителем. Я скажу даже, не побоюсь этого слова, он был старцем, опытным старцем и духовником. Случаев его прозорливости на мне было несколько, я просто не могу сейчас об этом сказать. Другие люди тоже говорили, что был у него этот дар. Но я знаю, что батюшка этот дар скрывал, старался быть смиренным служителем алтаря Христова.

– А сейчас вы чувствуете его молитву?

– Конечно, чувствую. Я всегда молюсь ему и прошу, чтобы Господь за его молитвы помиловал меня. У меня был случай в жизни, когда я осо-

бенно почувствовал батюшкину молитву. Когда батюшка еще был жив, я поехал в паломническую поездку в Дивеево и стоял в храме. Искушения были, тяжело было на душе, я возопил к Богу: «Господи, за молитвы отца моего духовного Иоанна помилуй мя!» И такое утешение неизреченное сошло ко мне на душу, и чувство возникло такое, что батюшка здесь рядом со мной, он меня не оставляет, – такая радость сошла на сердце. Это словами не опишешь. Я постоянно чувствую, что батюшка меня не забывает, за меня молится. И, конечно, после его кончины праведной я почувствовал, кого я лишился. При его жизни я, может быть, в полной мере не осознавал, какой дар Господь мне дал в лице этого духовника, как отец Иоанн ограждал меня от бед, скорбей. Именно после его кончины посыпались скорби, и такие, с которыми было трудно справиться. До сей поры я другого духовника себе не могу найти и очень скорблю из-за этого. Но во всем – Промысл Божий! Как мне сказала игумения Самарского Иверского женского монастыря матушка Иоанна, когда батюшка умер, и я поделился с нею своею скорбью: «Нужно учиться ходить своими ногами. Отец Иоанн вас за ручку водил, а теперь – самому нужно». Батюшка поставил меня хотя бы на ноги, потому что я и ползать-то толком не умел, а он поддержал меня.

– Отец Иоанн служил в Петропавловском храме, где его очень любили прихожане. Многих людей погибающих он спас, привел на путь истинный. Говорят, что в Петропавловке его присутствие ощущается.

– А мне кажется, что батюшка духом сейчас больше здесь, в Иверском монастыре. И не потому только, что он здесь похоронен. Он не случайно здесь похоронен.

Отец Иоанн очень любил монастырь и любил его настоятельницу матушку игумению Иоанну, она часто к нему ходила за советом. Он вообще был по духу монах, хотя был семейным человеком. Он и хотел стать монахом, когда в семинарии учился. Но его духовник отец Александр Ильин его не благословил.

Что сказать о батюшке? Самое главное, что его отличало от всех священнослужителей, которых я знал и знаю, и вообще, наверное, от всех людей, с которыми я встречался, – это неизреченная любовь в первую очередь к Богу, и, во-вторых, к людям. Людей с такой любовью я просто не видел и не встречал.

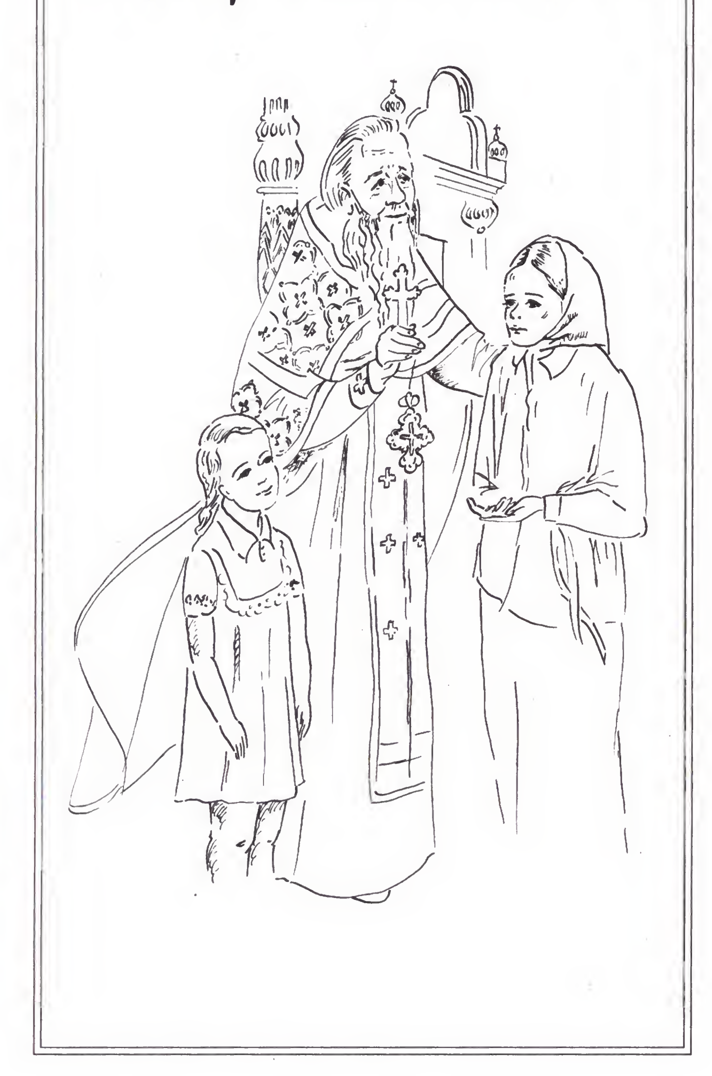
Потом уже, став священником, я видел, как он молился за людей в алтаре со слезами, когда вынимал частицы на проскомидии, как он плакал. У него была любовь ко всем, он не различал праведников и грешников. Может быть, грешников он даже еще больше любил. Он их жалел, сожалел об их грехопадении, погибели, плакал о них. И наверняка он плакал чаще всего втайне, потому что он свои слезы скрывал. Вот это самое главное – любовь, которая и отличает человека святого. Святые отцы пророчествовали о последних временах, что святых последних дней будет отличать именно любовь. Не какие-то чудеса или подвиги чрезвычайные, а именно любовь к людям. Вот этой любовью отец Иоанн отличался.

– Отец Митрофан, что вам особенно запомнилось из наставлений батюшки?

– Как-то я пришел к нему в Великий пост, а он говорит мне: «Знаешь, кому Господь дает на Пасху радость?» – «Батюшка, кому?» – «Тем, кто за пост никого не осуждал». Какие мудрые слова! Он постоянно говорил: «Никого не осуждать, грешников не осуждать, грешников любить».

Записала Людмила Белкина

Самарский батюшка

ПАМЯТИ ПАСТЫРЯ

Я познакомился с отцом Иоанном лично недавно, в 1995 году. Но все же история его отношений с «Благовестом» началась задолго до нашего знакомства…

В далеком уже июне 1991 года, когда готовился к выходу самый первый номер газеты «Благовест»,мне, тогда только еще вступающему на церковную стезю, пришла в голову дерзновенная мысль – вести в газете рубрику «Десять праведников». И в ней рассказывать о тех людях, чьими молитвами, трудами и подвигами стоит богоспасаемый наш град… Сейчас-то я понимаю, насколько самонадеянной была эта задумка! Мне одному, едва переступившему церковный порог, предстояло решать: кто же эти самые десять праведников?! Не знаю, как это случилось, но только в первом же номере газеты первым же персонажем этой рубрики стал совсем не знакомый мне старенький священник. Я только раз увидел его в Петропавловской церкви – маленького, доброго, с каким-то поотечески ласковым просветленным лицом, – и сразу отчего-то подумал: «Он!..» А вскоре наш фотограф, по невероятному стечению обстоятельств, принесла в редакцию только что сделанную серию фотографий именно этого священника. Надо ли говорить, что это был наш дорогой батюшка, протоиерей Иоанн Букоткин?!

Видно, Господь указал на него Своим перстом. И мне оставалось лишь констатировать: «Да, праведник. Первый из десятка…»

Я встретился с отцом Иоанном в Великую субботу 1995 года, когда приехал в Петропавлов-

На грядке – в редкую минуту отдыха...

скую церковь святить куличи. Отец Иоанн что-то уже слышал обо мне; благословил, потом слегка пожурил за рассказ в газете о «херувимском пепле»,имеющем особую благодатную силу (записанный со слов другого, тоже мной глубоко уважаемого и, увы, тоже уже умершего священника). А потом, взглянув на меня проникновенно, неожиданно сказал: «Искушения чаще всего не тогда бывают, когда мы постимся, молимся, а когда их не ждем. Когда расслабляемся…»

В праздники мне пришлось пережить тяжелое искушение. Вот и вспомнились мне слова отца Иоанна.

Вскоре после той встречи я увидел удивительный сон. Как будто я сдаю экзамен по… православию. Экзаменатор – малознакомая молодая женщина, совершенно мирская – разложила передо мной на столе несколько билетов, из которых я должен выбрать один, как на сессии в сту-

денческие годы. Ладно, тяну. Достается вопрос: «Духовный отец в православии». Я начинаю объяснять, как могу, роль духовника в церковной жизни. Но экзаменатора мое объяснение явно не устраивает. Она останавливает меня и говорит: «Я не могу понять, как вообще может быть такое? У взрослого человека, вполне самостоятельного, есть еще какой-то неродной «отец». И он слушается его, выполняет его советы…»Я снова начинаю ей объяснять, что смысл отношений с духовным отцом – в стяжании Царствия Небесного, что только под руководством опытного духовника можно избежать многих ошибок… Потом привожу примеры. Говорю про знакомую женщину, что у нее есть духовный отец. А потом четко произношу: «Вот и у меня тоже есть духовный отец – протоиерей Иоанн Букоткин».

Даже во сне я изумился от этих слов. А пробудившись, стал думать, что же они могли означать? Ведь я едва знаком с отцом Иоанном, к тому же хожу в другой храм…

Вскоре обстоятельства сложились таким образом, что я стал прихожанином Петропавловской церкви и все чаще начал обращаться за благословением к отцу Иоанну Букоткину. Пришлось сдавать тот экзамен уже не на словах, а на деле…

Как-то мы всей редакцией пришли домой к отцу Иоанну. С нами был и Олег А., недавно принятый на работу. Батюшка не давал ему покоя: то по голове погладит, то по спине ладонью проведет… Очень ему понравился наш новый сотрудник. Потом, вспоминая про какого-то своего старого знакомого, отец Иоанн вдруг сказал: «Это

было на Камчатке, 32 года назад...»Мы переглянулись: Олегу как раз 32 года, родился и вырос он на Камчатке. Но откуда об этом узнал священник? А батюшка, посмотрев на Олега, неожиданно «поправился»: «Ой, что это я? Это в Карелии было, а не на Камчатке. Да и к тому же лет сорок назад...»Нам показалось, что батюшка прикровенно дал понять, что знает об Олеге (да и о всех нас) гораздо больше, чем мы ему рассказывали. Он тщательно скрывал свою прозорливость. Но это все равно не всегда удавалось.

Однажды после исповеди отец Иоанн тихо сказал мне величественные слова: «Бог есть Дух. И Он всегда с нами рядом, видит и слышит каждое наше слово. И надо помнить, что Он всегда рядом...»

В другой раз, прочтя надо мной разрешительную молитву, батюшка неожиданно, словно бы мне в утешение, сказал: «Раз уж часть Ангелов на Небе пала, будучи безплотными духами, не имеющими телесности, то что говорить о людях, которых еще и тело толкает на грех...»

Видно, тяжкие мои грехи, раз такое понадобилось «утешение»...

После другой исповеди отец Иоанн посоветовал мне прочесть «Илиотропион»– духовную книгу святителя Иоанна (Максимовича) Тобольского о согласовании своей воли с волей Божией.

Как-то я с клироса наблюдал, как на исповеди у отца Иоанна кричала и корчилась одержимая. Изгибалась, гнусавила не своим голосом: «Ладно, выйду, выйду...»Но батюшка к «голосу»не прислушивался, продолжал молиться над болящей...

В последние годы отец Иоанн в церкви на каждом молебне и перед каждой общей исповедью неизменно громко произносил: «Молитвами святых мучеников дома Романовых...»Для него они давно уже были святыми. Словно знал он, что не доживет до их официального прославления, и потому начал открыто молиться им, не дожидаясь канонизации...

Однажды Великим постом мне пришлось пережить маленькое гонение. Недоброжелатели вдруг разом ополчились на меня, на газету... В один из вечеров я пришел домой в состоянии, близком к отчаянию. Даже молиться не мог. Решил обзвонить «своих»: пусть хоть они помолятся... Тогда, к счастью, было к кому обратиться за помощью. Совсем рядом, в той же Петропавловской церкви подвизалась блаженная Мария Ивановна. В Нероновке под Сергиевском «прикрывал с севера» протоиерей Иоанн Державин. К ним-то и некоторым другим я и поспешил обратиться... Последним, уже ночью, я все же решился набрать номер отца Иоанна Букоткина. На другом конце провода сказали, что он уже спит, но, видно, голос мой был столь жалок, что мне не смогли отказать... Вскоре у телефона был батюшка.

– Отец Иоанн, в «Благовесте» беда!.. – закричал я в трубку.

– В Африке беда? – то ли юродствуя, то ли спросонья спросил батюшка.

– Не в Африке... при чем тут Африка?.. В «Благовесте»беда...

– Не в Африке? В «Благовесте»? – снова переспросил священник, словно не доверяя услышан-

ному. Я принялся торопливо рассказывать суть ситуации. Отец Иоанн долго слушать не стал.

– Тебя терпят? – только и спросил он.

– Пока терпят.

– И будут терпеть! – с ударением на «будут» сказал он. А потом добавил свое мудрое присловье: «Что от людей – разрушится, что от Бога – останется!»

Вскоре все наши искушения рассеялись, не причинив никакого вреда. Словно и правда все это было не с нами, а где-то в далекой Африке.

Теперь, когда кого-то хочу успокоить в подобной ситуации, участливо спрашиваю: «Что, в Африке беда?» И, как ни странно, это действует, помогает…

Спрашиваю у отца Иоанна совета, но такого, который бы мне по душе пришелся. Одолевает родственница, хоть и молодая, а наглая, безцеремонная. К тому же, духовно больная. «И вот ее-то, батюшка, благословите больше на порог не пускать!» Но что это? Вдруг слышу в телефонную трубку: «Нет, не благословляю!»– «Как, почему? Она же…»И снова: «Не благословляю… Нельзя тебе от нее отмахиваться. Помоги! У нее ведь тоже душа вечная, как и у нас с тобой…»

Пришлось подчиниться. Но больше всего удивил именно этот его «аргумент»! Явно – он не здешнего происхождения, а как метеорит – слетел к нам откуда-то Сверху. Из звездного Неба…

Слышал, как отец Иоанн вразумлял молодую женщину: «Ты свою фамилию мужу отдала?»– спрашивает он. – «Отдала». – «Ну вот, так же, как

фамилию мужу отдала, и волю свою ему отдай… Слушайся мужа во всем; даже если он не прав, все равно слушайся. А он будет перед Богом отвечать… И если будешь слушаться мужа, волю свою ему отдашь, тогда он будет любить тебя как самого себя и станешь ты ему дороже золота».

Вот бы всем женщинам, вступающим в брак, встретился такой пастырь, как отец Иоанн! Разводов, наверное, было бы меньше.

Одна женщина пристрастилась к спиртному. Сначала пила «для веселья»,чтобы «расслабиться». И так постепенно стала алкоголичкой. Впереди отверзлась неотвратимая бездна: «Пьяницы Царствия Божия не наследуют»,– говорит Писание. Однажды в отчаянии пришла она в храм. И излила свою боль, муку невысокому седенькому батюшке – доброму-предоброму… Он надел на нее крестик, помолился над ней и… больше она не могла даже смотреть на спиртное. Лишь через много лет узнала она, что того батюшку зовут отец Иоанн.

Об этом удивительном случае я узнал недавно, совершенно случайно. А сколько других больших и малых чудес совершилось по молитвам отца Иоанна?

Бог весть…

Когда отец Иоанн вернулся со Святой Земли, где побывал в недолгом паломничестве, он дома во время молитвы вдруг увидел беса. Тот грозил ему кулаком в безсильной злобе. Пугал священника. Но отец Иоанн не из пугливых. Он продолжил молитву, и нечистый дух исчез…

«Зло помним долго, а добро мы забываем быстро»,– перед каждой исповедью, рефреном, повторял и повторял нам отец Иоанн. Видно, чтобы это осталось в нашей памяти, когда уже его не будет и некому станет нам это сказать…

«Иоанном Петропавловским»иногда в шутку называл батюшку митрополит Иоанн. Но в каждой шутке есть нечто нешуточное. Действительно, неспроста Господь определил отцу Иоанну почти тридцать лет служить в этом удивительном храме. В духовной жизни города Петропавловской церкви отведена особая роль. Это храм миссионерский, что и явствует из его имени – в честь первоверховных апостолов Петра и Павла. Но миссионерство здесь тоже особое – это «миссионерство любви». Ведь и миссионерствовать можно тоже по-разному. Кому-то дано обращать проповедью иноверцев или своих же соплеменников, ходить по домам, по школам, больницам. А кому-то достаточно просто светить, чтобы люди шли к этому свету, стремились к нему…

Петропавловская церковь расположена в самой гуще городской жизни – рядом с рынком, стадионом, вокзалом… Для многих и многих (если не для большинства!) горожан этот храм был первым в их жизни. И как важно, чтобы, переступив церковный порог, люди почувствовали, что их ждут, что их любят! Вот этих-то людей и встречал любовью батюшка Иоанн! Кто еще скажет с такой теплотой: «Мои дорогие… мои хорошие!»Кто еще с такой отеческой любовью по-

хлопает по плечу, погладит по голове? Кто еще сможет так утешить, успокоить, поддержать?..

Из всех, кого он крестил в разные годы, вполне можно составить средней величины город. А скольких он венчал, исповедовал, отпевал? Их тысячи. И на каждого человека, встретившегося на пути, у него хватило любви. Ибо весь он был «в Боге»– а этот Источник неисчерпаемый…

18 апреля отца Иоанна на автомашине повезли в его последнее земное паломничество – в село Державино, где мироточат более 20 икон и где стал кровоточить образ Спасителя.

Рассказывает матушка Мария Дмитриевна Букоткина:

«Мы своими глазами видели, как кровь на иконе Иисуса Христа стекает струйками с ладоней и лба Спасителя… В комнате стоял густой запах живой крови, смешанной со святым миро. Отец Иоанн был потрясен увиденным знамением. Он в молитвенном сокрушении воскликнул: «Господи, мой Господи! Наверное, фарисеи и книжники так не распинали Тебя, как мы распинаем Тебя своими грехами!..» После этих слов кровоточение на иконе заметно усилилось. Отец Иоанн стал служить молебен. И, что удивительно, пока служился молебен, кровоточение на иконе остановилось. А когда молебен кончился, кровь опять потекла…»

…В этот же день вечером протоиерея Иоанна Букоткина госпитализировали. Для него начиналась своя Голгофа.

Антон Жоголев

САМАРСКИЙ БАТЮШКА

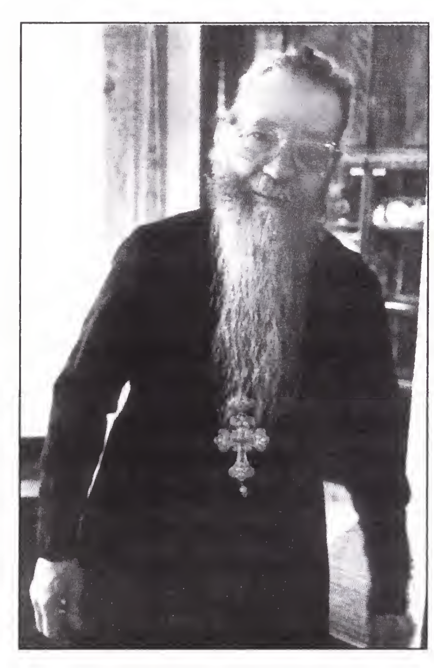
Записки редактора

Все дальше от нас то время, когда в самом центре города, в многолюдном Петропавловском храме Самары служил замечательный подвижник – протоиерей Иоанн Букоткин. В последние годы мне довелось наблюдать вблизи пастырский подвиг отца Иоанна. В 1995 году я стал прихожанином Петропавловской церкви и каждую неделю имел возможность молитвенно общаться с батюшкой. Исповедоваться ему, причащаться из его рук, испрашивать советы. Все это – великое счастье, которое было даровано не только мне, но и сотням других прихожан этого замечательного храма.

Ниже приводятся не воспоминания о священнике, а скорее заметки, штрихи к еще не написанному портрету. Верю, что эта большая работа еще впереди…

В начале Рождественского поста 1999 года после литургии я подошел к отцу Иоанну, чтобы приложиться ко кресту. Он неожиданно задержал меня, положив ладонь мне на затылок, и шепнул: «Будь осторожнее!» Через два дня произошли сильнейшая ссора и последующий разрыв отношений с близким мне человеком. И это предвидел отец Иоанн.

У сына переходный возраст – 14 лет. Нам с женой возникшие искушения казались чрезмерными. Идем с ней в церковь на литургию и обсуждаем создавшуюся ситуацию. Переживаем за сына, тревожимся о его последующей судьбе. Высказываем самые нехорошие прогнозы… Пос-

Самарский батюшка

ле исповеди отец Иоанн неожиданно говорит Людмиле: «А сын-то хороший… Это все возрастное – пройдет, вы не думайте!» Она удивленно посмотрела на батюшку, ведь он не мог же слышать нашего разговора, и на исповеди она ни слова ему не сказала об этом. А он продолжал убеждать ее в том, что с мальчиком «все в порядке», и надо лишь сейчас потерпеть, потом он исправится…

Все так и случилось, как предсказывал старец.

В 1997 году я решил вставать ночью для сугубой молитвы. Иногда это удавалось, но чаще – нет. Однажды я проснулся не в полночь, а гораздо позже, ближе к утру. Несколько поколебался, вставать или нет, и решил не вставать: а то ведь потом уже не усну и не выспавшимся придется идти на работу… Заснул – и вижу во сне, что ко мне домой идет отец Иоанн Букоткин. Он, оказывается, переехал жить в мой подъезд, и даже

квартиру сам себе выбрал. Говорит: «Пришел к тебе помолиться!» Я отказываюсь, мол, не до молитвы мне, то одно мешает, то другое. Проснулся и понял: а ведь обличил меня батюшка! Молиться надо, а не оправдываться…

Другой случай. На заре «идентификации» я опубликовал заметку о том, что в Башкирии некоторые верующие не желают принимать «социальные номера» (аналог ИНН) и даже написали письмо с протестом в Московскую патриархию. Я дал в газету невзвешенный комментарий, что, мол, все это безпричинные опасения и чем пугать друг друга какими-то «номерами», лучше молиться больше и т.д. Не понимал еще, не видел проблемы (как и многие до сих пор не видят!). Тогда все это было еще далеко от нас и коснулось пока лишь пилотного региона – Башкирии. Но не долго оставался я при своей мнимой правоте. Однажды ночью во сне ко мне вновь пришел отец Иоанн. Но на этот раз говорит: теперь я у тебя жить буду. Меня из моего дома в Башкирии выгнали. Там, – говорит он, – православие запретили, на православных гонение. Вот, мол, и приходится мне по чужим домам скитаться…

Проснулся я и сразу понял, о чем идет речь. Видно, поспешил я осуждать за «невежество» православных уфимцев… Вскоре «идентификация физических лиц» стала проблемой уже для всех православных россиян. Об этом строго меня и предупредил старец.

Один мой близкий знакомый, верующий человек, уже несколько лет мяса не ест. И дочери новорожденной мясо решил не давать. Сначала жена

его с этим мирилась, а когда дочери исполнилось два с половиной года, решила кормить «как все». В доме начались ссоры. Ослушаться мужа прямо она не решалась, но и смириться не хотела. Решили они отдать ситуацию на суд старцу. Пошли в Петропавловскую церковь к отцу Иоанну. С дочерью и пошли. Рассказали о том, что их волнует. Батюшка выслушал и сказал им так: «Когда люди ели растительную пищу, то жили до тысячи лет, а как начали есть мясо, жить стали лишь до ста лет…» – «Так что, не давать дочке мясо?» – спросили родители. «Мне, старику, мясо ни к чему, уже и так все зубы выпали, а тебе (отцу ребенка) –*пока* можно еще», – уклончиво ответил батюшка. «Ну, а с дочерью как же быть?» – «Если можете не кормить мясом – лучше не кормите»,– ответил он (этот случай публикую не для того, чтобы другие воспользовались этим советом: речь ведь шла о конкретном случае в конкретной семье и о конкретном ребенке. И все же суждение старца об этой проблеме знать нужно).

Священник из Курской области прислал нам статью – «Враг человека». В ней шла речь о том, как собака в одной семье загрызла грудного ребенка. Началась дискуссия о том, можно или нельзя дома держать собаку. Один священник, в то время близкий к редакции, требовал от нас занять крайнюю позицию и не публиковать те письма читателей, в которых оправдывалось в некоторых случаях содержание собаки в доме (сама редакция, и я в том числе, стояли на этих же позициях – собаку в доме держать нельзя). Мы

уже были готовы отстаивать лишь эту ригористичную точку зрения. Но вдруг… позвонил мне домой отец Иоанн. Он мне очень редко звонил, а тут он счел нужным вмешаться.

– Не пишите категорично, что собаку в доме держать нельзя! Не пишите!.. – почти кричал он в трубку. – Я знал высокодуховных людей, и даже в сане, у которых была живность в доме… Тут не может быть общих рецептов.

По здравом рассуждении мы решили крайнюю позицию не занимать. Послушались старца.

Для меня до сих пор загадка, почему он такое горячее участие принимал в этой дискуссии. Видимо, опасался за нас, что мы своим «сверхправильным» рвением взбаламутим всю епархию. Нанесем душевные раны тысячам любителей домашних животных. Конечно, такая его позиция с точки зрения «буквы», канонов – весьма уязвима. И оппоненты, наверное, нашли бы, что ответить старцу, как возразить. Но хоть от одного греха избавил нас отец Иоанн: помог нам не скатиться на осуждение тех людей, которые по неведению или по какой-то другой причине держат собаку в доме. А это гораздо хуже, чем собаку в доме держать.

Афонский иеромонах Николай (Генералов) начал на страницах «Благовеста» дискуссию о том, как часто нужно причащаться мирянам и следует ли выдерживать строгие (сверх церковного устава) посты перед причащением Святых Христовых Тайн. Он писал, что причащаться нужно часто, и если все положенные по уставу посты неукоснительно соблюдаются, перед при-

чащением поститься со всей строгостью (да еще не один и не три, а порой шесть дней, как требуют того священники в некоторых храмах) не следует. Опять началась дискуссия. Многие (в том числе очень уважаемые люди, духовники и монахи) возражали афонцу. Нашлись, впрочем, у него и сторонники. Отец Иоанн следил за этой дискуссией, и я спросил его мнение.

– Мое мнение такое: чем чаще человек причащается, тем лучше, – ответил он.

Еще протоиерей Иоанн Букоткин советовал прихожанам в особых случаях заменять правило ко Святому Причащению тысячью Иисусовых молитв.

Однажды при мне отец Иоанн ласково «отчитывал» пришедшую креститься средних лет женщину за густую косметику на лице. «Хорошая моя, ведь Бог тебя красотой не обидел. Ты ведь такая красивая – зачем тебе эта краска». Был грех, подумал я про нее: какой там «не обидел»!.. А для отца Иоанна она была подлинной красавицей. Так любил он людей. Всех любил. И всех почитал красивыми. Ведь образ Божий – в каждом…

Часто перед исповедью, перечисляя общие грехи, отец Иоанн говорил и такое: «Телом в храме стоим, а мысли наши где? Мыслями мы не в храме, а на Воробьевых горах!»

Всегда меня удивляли эти неизвестно откуда взявшиеся Воробьевы горы. К нам ведь ближе Жигулевские горы или, на худой конец, Уральские…Нет, я знал, конечно, что где-то в Москве есть эти самые Воробьевы горы. Но к чему их сюда «приплел» любимый батюшка – решитель-

но не ведал. И только спустя два года после его смерти это открылось. Я побывал в Москве, на Красной площади. В Соборе Василия Блаженного приложился к мощам этого великого святого. А потом в том же храме-музее купил небольшую книжечку, его житие. А в ней нашел поучительный случай. Однажды царь Иоанн Васильевич Грозный пришел в храм, но за обедней думал не о Боге, а мысленно находился *на Воробьевых горах*, где строил себе роскошный дворец. И тут к царю подошел юродивый и обличил властителя, сказав, что он так и не был в этот день в храме... Надо заметить, что царь обличение это принял и признал правоту святого.

Так вот откуда пошли эти самые Воробьевы горы! Отец Иоанн эту книжечку раньше нас прочитал!..

У жены на работе волной пошли неприятности. Ноги сами понесли ее к могилке нашего батюшки. Долго со слезами молилась она отцу Иоанну, просила помочь в разрешении ситуации и вдруг «в мыслях» услышала ответ: «Прими то решение, которое будет». Вскоре узнала она, что ее переводят в другую группу. Как ей этого не хотелось! Но вспомнила совет старца и смирилась. Приняла это решение, как посланное от Бога. И об этом впоследствии не пожалела. Вскоре искушения улеглись. Помог батюшка.

Однажды в редакцию написала письмо жительница Самары. Ее мучил вопрос, как ей относиться к ИНН. Все говорили разное. Одни – одно,

другие – другое. Решила она довериться отцу Иоанну. Стоит в очереди на беседу с ним и – … ушам своим не верит! Отец Иоанн строго, резко «выговаривал» впереди нее стоящей женщине как раз за то, что она собралась принять этот самый «номер». Пришла взять у него на это благословение.

– Благословения захотела! – грозно обличал ее батюшка. – Я благословение на добрые дела даю, а не на эти… Нет тебе моего благословения…

Выслушав этот разговор, она даже и не решилась подходить к отцу Иоанну. Все и так стало ясно.

Из дневника. 28 марта 2000 г. В первый день поста говорил со своим духовником – протоиереем Иоанном Букоткиным об идентификационных кодах. Он об этом не информирован, но суть понял, видимо, *в духе* извещен об опасности. «Будут люди «на поводке», хотя это еще не печать», – говорил он. А потом мудро добавил: «Лгать в этом вопросе нельзя, но и правду говорить… опасно». (Произнося эти слова, мудрый старец жалел нас, понимая, через какие скорби нам предстоит пройти, начав борьбу с идентификационными кодами. – *А. Ж.*).

Последний мой разговор с отцом Иоанном состоялся в день выборов Президента России, незадолго до тяжелой предсмертной болезни старца. Я спросил его, как он относится к этим выборам (мне был памятен наш разговор двухлетней давности, когда выбирали Ельцина в президенты. Батюшка был в то время за Ельцина и призывал идти на выборы, повторяя, что глас

Протоиерей Иоанн и матушка Мария Дмитриевна Букоткины.

«Крещается раб Божий...»

Протоиерей Иоанн и блаженная старица схимонахиня Мария (Матукасова).

Петропавловская церковь г. Самары.

К могиле батюшки идут и идут люди...

народа – это глас Божий). В этот раз он не был столь уверен. Но все же сказал, что у Путина все–таки есть благословение нашего Патриарха, и потому, наверное, лучше голосовать за него. «Молиться за него надо», – с какой-то тревожной интонацией в голосе произнес старец.

И вот в мае умер отец Иоанн. Через несколько дней после его кончины я пришел в его дом и вдова – Мария Дмитриевна Букоткина – предложила мне посидеть в том молитвенном уголке, где всегда под иконами молился батюшка (он молился сидя, так как ноги у него были больными). Посидеть там, где часами молился старец, – для меня было большой честью. Но как только я сел, ко мне неожиданно подошел его сын – протодьякон Илия, приехавший из Белоруссии на похороны отца. В его руках была недавно изданная книга о Президенте Путине. С большой фотографии на обложке на меня смотрел совсем недавно выбранный Президент. Отец Илия зачем-то оставил книгу прямо передо мной возле икон, и после этого удалился. Так и лежала эта книга возле меня все время, что я молился в батюшкином «уголке». Напомнил мне и *оттуда* старец о своем последнем наказе…

Мария Дмитриевна Букоткина рассказывала мне о своем покойном муже удивительные, почти невероятные по нашему времени вещи. За всю жизнь ни разу он не повысил голос ни на нее, ни на детей. Ни разу не сказал грубого слова. Ни разу!.. Список того, чего он *ни разу* не сделал в земной своей жизни, можно продолжать и далее. Не знаю, как кому, но по мне это даже

выше, чем дар прозорливости или исцелений. Ибо каждый искренне верующий христианин в особые моменты с Божией помощью может совершить чудо. Но попробуй всю свою жизнь сделать чудом – это не многим удастся.

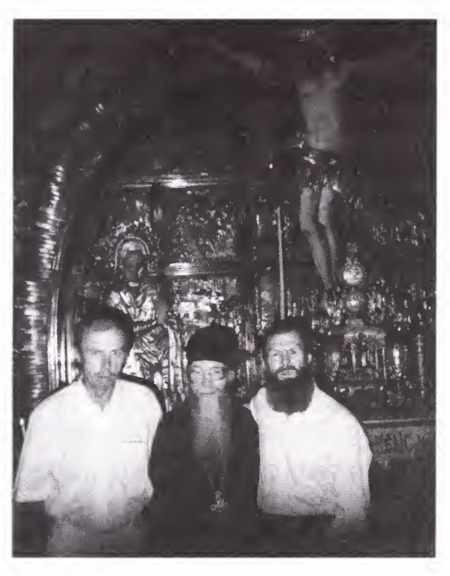
А только подлинным чудотворцам…

Антон Жоголев

«АНГЕЛАМ СВОИМ ЗАПОВЕСТЬ О ТЕБЕ...»

В 1994 году я стал прихожанином Петропавловской церкви г. Самары, но с отцом Иоанном Букоткиным все еще не был лично знаком. В то время у меня появились некоторые средства, и вдруг меня как будто кто-то в спину толкнул: я пошел к отцу Иоанну и предложил ему поехать в Иерусалим. Он удивился, растерялся, предложение было совершенно неожиданным для него. Вскоре начались искушения. Сначала батюшка согласился ехать, а потом вдруг у него подскочило давление, и он сказал, что поехать не сможет. Но, видно, Богу было угодно, чтобы протоиерей Иоанн поехал на Святую Землю. Вскоре батюшка позвонил мне и передал, что по вопросу об этой поездке меня хочет видеть Епископ Самарский и Сызранский Сергий (ныне Архиепископ – *Ред.*). Я пошел в Епархиальное Управление. Владыка принял меня, выслушал, а потом строго сказал, что отец Иоанн уже пожилой и такой дальний перелет может пагубно сказаться на его здоровье. «Ведь там сейчас температура плюс пятьдесят градусов! Разве можно ему туда ехать»,

– говорил он. Я ответил, что обязуюсь до самолета доставить протоиерея Иоанна, а там уж как Бог даст. Владыка смягчился и дал свое благословение на паломничество. Я попросил старосту самарского Михаило-Архангельского храма сопровождать отца Иоанна прямо до трапа самолета. Забронировал для отца Иоанна место в гостинице Свято-Данилова монастыря в Москве. Когда протоиерей Иоанн вернулся со Святой Земли, он рассказал, что его в прямом смысле слова *носили на руках*. Два верующих москвича встретились там отцу Иоанну. Они взялись за руки и на свои сцепленные руки посадили батюшку как на стульчик и всюду носили по святым местам. Только на Гору Искушений не попал отец Иоанн, но туда и здоровый человек не каждый поднимется, а у всех других святых мест он побывал. Четыре раза служил он литургию на Гробе Господнем. Исполнилось обетование Божие в 90-м псалме: «Яко Ан-

Протоиерей Иоанн (в центре) на Голгофе. Иерусалимский храм Воскресения Христова

гелом Своим заповесть о тебе сохранити тя во всех путех твоих. На руках возьмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою...» Когда отец Иоанн вернулся в Москву, мы его потеряли. В гостиницу он не приехал. Я всю Москву поднял на ноги, чтобы его разыскать. А оказалось, что он поехал погостить у тех москвичей, которые его по Святой Земле, как Ангелы, на руках носили. Я попросил свою дочь-москвичку подойти к поезду, на который были билеты у отца Иоанна, – и если его в вагоне не окажется, срочно звонить мне. Я был готов вылететь в Москву на его поиски. Но как только она вошла в вагон, отец Иоанн сразу сказал ей: «Вы дочь Александра Тимофеевича... Подойдите, я вас благословлю». И просил передать мне, что все в порядке и не стоит волноваться. Потом уже он делился впечатлениями, говорил, что поездка эта запомнится ему на всю жизнь...

После этой поездки отец Иоанн стал моим духовником. Однажды я обратился к нему за благословением значительно увеличить свое молитвенное правило. Он мне благословение на это не дал. И вот спустя годы, когда отца Иоанна не было в живых, я старцам на Афоне рассказал об этом случае и попросил их благословение. Они ответили, что теперь уже никто не может снять запрет духовного отца. Это ушло с ним в вечность. Но и там он молится за меня...

Однажды я пришел в храм Петра и Павла, отец Иоанн служил молебен. На молебне стояло очень много народа. Священник никак не мог увидеть меня в этой толпе. Я передал на молебен

несколько записок. И вдруг слышу, как батюшка Иоанн, не оглядываясь, говорит мне: «Александр! Чего это ты сегодня раздобрился, четыре молебна сразу подал!»

У него был дар прозрения.

Всегда он благословлял меня просфорой и крестом сильно бил по голове. Его матушка увидела это и сказала: «Ты ему голову так разобьешь!» А отец Иоанн ответил: «Нет! Я кого люблю, того бью».

В то время я окормлялся и у блаженной Марии Ивановны. Он всегда с любовью говорил о ней, называл ее человеком высокой души. «Она и меня иногда наставляет», – говорил он о старице.

Часто рассказывал батюшка про самарского блаженного Василия Ивановича, относился к нему с большой любовью. Блаженный всюду следовал за ним по тем местам, где проходил служение отец Иоанн. Приехал следом за ним и в Самару. Батюшка Иоанн Букоткин однажды мне рассказал: «Просыпаюсь, а возле моей кровати стоит на коленях блаженный Василий и молится обо мне...» Дар прозорливости у блаженного был великий. Однажды он подходит к священнику и говорит: «Дай сапоги!» – «Нет у меня сапог», – отвечает отец Иоанн. «Как нет? Под полом лежат сапоги!» – «Полезли мы с матушкой в подпол, – вспоминал отец Иоанн, – а там и правда сапоги лежат. Отдали их блаженному Василию».

Мои родители умерли, когда я еще не был даже крещеным человеком. А позднее пошел я к ним на могилку и увидел, что возле моих роди-

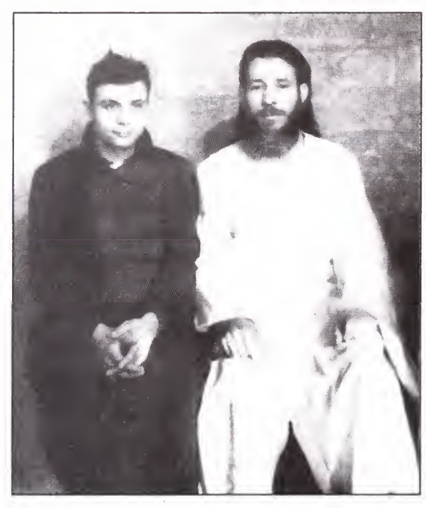
телей похоронен на Рубежном кладбище блаженный Василий! Тогда я сделал на его могиле небольшую часовенку для лампады.

Александр Сидоров,
начальник отдела снабжения Самарской ТЭЦ

«ВСЕМ В ЖИЗНИ Я ОБЯЗАН МАТЕРИ И ОТЦУ ИОАННУ»

Павел Михайлович Вальковский – дальний родственник матушки отца Иоанна Марии Дмитриевны, живет в Ярославле. Этот немолодой человек сейчас на пенсии. С первого взгляда видно, что он сделал значительную карьеру. Но у внешних успехов этого человека была мало известная другим причина: духовное окормление у отца Иоанна. Павел Михайлович часто приезжал к Букоткиным, где бы они ни жили, приехал в Самару и на день памяти батюшки 8-го мая 2003 года. Вот его рассказ.

– У меня мама была глубоко верующая. Родителей ее раскулачили, они были в ссылке, и она с ними, много им пришлось испытать. Мама много молилась и стремилась веру привить и мне. Но, к сожалению, я из советских людей: пытался в своем сердце совместить атеистические взгляды того времени и ростки православия. Мы жили в 24-х километрах от Камышина, куда в середине 50-х годов прислали служить в храм отца Иоанна. Мать моя была очень мудрая и с большой интуицией. Там был и другой священник, маститый, тоже очень хороший, но она мне посоветовала прилепиться к отцу Иоанну. А он тогда был совсем молодым священником. Перед призывом в армию я поехал в храм, а матушка Мария Дмитриевна в

Священник Иоанн Букоткин (справа) с Павлом Михайловичем Вальковским в Боровичах

этот момент принесла причащать сына Илюшку. Я тогда еще не знал, что это моя дальняя родственница и сорок лет я проведу в тесном общении с этой семьей. Тогда молодежи в храме было крайне мало, начиналась новая волна притеснения верующих, и меня поразило, что такая молодая женщина – матушка, меня это поддержало и ободрило. Потом я написал письмо уже со службы отцу Иоанну, ответили и он, и матушка Мария. Так завязалась наша переписка. После армии я поступил в Сельскохозяйственную академию в Москве, они жили в это время уже в Боровичах. Я стал к ним ездить – довольно часто. Когда они переехали в Самару, я тоже старался бывать у них. Я всегда помню, что всем, что имею в жизни, я обязан двум людям: своей матери и отцу Иоанну. Молодым я был довольно-таки агрессивным в своих философских размышлениях о жизни. Он это терпел и даже поддерживал мое стремление с ним дискутировать, за что я ему очень благодарен. Отец Иоанн мог свободно говорить на любые темы и всегда предлагал

свое – уверенное и, по всей видимости, выстраданное мнение. Я добился многого в жизни (был управляющим монтажным трестом крупной фирмы) только его молитвами и молитвами моей матери. Он не давил своим авторитетом, но у него изнутри исходила какая-то сила. Вроде вначале ершишься, а потом с ним соглашаешься. Я всегда брал у него благословение на все новые дела и старался следовать его советам. И теперь я понимаю, насколько он далеко видел. Я стремился приехать к нему и теперь уже спокойно с высоты моего возраста поговорить по душам, и попросить у него прощения за мой экстремизм юности. К сожалению, не успел. Вот – пришел на могилку.

Был такой случай. В юности в Москве я пошел на Пасху во храм Всех святых на Соколе с одной девушкой – дочерью художника. И нас забрали в милицию. Ее сразу отпустили, поскольку она носила известную фамилию, а меня – нет. Записали данные моего студенческого билета. Я, естественно, испугался. Они начали меня спрашивать: «Что это, ваши убеждения?» Вначале я говорил «да». «Тогда мы сообщим об этом в Сельскохозяйственную академию, в которой вы учитесь». И тогда я сказал, что пришел в храм ради любопытства. Надо отдать им должное, они вернули мой студенческий и сказали, что сообщать никуда не будут. И я написал после этого письмо отцу Иоанну, что я, почти как апостол Петр, предал Иисуса Христа. А батюшка мне ответил, что ничего страшного не случилось, людям свойственны минуты слабости. И, может быть, в результате как христианин я приобрел даже больше, чем потерял. «Не переживай, учись», – утешал

он. А когда я приехал после этого на каникулы, то он очень спокойно и убедительно меня поддержал. Он меня не оправдывал и не упрекал, он меня просто поддержал, дав при этом понять, что православие – это и тернии, к ним надо быть готовым. Он понимал, что человек может проявить слабость, и его надо укрепить. Конечно, он был провидец, и хотя я ему многого не говорил о себе и порой пытался что-то скрыть, он, по-моему, обо мне знал даже больше, чем я сам. Однажды я написал ему: «Благословите, собираюсь жениться»,– а он в ответе упомянул о том, что у нас уже есть ребенок, хотя ему об этом никто не мог сообщить.

Он искренне и беззаветно любил всех. Не важно, большой или маленький человек был перед ним, верующий или же неверующий. Он говорил: «Если душа есть, придет к Богу, рано или поздно». У отца Иоанна была самозабвенная убежденность в православии. Хотя он с терпением и любовью принимал людей всех конфессий, но сам он был рыцарь православия. За православие он готов был пожертвовать жизнью. Я знаю, ему грозили за веру даже тюрьмой, требовали доносить – он отказался, рискуя жизнью. У отца Иоанна было завидное мужество и убежденность в вере.

Людмила Белкина

В архиве отца Иоанна сохранилось письмо Павла Вальковского:

Дорогой отец Иоанн, матушка и вся Ваша семья, здравствуйте! Спаси Господи Вас всех за поздравление. Воистину воскресе!

Я очень обрадовался Вашему письму. Еще раз

спаси Господи Вас за то, что Вы находите время для мирян. Отец Иоанн, Вы, наверное, плохо меня помните, ведь уже шесть лет прошло. Но я Вас хорошо запомнил. Какая у Вас в юности была молитва горячая! Меня вот тоже воспитали с любовью к Господу, а вот нет у меня искренней молитвы. Вот сейчас такая возможность ходить в храм, не то что дома, но все какие-то дела находятся, а и поедешь в Храм – так стоишь, а мысли где-то. На Пасху так согрешил – страшно. Собрался всю ночь провести в храме, но, видно, слаба очень, слаба моя вера. Дружинники выгоняли молодежь, я сначала отказался уходить – увели в милицию, и я, как Петр когда-то, отрекся, сказав, что пришел посмотреть. Плакать нужно было, а я даже больше испугался за то, что меня выгонят из академии. Да, а что же будет, если выпадут более тяжелые испытания? Сейчас еще мать жива, так это ее молитвы мне помогают, а ведь когда-то ее не станет. Разумом я все ясно представляю, но вот нет искренности. Недавно был в Троице-Сергиевой лавре, так прошелся, посмотрел. Люди идут с Дальнего Востока пешком к ней, а я рядом, и то поехал просто так. Мама пишет: больше обращайся к Матери Бога нашего и Николаю Чудотворцу, я и сам это понимаю, но обращаюсь только перед экзаменами, когда чувствую опасность. Только в печалях обращаюсь к Богу, а как чуть легче – так снова забываю.

Вы простите меня Христа ради, что я к вам со своими грехами обращаюсь. У меня уже такой возраст серьезный, а вот вера слаба. Всего доброго Вам.

С искренним уважением к Вам
Петр Вальковский. 19.05.62 г.

«ГОСПОДЬ СВОИХ МИЛУЕТ»

Рассказывает духовное чадо отца Иоанна Любовь Анисимовна Черемина. Она свидетельница многих случаев прозорливости батюшки.

Духовный наставник

– Отца Иоанна я знаю с 1971 года, когда он с семьей летом переехал в Самару. У нас с сестрой был духовный отец протоиерей Иоанн Фомичев. Однажды он к нам приходит и говорит: «Мои родные, я, наверное, скоро умру (он прозревал свою смерть). К нам в Самару приехал служить новый батюшка из Новгорода – отец Иоанн Буткин. Возьмите себе в духовные наставники отца Иоанна». Мы с сестрой послушались. У нас с ней первый духовный отец был святой преподобный Кукша Одесский, после его смерти – владыка Мануил (Лемешевский), после него – отец Иоанн Фомичев, а потом – Букоткин.

«Твое имя – Любовь»

Когда я в первый раз подошла к отцу Иоанну в храме, он говорит мне: «А, подошла, Любовь? Правильное имя твое – Любовь». – «Да, батюшка. А кто вам сказал?» – «Я знаю», – и так меня по голове похлопал. Я была потрясена, потому что впервые к нему подошла, и вдруг он меня назвал по имени. Мы с ним поговорили немножко, и он меня пригласил к себе. Я когда к ним пришла домой, увидела матушку. Она сидела на крыльце. Открытое чистое русское лицо, розовощекая, толстая коса – русская красавица. Зашла я, мы поговорили немножко, и я ушла. Матушка

Отец Иоанн и матушка Мария на крыльце своего дома

пригласила меня еще прийти. Так у нас завязалась дружба, и мы настолько сроднились, что когда кто-то из них уезжал, я домовничала с девочками (дочерьми четы Букоткиных. – *Прим. авт.*).

«Голова больше болеть не будет»

Батюшка всегда был жизнерадостный, веселый, принимал нас с распростертыми объятиями. Один раз сестра Тоня говорит мне: «Пойдем к батюшке». А у меня так голова болела, не могу идти. Но она меня уговорила: «Потихонечку дойдем». Мы приходим, отец Иоанн как даст мне рукой по голове: «Что, голова болит?» – «Да, батюшка». – «Вот я тебя и стукнул, теперь не будет

болеть». Хотите – верьте, хотите – нет, куда что делось!

«Исповедовать буду без тетради»

Раньше мы исповедь писали в тетрадочке. Когда отец Иоанн нас взял в свои духовные дети, мы написали, как обычно, свои грехи в тетрадках, приходим на исповедь и подаем тетрадки ему. Он говорит: «Это что? Не нужна мне ваша тетрадь, я без тетради вас буду исповедовать». Как начал он нас чистить! И говорил все то, что было у нас там написано, а тетради наши он сразу порвал.

«Некоторые ездят безплатно»

Были такие случаи, что я иногда проезжала на трамвае или троллейбусе безплатно – не успела взять билет или были с собой только крупные деньги. А проезд тогда стоил три копейки. Но безплатно ездить – это же грех! Написала я это на бумажке и прихожу в Петропавловский храм на исповедь. А отец Иоанн в общей исповеди говорит: «А некоторые ухитряются проехать на трамвае, на троллейбусе безплатно». Думаю, это про меня. Подхожу к нему на частную исповедь, а он мне: «Ну, слышала, что я сказал? Больше не ездишь на трамвае, на троллейбусе безплатно?» Ну, откуда он это знал?! Однажды я прихожу к ним домой, и он дает мне пятьдесят рублей. «Батюшка, зачем, мне не надо». – «Возьми, возьми, они тебе пригодятся». На другой день у меня вытащили из сумки пятьдесят рублей! И действительно, мне его деньги пригодились.

«Крылья сломались»

Моя сестра Тоня работала стюардессой и должна была прилететь, а ее нет и нет. Я пришла к нему: «Батюшка, Тони нет, задерживается самолет». А он: «Крылья сломались». – «Как сломались крылья?!» – «Так, летел-летел, и сломались», – а говорит с улыбочкой. Тоня скоро приехала и рассказывает, что их самолет сломался в воздухе, но они его сумели посадить, а на земле он весь рассыпался. Батюшка все это видел, и, конечно, молился, чтобы все было благополучно. Пришла я однажды к отцу Иоанну и говорю: «Батюшка, помолитесь, пожалуйста, за рабу Божию…»,– а имя не успела назвать. Он подхватил: «…Марию. Не безпокойся, операция у нее пройдет хорошо, ничего страшного нет». Так оно все и произошло.

«Заплети крестик в волосы – и не бойся!»

20 лет назад мне предстояла операция, ее исход был для меня далеко не ясен, так как врачи на мои вопросы отвечали уклончиво. Меня положили в больницу в онкологию. Я попросила отца Иоанна прийти, он пришел в больницу, пособоровал и причастил меня и сказал: «Все будет хорошо, только крестик не снимай, а заплети в волосы. Когда будут давать наркоз, читай про себя Иисусову молитву или «Отче наш»и ничего не бойся. Господь благословил врачей». Простые слова отца Иоанна меня вдохновили, и в моей душе появилась решимость предоставить все на волю Божию. По благословению и совету батюшки мне сделали операцию, все прошло хорошо, я очень благодарна Богу и отцу Иоанну.

«Без копейки не останешься»

Батюшка уезжал в паломничество в Иерусалим, а у меня в это время остались последние двести рублей, ни копейки больше нет. Думаю, ладно, отдам я эти деньги, написала записочки о здравии и о упокоении, отдала их батюшке и с ними двести рублей. Мы с матушкой его проводили на поезд, прихожу домой, и тут же звонят в дверь – пришли ко мне с работы и говорят: «Тебе двести рублей дали ко Дню железнодорожника». А когда я батюшке давала деньги, говорила, простите, у меня больше нет, последние, он сказал: «Ничего, ничего, без копейки не останешься, Господь тебе даст». Это ли не чудо? Господь все видит, Господь Своих не оставляет, а батюшка все это провидел.

Рижская пустынь

Мы собрались в отпуск, батюшка нас благословляет и говорит: «Поживите на отдыхе неделю и поезжайте оттуда в Рижскую пустынь». Под Ригой Елгава, а от Елгавы недалеко Рижская пустынь, там женский монастырь, мы там были не один раз. «Батюшка, мы там были, ну что нам туда ехать?»– а туда очень трудно добираться. От Елгавы надо ловить такси и ехать лесом, это даже страшно. А он: «Я сказал – поезжайте. И вот возьмите эти свечи, поставите там». Наместником в Рижской пустыни был знакомый нам архимандрит Таврион. Билетов на поезд до Риги не было, а мы везде ехали – как по маслу, как будто нас вели. И что вы думаете! Приезжаем в Рижскую пустынь – а там умер отец Таврион, и мы как

раз попали на его похороны, со свечами, которые дал нам батюшка. Возвращаемся в Самару, отцу Иоанну рассказываем, что умер отец Таврион. Он говорит: «Я знал, поэтому вас и послал туда».

«Придет Василий Иванович»

Отец Иоанн много нам рассказывал про блаженного Василия Ивановича, с которым он дружил, и говорил, что Василий Иванович придет к нам домой. «Батюшка, мы недостойны, он к нам не придет». – «Не спорь, придет». И вот однажды мы с сестрой возвращаемся домой из бани, а была пурга, и видим: кто-то стоит к нам спиной и в нашем почтовом ящике швыряется! Развернулся он к нам и сразу: «Любушка! Тонюшка! Это я!»Мы ахнули: «Василий Иванович!»– сразу его признали и повели его к нам домой, и потом он часто у нас жил.

«Хорошо!»

Характер у отца Иоанна был… бархатный. Мягкий, добросердечный он был, веселый. Болеет, еле ходит. «Батюшка, как здоровье?»– «Хорошо!»– и подпрыгнет. Так и его матушка, плохо ли, хорошо ли – всегда жизнерадостная, веселая. Пара была великолепная. Прихожу к ним – батюшка делает икру из овощей, говорит мне: «На, попробуй!»А вкусно, пальчики оближешь. Он сажал в огороде и помидоры, и огурцы, ухаживал за ними – с огородом занимался только он. И сам солил овощи, несмотря на то, что он был такой занятый. И все домашние дела он делал. Матушка уедет к сестре на месяц – остается батюшка хо-

зяйничать. Жалко, что он рано ушел. День Ангела у него на Иоанна Богослова – 9 октября. Приходим обычно из церкви его поздравлять. Пить он никогда не пил. Ему рюмочку поставят, нальют – так она и будет стоять нетронутая. Посидит он со всеми,покушает немножечко, извинится и пойдет отдыхать.

«Матушку береги»

Однажды Мария Дмитриевна поехала к одному священнику, меня звала поехать вместе с ней, а я отказалась – болела. И батюшка мне в ту же ночь приснился. Говорит: «Что же ты не поехала с ними? Надо было ехать. Матушку береги». Он часто мне во сне говорит: «Матушку люби», «матушку береги».

Это был старой закалки священник. Безсребреник, ничего не стяжал, а наоборот отдавал все людям. Букоткины приехали сюда – у них ничего не было. Все, что у них было, – трое детей. Они единственно купили этот дом, и то заняли денег. Люди им добрые и сервант купили, и посуду подарили прихожане, а у них самих ничего не было. Отец Иоанн все раздавал. Ездил и по детдомам, и по домам престарелых, семью, можно сказать, оставил с грошами. Но он знал, кому дать, давал тем, у кого нужда. Так просто он деньги не разбрасывал.

«Господь Своих милует»

Когда у меня есть возможность, я к батюшке на могилку приду и все ему расскажу.

Нагнусь к нему поближе: «Батюшка, я болею, помоги мне». И чувствую на себе его благосло-

вение. А когда он умер, к девяти дням я видела его во сне. Он лежит во гробе в желтом облачении (хотя его хоронили в красном): «Батюшка, ну как вы?» – «Хо-ро-шо!» – «Строго спрашивает Господь?» – «Господь Своих милует». Во сне у него в ногах два кирпича лежат, на кирпичах стоят два небольших чайничка. И он говорит мне: «Включи, я воды там налил», – и я включила... Я все время читаю за батюшку Псалтирь и Евангелие. Когда я священнику рассказала этот сон, он сказал мне: «Ты же молишься за него...»

Записала Людмила Белкина

ДВЕ ИСПОВЕДИ

Светлана Трифонова четвертый год работает регистратором и помощником настоятеля по строительству самарского храма во имя святителя Николая Угодника. В своей прошлой, мирской жизни она была продюсером эстрадной «звезды»,зарабатывала много денег, жила в Москве, объездила полмира. И была почти счастлива, хотя ее душу иногда что-то смутно тревожило. Страшное чудо в одночасье изменило ее жизнь.

– Бог привел меня к отцу Иоанну Букоткину, – рассказала она. – Встреча с этим батюшкой стала для меня началом моей жизни в православии.

События страшно и стремительно развивались в моей судьбе. Я была уже крещеной (покрестилась в 31 год), но не воцерковленной, и образ моей жизни был далек от православия. Жила я в грехе, темноте, пустоте, мирских соблазнах. А со стороны моя жизнь была очень красочной – не

жизнь, а фейерверк: я работала в шоу-бизнесе, общалась со «звездами»,с сильными мира сего.

Накануне переворота в моей судьбе (а мне было уже 36 лет, прошло пять лет с момента крещения) я организовала вечеринку для одного мецената в большом ресторане, это было осенью 1998 года. Перед этим я проснулась необычно рано для себя, в 5 часов утра. И услышала Божий Глас: «Спасенному рай». А потом начались странные события. На этом празднике Бог открыл мне духовные очи. Праздник был в самом разгаре, все танцевали. То, что я вдруг увидела, словами не описать. Я увидела нечистых духов, которые как бы темными тучами висели над многими танцующими людьми. И даже было видно, что некоторые люди не сами танцуют, а их руками и ногами двигают бесы. Зрелище было дикое. Я решила, что схожу с ума. И вдруг человек, который сидел со мной за столиком, а над ним тоже висела такая туча, говорит: «Что, страшненько?»Он говорил не от себя, а как проводник этих духов. В зале были люди, находящиеся под действием наркотиков, над ними тоже висели бесы и разговаривали через них. Для меня это был шок. Бесы начали смеяться надо мной и говорить: «Ты – наша!»Я была немного нетрезвой и решила им ответить: «Пока мы живы, ничего у вас не получится, мы победим!» Слово, оказывается, так важно. Я внезапно поняла, что бросила вызов абсолютному злу. И меня охватил даже не страх, а ужас. Я поскорее закончила все дела и уехала домой. И с того дня дома голоса стали говорить мне: «Ты – наша». Мне открылось, что есть не

только земная жизнь, а и другая, о существовании которой я раньше не подозревала. Такая громадина нечистоты на меня навалилась – из-за того, что я сама дошла до состояния бесовского, до безстрашия, заявив бесам, что им нас не победить, а ведь только Бог может их победить. Скоро с подругами я поехала в ателье, в Дом быта «Горизонт»,и там нам явился демон во плоти, с жуткими черными глазами. Мы все оцепенели от ужаса. Моя грешная жизнь привела меня наяву к встрече с бесами, чью волю я творила. Но интересно, что незадолго до всех этих событий я сожгла хранившиеся у меня дома карты Таро, с помощью которых человек общается с бесовским миром. Я этого тогда не знала, просто почувствовала, что это какая-то гадость. Уже тогда мой Ангел-хранитель вел меня ко спасению. Этот символичный поступок, видимо, стал толчком к тому, что потом случилось. Накануне нашей поездки мама положила мне в сумочку листочек с молитвой, переписанной ею от руки. Когда я побежала от демона по лестнице, поняв, что он хочет меня убить, открыла на ходу сумочку, наткнулась на молитву, и мне сразу стало легче. Забежала в какую-то комнату, стала читать молитву и молиться своими словами: «Господи, прости меня, я не знала, что Ты есть, только не отдай мою душу!»В первый раз в жизни сознательно перекрестилась. Надо мной навис ужас, от которого мог спасти только Господь. Я поехала к маме, уже зная: мне надо скорее в церковь. Можно сказать, что в церковь меня пригнал бес. Я попросила маму и сына взять меня за руки с двух сторон

и не отпускать, потому что очень боялась, и мы так пошли в церковь. И вдруг у Андрея развязался шнурок на ботинке, он наклонился его завязать и отпустил мою руку. В этот момент откуда-то выскочил черный пес неправдоподобно огромного размера и бросился мне в ноги. Я споткнулась, меня еле удержала за руку мама. Это было на Покров Божией Матери, вечером 13 октября. Мы попали на вечернюю службу в Покровский кафедральный собор.

После службы я попросила маму отвезти меня к моей подруге Елене Мещеряковой, которая в свое время привела меня креститься. Ночью мама меня отвезла, я осталась у Лены. Лена сказала мне, что собирается пойти утром на исповедь в церковь святых Апостолов Петра и Павла, и предложила мне пойти с ней. Дала мне почитать «Покаянный канон»,книгу о грехах – я ее читала, и у меня волосы становились дыбом: все грехи – мои. Несколько раз за эту ночь неожиданно отключался свет, кто-то звонил в дверь, я умоляла Лену не подходить к двери. Я была уверена, что меня хотят убить: ведь человек может стать орудием бесов. Когда я наивно бросила бесам вызов, они мне ответили: «Ну, тебя пора кончать». С тех пор я не могу держать обиду на людей, так как знаю, что плохое делают не они, а бесы, под чьим влиянием они находятся. Всю ночь я плакала о своей грешной жизни, не спала. После той вечеринки я была в таком состоянии, что восемь дней ничего не ела, не курила, а пила только святую воду – мне давали ее мама и Лена, – то есть постилась.

Лена привела меня в Петропавловский храм, а там отец Иоанн Букоткин начал проводить общую исповедь. Он называет грехи, а меня всю крутит, выворачивает: «Что это он меня воспитывает?»Каждое его слово меня жгло, как каленое железо. И когда я подняла голову, вижу, стоит старец, а у него из глаз – голубые молнии, как бы посекающие грехи. Он не просто говорил, а посекал грехи. Впечатление было неизгладимое. Я понимала, что он говорит обо мне. Наверное, если бы на его месте был священник духовно не такой мощный, меня бы утащило из храма – такая сила меня тащила оттуда. Когда дошла моя очередь подойти к нему на частную исповедь, я неожиданно рухнула перед ним на колени – благодать меня на колени поставила, и выдохнула: «Я первый раз на исповеди». А он сжал руку и костяшками пальцев стукнул меня по лбу: «Главное, чтобы не последний!» Он мне как бы вбил эти слова, и я их всегда помню. Его уже нет на земле, но я помню, что исповедь и причастие – это мое спасение. Отец Иоанн стукнул меня по лбу – и как бы открыл мою душу, у меня слезы полились, я стала называть свои грехи, а он гладил меня по голове. Отец Иоанн – великий подвижник, а такие люди скрытые и незаметные.

Когда я сошла с солеи, плакала и ощущала такое облегчение и радость на душе, я поняла, что Бог меня принял, я спасена. Я стала уходить – и вдруг встречает меня матушка Мария Дмитриевна Букоткина (я ее тогда не знала), принимает меня в свои объятья и говорит мне: «Дочка, Ангелы радуются за тебя на небесах, а теперь идем

на Причастие»,– и сама подвела меня к Чаше. Я открыла рот – и не могу сразу съесть кусочек, думаю, что это мне мясо положили, я еле его прожевала, а это в Святых Дарах была живая плоть Бога нашего. Когда я вкусила Причастие, словно попала на небо. Мария Дмитриевна пригласила меня к ним в дом. После Причастия я поехала к маме и не узнала себя в зеркале – лицо преобразилось, просветлело. А уже ночью начались страшные искушения, на меня напала нечисть. Я-то думала, что исповедала грехи – и все, а оказалось, что борьба только начинается. Бесы внушили мне дикую мысль, что я – «мессия»,я ночью поехала на такси в аэропорт, чтобы лететь в Москву вещать о втором пришествии. Приехала на Преображенку в свою квартиру, опомнилась, тут же поехала назад в Самару и снова стала готовиться к исповеди. Попросила пойти со мной в храм другую мою подругу, тоже Лену – боялась идти одна.

И опять исповедовал отец Иоанн Букоткин. Только мне подходить к нему под епитрахиль – кто-то невидимый меня сильно ударил по голове, у меня запрокинулась голова, я упала без сознания, начала умирать и увидела себя со стороны: вся белая, губы посинели. Но до этого я все же успела назвать батюшке тот грех, который хотела исповедать, подходя к нему, очень торопилась и буквально выдохнула слова, и после этого сразу упала. Я шла на исповедь с чувством, что моя земная жизнь кончена, и мне только нужно успеть исповедоваться. Бесы сгустились надо мной – они ждали моей смерти. Мне было страшно не умереть, а страшно

к ним попасть, потому что я поняла, какое от них исходит зло. Мне потом подруга рассказывала, что отец Иоанн распорядился вызвать «скорую помощь». А сам он тоже побледнел, на лбу у него даже выступила испарина – видимо, он за меня усиленно молился. Отец Иоанн продолжал исповедовать, в какой-то момент вдруг повернулся ко всем и сказал: «У нее все будет хорошо!» И я тут же пришла в себя, открыла глаза и начала дышать. Когда мне смерили давление, доктор очень удивился: «Да вы не жилец».

Но Господь оставил жить, и я надеюсь, что послужу Ему. Все то, что мне раньше казалось важным, прежняя жизнь потеряла для меня всякий смысл. Я сразу бросила Москву и свою работу в шоу-бизнесе, перестала курить и пить, стала читать Евангелие. С того дня начался мой путь во Христе. Я стала покупать и читать православные книги, постоянно ходила в храм. И поставил меня на этот путь отец Иоанн Букоткин. Несколько раз я бывала в семье Букоткиных, разговаривала с батюшкой. Однажды приехала с накрашенными ногтями, он взял меня за руку: «Зачем это тебе?» Батюшка мне говорит что-то – а у меня внутри протест. Началась борьба с самой собой, со своим «я». Почин мне дал батюшка Иоанн. Третья исповедь и Причастие у меня уже были в храме святых мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии, я стала ходить в Софийский храм. А потом меня самарский священник Анатолий Урсув чудесным образом пригласил участвовать в строительстве храма святителя Николая Угодника, где я сейчас работаю.

Только две исповеди я прошла у отца Иоанна Букоткина, но они изменили мою жизнь. Я считаю себя его духовной дочерью, потому что через эти исповеди началась моя жизнь во Христе. Я его очень почитаю, прихожу к нему на могилку и друзей туда привожу. Прихожу к нему и благодарю его – всю кошмарную нечисть, которая за мной гонялась, он принял на себя. Отец Иоанн до конца людьми не раскрыт. Он – святой человек, который жил в воле Божией. Его щелчок по лбу я до смерти не забуду. Это его отцовский наказ, чтобы я постоянно исповедовалась. Если бы не это, я, может быть, уже после первой исповеди забыла дорогу в храм. Я знаю, что исповедоваться нужно тут же, как совершил грех. Наше поколение находится в таком плачевном состоянии, что исповедоваться нужно как можно чаще. Вспоминаю добрые слова отца Иоанна и всегда за него молюсь, до смерти своей я буду молиться за него. То, что произошло со мной, – это чудо Божие. Я до сих пор не верю, что все это случилось со мной. Все время обращаюсь к отцу Иоанну с просьбой: «Помоги мне от грехов избавиться».

Записала Людмила Белкина

«ПОЛИ СВОЙ ОГОРОД!..»

Попала я в духовные чада к отцу Иоанну очень больной и физически, и духовно. Потеряла хорошую инженерную работу на заводе, потеряла мужа (ушел к другой), а потом потеряла и детей – отошли к безбожным родным.

Все это из-за того, что не пошла в церковь, а взяла в руки бесовскую экстрасенсорную рогатку-рамку. Потом еще круче: попала в газету «Водолей», где два года писала статьи об экстрасенсах и колдунах. Дома у меня от этого начался полный непорядок – ко мне стали ходить экстрасенсы, появились стуки, и дети, как волчата, прятались от меня...

Спасение пришло от одного молодого священника, у которого я хотела взять интервью. Он увидел мою духовную болезнь и посоветовал мне найти духовного отца, желательно старца, а не молодого. Я сразу решила – поеду в храм Петра и Павла, там есть какой-то старенький батюшка.

Приехала я в храм и вижу, как плотным кольцом окружили старушки и немного молодежи (тогда молодежь еще мало ходила в храмы) какого-то очень красивого старенького батюшку с голубыми, как небо, глазами, небольшого роста, даже маленького, но очень какого-то твердого. А он им всем и говорит: «Родные мои!»– и каждого гладит по головке нежно-нежно, кому-то стучит и что-то вразумляющее повторяет.

«Батюшка, а операция у меня удачно пройдет?»– спрашивает молодая женщина, а батюшка ее утешает: «Не бойся, не бойся, все заживет!»

И вдруг я решила, что именно этот батюшка возьмет меня в духовные дочери. И я метнулась к нему – одинокая, никому не нужная, больная-больная. И не ошиблась: отец Иоанн взял меня в духовные чада, но строго сказал мне: «Часто ко мне не езди, а молись больше! Я буду молиться за тебя, а ты молись за меня!» – «Батюшка, у меня

беда, я работала в газете «Водолей» и ухожу оттуда, так как поняла, что это все не от Бога». А батюшка ответил: «Работу ищи ножками, работай ручками. Потрудись в ближайшем храме физически – и отработаешь, а я помолюсь за тебя».

Вскоре я нашла работу массажисткой при детском реабилитационном центре. Батюшкины молитвы помогли... И действительно стала отрабатывать свою прежнюю деятельность физическим трудом при одном из храмов города. До работы часок-другой помогала в храме: красила, белила, полола, косила. Так отработала семь лет и снова потеряла работу.

Батюшки Иоанна уже не было в живых, но я поехала на его могилку, заказала сорокоуст, заказывала панихиды ему, а его Небесному покровителю Иоанну Богослову – молебны с водосвятием. И – о, чудо! – работа снова нашлась, преподавателя физкультуры. Там я и доработала до пенсии.

Как и велел батюшка, при жизни его я к нему ездила очень редко, только тогда, когда одолевали неразрешимые вопросы и несчастья. Мне всегда хотелось поехать к батюшке, но он словно вставал рядом и говорил: «Родная моя, сделай лучше вот так и так-то!»

Однажды поехала я к батюшке спросить, как же дальше жить. Все я рассказала ему, что творится у меня в доме, что подруга толкает меня уехать в монастырь. А батюшка спокойно говорит: «Никуда не уезжай, я ведь за тебя в ответе перед Богом. Ты мое духовное чадо, живи в миру по-мирски, молись и спасешься лучше, чем в мо-

настыре». И теплая отцовская рука коснулась моей головы, и стало так тепло и легко!

Домой приехала – дома все немного успокоилось, улеглось. А потом я и свою подругу по ее слезной просьбе повезла к батюшке Иоанну в церковь Петра и Павла, и подруга договорилась с отцом Иоанном, что приедет к нему домой по семейному вопросу – сильно пил ее зять.

Батюшка встретил нас в назначенный день и час. Была весна, по-весеннему сиял его маленький частный домик, крашенный зеленой краской, с крошечными окошечками, на которых были аккуратные плошки с цветами. Батюшка был в нарядном сером костюмчике, светлой рубашечке, очень веселый. А я подумала: «Как он легко передвигается на своих простреленных ножках (ранение он получил во время войны), как он устает, а ведь по храму двигается так плавно и довольно уверенно». Он говорил о жизни (больше подруге, чем мне), ласково говорил, называя почему-то мою подругу «мать», а меня «мамочка».

В другой раз я поехала к батюшке узнать, не пора ли мне кончать отработку при храме, что-то я устала тогда – болела почка, с родными отношения не строились. «Батюшка, я больше не хочу работать, полоть надоело, да и с меня требуется любовь, а где ее взять, нет ее у меня»,– сказала я отцу Иоанну. А батюшка мне в ответ: «Поли, поли свой огород. А когда весь прополешь и оглянешься, то глазам своим не поверишь, что все прополола!»

У моей подруги пропал сильно пьющий зять. Батюшка велел ей приехать к нему на следующий

день. Она пробыла у батюшки дома три дня, и все эти дни по его благословению и совету вычитывала те молитвы, которые он сам ей подбирал, сам же с ней тоже молился. И зять нашелся, вернулся домой!

Вспоминаю, как в очередной приезд к батюшке мы с подругой получаем благословение иконкой Иисуса Христа, которая висела у него в прихожей! Не забуду, как отец Иоанн аккуратно и осторожно снимает ее, дает нам к ней приложиться и так же неторопливо вешает ее на место.

Однажды в начале Рождественского поста батюшка говорил в проповеди, что пост – очень серьезное дело, дело спасения душ и телес, что желательно не скорбеть во время поста от недостатка пищи, что нельзя объедаться, надо строго следить за собой, тогда здоровье будет в норме и не потребуется бегать к врачам.

«Не бойтесь недоесть, – говорил батюшка, – бойтесь объедства! Не объедайтесь! Не пища телесная, а пища духовная нужна в пост, побольше молитесь, почаще ходите в храмы Божии, каждый в свой, близко расположенный. Спасайте души свои, родные мои, и телесное здоровье тоже прибудет!»

Приехала я как-то в храм Петра и Павла, а там находилась будущая схимонахиня Мария, тогда еще Мария Ивановна, как ее все звали. Мы все стояли и ждали разрешения поговорить с Марией Ивановной. Нам сказали, чтобы мы взяли благословение у отца Иоанна Букоткина, если хотим поговорить с ней. Батюшка что-то долго не выходил из алтаря – видно, молился за нас, грешных, а Мария Ивановна лежала на солее, на топ-

чанчике, стоявшем недалеко от левого клироса. Она, видимо, очень плохо себя чувствовала в этот день, и ее должны были увезти в Самарский Иверский монастырь на отдых. Мы знали это и пришли ее проводить. Наконец батюшка вышел, склонился над ней, как над ребенком, и вдруг тихо так махнул нам рукой, чтобы мы разошлись, что она нас сегодня не примет.

Мы не уходили, а просто разошлись по храму; кто-то сел отдохнуть... И через полчаса мы увидели, что Мария Ивановна по молитвам отца Иоанна пришла в себя, спокойно встала и ее повели к машине, одели, она хоть и слабо, но благословила нас, даже немного улыбнулась и села в машину.

Во время похорон батюшки Иоанна Букоткина от его гроба шло нежное легкое какое-то благоухание, потом, когда гроб поставили рядом с вырытой могилкой, я видела, как словно осветилось пространство вокруг гроба и быстро погасло, так как стали зарывать могилку. Одна женщина сильно зарыдала, за ней другая, все его духовные чада, а матушка Мария Дмитриевна, вдова батюшки Иоанна, всем говорила: «Не плачьте, душа его жива, она рядом с нами!»

Надвигалась угроза закрытия отделения дневного пребывания для стариков. Этот заезд был почти из одних верующих старушек, и мы повезли их в Иверский монастырь. И, конечно, подошли к могилке отца Иоанна. И вдруг бабушки упали на коленочки вокруг могилы батюшки и зарыдали, и стали просить, чтобы отец Иоанн услышал их просьбы и молитвенно обратился к Богу с тем,

чтобы наш этот маленький дом отдыха не закрыли, так как там старушки и лечатся, и поют, и вяжут, и шьют, и справляют дни своего рождения. Образовалось кольцо из бабушек, стоящих на коленочках вокруг батюшкиной могилки.

Господь услышал батюшкино заступление, и не закрылся этот небольшой (десятидневный) дом отдыха для пенсионеров, даже открылась маленькая часовенка на территории – нашлась для нее комната!

...Часто смотрю на фотографию батюшки и пытаюсь понять по выражению его лица, доволен он мною или нет на сегодня и как лучше сделать. Вспоминаю его слова: «Будь внимательной и наблюдательной».

Помню, как однажды батюшка приезжал в Воскресенский храм, как тяжело спускался со ступенек и кругом слышался шепот: «Да у него ножки прострелены обе, он воевал... А ты была у него?» – «Да, была в большом горе, и он так успокоил меня...»

Когда батюшка тяжело заболел, то все со скорбью передавали из уст в уста друг другу о состоянии его здоровья. Я думала: «Наверное, по моим тяжким грехам батюшка уходит от нас к Богу раньше времени»,– и чувствовала себя очень виноватой.

Прошло время. Я хожу в разные храмы, так уж получается, и везде слышу его голос: «Родные мои! Головка не болит? Да все у тебя будет хорошо, родная моя»,– и кладет на голову свою руку – довольно крупную для него, такого маленького – руку солдата и труженика, спасавшего стра-

ну от войны, от беды своими ратными и молитвенными подвигами.

Вечная тебе память, солдат и священник, отец Иоанн Букоткин!

Вера Павлова,
г. Самара

ВОСПОМИНАНИЕ О ДОРОГОМ СЕРДЦУ БАТЮШКЕ ИОАННЕ БУКОТКИНЕ

Как-то (лет за пять до батюшкиной смерти) прихожу в храм Петра и Павла на службу, а после службы батюшка принимал, отвечал на вопросы прихожан. И мне, грешной, захотелось на мужа пьющего пожаловаться и спросить, что мне с ним делать. Только батюшка после моей жалобы внимательно посмотрел на меня и так ласково говорит: «А ведь ты и сама, миленькая, ругаешься!» Я говорю: «Да, батюшка, ругаюсь». – «А ты, – говорит, – миленькая, лучше поплачь, а с ним не связывайся».

Иду я из храма и удивляюсь: откуда же узнал батюшка Иоанн, что я даю ответ на брань мужа? И поняла тогда: прозорливый наш батюшка Иоанн. Хотела на мужа пожаловаться, а он обличил меня в моих грехах.

Примерно за полгода до смерти батюшки я все говорила страждущим в ту пору дочери и зятю: «Съездите к батюшке Иоанну, он добрый, хороший, за вас помолится и даст совет, как вам молиться перед Богом о недуге вашем». А они все откладывали, потом батюшка умер.

И вот настало девять дней его памяти. Я все горевала дома, что не заехала к нему на могилу. И в эту ночь Милостивый Господь явил мне, недостойной, во сне нашего дорогого батюшку: стоит он весь в сиянии, а народ вокруг него кольцом на расстоянии примерно двух метров. И вдруг от переполнения сердца радостию я отделяюсь от всех, бросаюсь к нему, обнимаю и говорю: «Батюшка Иоанн, батюшка Иоанн, мы все так тебя любим, так любим!»А он говорит: «Держись за меня, держись!»Я говорю: «Держусь, батюшка, держусь!»И крепче его прижимаю к себе. Конечно, он говорил о духовном. Он спрашивает: «А где же ленты-бантики?»А я отвечаю: «И дочка моя вас тоже любит».

Проснулась и думаю: какие чудеса! Батюшка все знает о дочери моей, ждал ее при жизни и по смерти о ней спрашивает, хотя они совершенно незнакомы. Взяла дочь (с мужем они разошлись) и поехали с цветами к нему на могилочку. Крест у него стоял еще первый, и тут же – фотография. Помолилась я, гляжу – дочь плачет. Говорю: «Ты чего плачешь, ведь ты батюшку не знаешь?»А она: «Посмотри, мама, как он мне улыбается на фотографии». Я, грешная, ничего не увидела. Но радость обеим легла на сердце.

Слава Богу и батюшке Иоанну – исцелилась дочь моя от неизлечимого недуга. Вот такие чудеса и дивная помощь от нашего дорогого и незабвенного батюшки Иоанна.

Раба Божия Нина,
г. Самара

«НЕ ПЕЙ, НЕ НАДО!..»

В одной из теперь уже давних – наверное, в 2000-м году – паломнических поездок в Державино, к мироточащим иконам, одна паломница подошла ко мне и сказала:

– Вы знаете, меня ведь один батюшка исцелил от пьянства. Я раньше часто бывала в веселых компаниях, любила выпить. И не заметила, как стала пить все чаще и чаще. А когда поняла, что спиваюсь, остановиться уже не могла. И вот однажды шла я мимо церкви, которая стоит недалеко от Крытого рынка, – может знаете?.. Да, точно – Петропавловская. Вошла я в церковь, стою и плачу, не знаю, что мне делать. Смотрю, люди стоят в очереди к какому-то седенькому батюшке. Встала и я. Он так ласково со всеми разговаривал, кого-то утешал, кому давал советы. Батюшка Иоанн – может, знаете?

Подошла я к батюшке, и стыдно говорить о себе, что я пьяница, и душа сама плачется. Все рассказала, как родному человеку. Он и спрашивает: «А ты крещеная?» – «Крещеная»,– говорю. «А крестик на тебе есть?» – «Нет, батюшка...» Он тогда принес крестик и надел на меня. Велел носить, не снимая. Постоял, помолился, по голове меня погладил, как маленькую, и сказал: «Не пей больше, не надо!..»

И с тех пор уже четыре года я не пью ни водки, ни вина. Сначала знакомые удивлялись, как это я отказываюсь от рюмки – раньше сама первая тосты поднимала и в компаниях заводилой была. А теперь я и по гулянкам стараюсь не ходить, и если на работе или где еще собирается

выпивка, я отказываюсь: нельзя мне. Ну, правда, последнее время стала шампанское понемногу пить, один бокал – не больше. Хотя, наверное, и это – тоже не надо?

Я согласилась с ней: не надо. К чему искушаться, ведь старые страсти только и ждут, чтобы тихой сапой вновь пробраться в «выметенную горницу»...

Ольга Ларькина

«...ПУСТЬ ПОМИНАЕТ МЕНЯ КАЖДЫЙ ДЕНЬ!»

Об этом случае мне поведала одна моя знакомая – женщина очень интеллигентная, врач. Тем не менее при жизни ее покойной матери у них были очень напряженные отношения.

Вскоре после смерти матери она пришла утром с ночной смены и легла отдыхать. Видит во сне свою покойную маму, которая сидит в углу могилы в голубом платье, в котором была похоронена, с молитвословом в руках. Мать говорит ей:

– Вставай и иди в церковь! Там священник будет до 12 часов. Пусть он запишет меня в свою книжку и поминает каждый день.

Женщина проснулась: сон был как явь! Она удивилась такому видению, но так как очень устала в ночную смену, снова легла и уснула. И снова видит свою мать – на сей раз она уже стоит в могиле и строго говорит ей:

– Я тебе сказала – иди в церковь! Там только до двенадцати часов будет священник, пусть он меня запишет и поминает каждый день!

И этого наказа женщина не послушалась, а снова легла спать. Только задремала – и в третий раз видит свою мать, которая, поднявшись из могилы по пояс, повторяет те же слова, приказывает ей немедленно идти в церковь. Тут женщине было уже не до сна.

На часах было уже около полудня, времени совсем не оставалось. Быстро одевшись, она выбежала на улицу. Во дворе оказалась машина, и ее отвезли в Петропавловский храм. Служба уже закончилась, никого не было, только технички мыли полы. Женщина стала спрашивать, где ей найти священника. Кто-то пошел посмотреть, не ушел ли он. Оказалось, что батюшка как раз собрался уходить.

И вот как рассказывала мне эта женщина о своей встрече с отцом Иоанном:

– Вышел ко мне, прихрамывая, старичок маленький, с длинной бородой. Я ему рассказала все. Он улыбнулся, вынул записную книжку, записал имя моей покойной мамы, погладил меня по плечу и сказал: «Больше она вам не будет так сниться».

И в самом деле, больше покойная мама ее не безпокоила.

Александра Долганова,
г. Самара

«ПИСЬМО СКОРО ПРИДЕТ»

Первый раз я увидела отца Иоанна, когда пришла с дочерью в храм на исповедь и причаститься, но от Церкви я тогда была очень далека.

Мне одна молодая женщина сказала, что надо сходить в храм исповедоваться и причаститься, так как у моей дочери был потерян ребенок (выкидыш), и она очень скорбела. Отец Иоанн ее допустил до причастия, а меня – нет, только сказал: «Будете поститься?» А сам смотрит добрыми глазами, а лицо его сияет от улыбки. Я в смущении ответила, что не знаю.

Во второй раз я пришла к нему одна – тоже одна бабуля сказала, что есть старец Иоанн в храме Петра и Павла, он вам обязательно поможет, он прозорливый. Дайте сколько можете денег, он на эти деньги покупает свечи и молится.

И вот я пришла, а служба уже закончилась, и я подумала, наверное, уже поздно, и спросила служащую, можно ли увидеть отца Иоанна. Она улыбнулась, сказала: «Сейчас позову»,– и тут стояли еще две женщины – тоже к нему. И вот он вышел, сначала он подошел к одной и причастил ее; со второй поговорил, о чем – не помню, я так волновалась, как лучше сказать ему все. И вот он подошел ко мне, и я сказала, что у меня служит в армии сын Алексей во Владивостоке, и уже около трех месяцев от него нет писем. У меня сердце разрывалось на части, жить не хотелось.

Отец Иоанн погладил меня по голове: «Не расстраивайтесь, почта плохо сейчас работает, скоро письмо придет». Я успокоилась и поверила его словам. И действительно, через неделю пришло письмо (письмо оттуда идет в Самару семь дней).

Я пришла поблагодарить отца Иоанна, купила сгущенку и фрукты, пришла – как раз начался

молебен, и служил молебен отец Иоанн. Я молилась вместе со всеми. Закончился молебен, и все устремились к нему с вопросами, никто не хотел его отпускать, а он одной даме сказал: «Зачем вы красите губы, Бог вас сделал такой красивой». А один мужчина спросил: «Вот Вас называют прозорливым, Вам Бог отвечает?»А он улыбнулся и говорит ему: «Идите к распятию Господа Иисуса Христа, упадите на колени, молитесь, просите, и Он вам ответит». А сам улыбается. Одна попросила его отойти: «Мне очень надо поговорить, сугубо личное». – «Ну, что же, надо, так говорите при всех»,– и улыбается. Она: «Нет, нет». А отец Иоанн шаг шагнет и опять стоит, ему не дают идти, вокруг него люди стоят кольцом. И вот дошел он уже до ступенек, сейчас уйдет, и я решилась – подошла и сказала: «Отец Иоанн, вот я Вам принесла гостинец». А к нему как раз подошел молодой человек. Отец Иоанн говорит: «Вот хорошо, Александр, возьми гостинец, сейчас будем пить чай». И так это он сказал, что у меня стало хорошо на сердце, и я шла домой, как на крыльях. А сын у меня был в госпитале (письмо от него пришло из госпиталя, у него была очень серьезная болезнь). Я, когда узнала, то молилась святителю Алексию, митрополиту Московскому и всея Руси чудотворцу и Пресвятой Богородице, и с Божьей помощью чадо мое исцелилось.

Отцу Иоанну – вечная память! Прости, Господи, все его согрешения вольные и невольные, и даруй ему Царствие Небесное и спасение души в Жизнь Вечную!

Раба Божия Нина

«ДЕТЕЙ НЕ БРОСАЙ!»

30 апреля 1991 года (в день памяти моей мамы) отец Иоанн Букоткин крестил детей-сирот в Доме ребенка № 1 г. Самары. Кто пригласил батюшку окрестить детей – я не помню. Но этот день мне запомнился навсегда. Отец Иоанн попросил, чтобы я держала кадило. Помню, что батюшка окрестил в тот день более сорока детей, поэтому очень устал. Отец Иоанн был первопроходцем в крещении детей–сирот в государственных учреждениях. С 1996 года в нашем Доме ребенка постоянно крестит детей священник Димитрий. За больных детей молятся священники, монахи в Иерусалиме, у Гроба Господня, в монастырях, на Афоне. И все это благодаря нашему дорогому батюшке.

Я много раз приходила к батюшке и говорила, что не хватает сил работать в Доме ребенка. Он помазывал меня на всенощной дважды: один раз за себя, а второй раз за моих детей-сирот. И благословение батюшки давало мне новые силы.

Однажды, видя, что я колеблюсь насчет того, оставаться ли мне на этой работе, батюшка так внимательно посмотрел на меня и ласково, но твердо сказал: «Детей не бросай». До сих пор помню его слова, которые не дают изменить мне свой путь.

В конце сентября 1999 года я собралась съездить в отпуск на могилу к родителям в Калужскую область. Перед отъездом я пришла к батюшке и говорю, что у дочери проблемы с деторождением. Батюшка смеется и говорит: «Это Ангел Божий». Смысла этих слов я не поняла. Сначала я заехала в Троице-Сергиеву лавру к преподобно-

му Сергию Радонежскому, взяла благословение на работу в Доме ребенка, а затем погостила у родственников на родине. После моего возвращения домой приходит моя дочь и говорит: «Мама, готовься быть бабушкой». И я вспомнила слова батюшки Иоанна.

Когда я не могу решить какой-нибудь сложный вопрос, я еду в Иверский монастырь на могилу к отцу Иоанну, ставлю ему свечу и прошу его помощи. Батюшка всегда подает помощь.

Валентина Сергеевна Казакова,
г. Самара

ПО МОЛИТВАМ БАТЮШКИ

Наша семья помнит и чтит память о батюшке Иоанне Букоткине. Я хочу описать случай, как однажды батюшка Иоанн помог нам.

В 1997 году трагически погиб мой племянник Сергей. Он жил и работал в Самаре на мельнице рабочим; бригада засыпала зерно на помол; иногда их заставляли очищать от отрубей огромную воронку, в которую отруби ссыпались после помола. Отруби были горячие и накапливались на стенках. Рабочих опускали на веревках, и они скребками очищали стенки. Веревки по длине своей доходили где-то до половины. Однажды отрубей внизу накопилось много, Сергей (он был очень обязательным во всем) отцепился – думал, видно, что удержится и подчистит внизу, но от сотрясения все, что было на стенках, рухнуло и засыпало его на глазах у ребят. Они с ужасом смотрели, как он проваливается вниз, но помочь ему

никак не могли. Если бы кто-то и отважился, то тоже бы погиб вместе с ним.

Он был очень хорошим человеком! Остались жена и дочь. Престарелая мать жила в родной деревне, там похоронены наши родные. Решили и Сергея там похоронить. В Самаре отпеть не пришлось из-за спешки, в деревне такой возможности совсем не представилось, поэтому похоронили без отпевания. Потом все разошлись, разъехались. В доме остались мать и его сестры. И вот к ночи в доме стало раздаваться: тук-тук-тук; стук продолжался и на следующий день и ночь. Тогда старшая сестра поехала в Самару к батюшке Иоанну за помощью и молитвой. Она шла в храм с молитвой и слезами, потому что говорили, что батюшка не всегда там бывает и не всегда принимает. И вот она в храме, службы нет. Стоит, молится и плачет. И вдруг к ней выходит сам батюшка Иоанн и так ласково спрашивает: «О чем так горько плачешь, чадо?» Она ему обо всем поведала. Он сказал: «Помолюсь».

Она нам позвонила в Жигулевск. Мы приехали, утром пошли в Покровский собор, заказали отпевание, постояли, помолились. Нам дали земличку, объяснили все. Мы снова поехали в деревню, на могилку посыпали земличку. И все у нас получилось как надо. Это все по молитвам батюшки Иоанна.

Светлая память ему и Царствие Небесное.

Антонина Рудакова,
г. Жигулевск

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОТЧИЙ ДОМ

Протоиерей Иоанн Букоткин старцем себя называть не разрешал. Но к нему шли и шли люди – за благословением, утешением, духовным советом. Не случайно он снискал к себе в Самаре народную любовь. Скольким он помог в трудный момент: дал важный совет, остерег, увел с опасного, погибельного пути, вымолил, привел к вере. Вот юноша – был сатанистом, погибал, пришел «случайно»в Петропавловку, услышал проповедь отца Иоанна и поверил ему всем сердцем, исповедовался, начал спасаться. Таких людей, кто услышал в церкви «родненькие мои»отца Иоанна и захотел именно ему открыть душу, очень много. Он за всех молился. Елена даже не была знакома с ним, но он тоже молился за нее – по-особому. Эта история о спасении погибавшей рабы Божией Елены по молитвам отца Иоанна.

Елена – немка, но в детстве была крещена в православии, ходила в православный храм, ставила свечки, заказывала сорокоусты. В храме ей очень нравилось, но она не исповедовалась, не причащалась, службы не знала. Поверхностная вера не выдержала испытания скорбями. Сын занялся бизнесом и вдруг оказался в долгах, они потеряли квартиру, стали скитаться, бедствовать. А мама и бабушка Елены к тому времени перешли к протестантам–«евангелистам». И Елена решила за ними: вдруг там помогут? Поначалу ей там нравилось. Нравились длинные «притягательные» проповеди пастора, цитаты из Евангелия, улыбки, приветливое отношение. К тому же ей обещали помочь. Там тоже был крест, Евангелие, только

люди не стояли в храме, а сидели на лавочках. Она думала: здесь Христа тоже любят, и много немцев, наверное, здесь мое место, я ведь по рождению немка. Утверждение сектантов, что крещение надо принимать в сознательном возрасте, показалось ей правильным. Елену «перекрестили» в Волге на ежегодном «обряде крещения». Ходила она к протестантам больше четырех лет.

Время шло, она «причащалась»,как и все, раз в месяц (там не было личной исповеди), усердно молилась, искренне верила всему, что говорили. Ни к чему не подкопаться: помогают продуктами, одеждой, даже деньгами. Но стала замечать: несмотря на все это, почему-то изменений к лучшему в ее жизни нет, наоборот, становится все хуже. Вся ее семья обнищала, даже голодала, у всех руки опустились. Ее насторожило, что проблемы возникают и у других. У ее родственницы, которая так молилась, все в семье умерли или погибли за эти несколько лет. У приятельницы – операция за операцией («Не понимаю, что со мной происходит»,– сказала она Елене). Другая приятельница через день «скорую»вызывает. И на саму Елену напало такое уныние, отрешенность, что она кричала: «Лучше бы мне умереть!»Но что-то ее удерживало, какой-то стержень внутри. Видимо, благодать православного крещения. С собой она всегда носила иконку Казанской Божией Матери. Один «евангелист» увидел иконку и сказал: «Зачем ты ее носишь, я такую порубил и выбросил, это язычество». Елена пришла в ужас и стала с ним спорить, говорить, что в православном храме везде иконы, это такая благодать, красота, помощь лю-

дям. Все это время она продолжала ходить и в православный храм – взять святой воды, заказать сорокоуст, дома у нее были иконы.

В этот решающий момент, когда ей уже больше не хотелось идти к протестантам, она встретила Ирину – православную, глубоко верующую. Елена пыталась ее по инерции сагитировать в иную веру, но на третьей их встрече пригорюнилась и попросила: «Помолись за меня». Ирина помазала ее миром от державинских икон, дала книжечку «В помощь кающимся»и пошла в Петропавловскую церковь, чтобы спросить совета у отца Иоанна Букоткина, как молиться в таком случае.

Как всегда, после службы к батюшке стояла длинная вереница людей. Ирина подошла предпоследней и задала свой вопрос. Батюшка ее словно ждал. Он сказал смиренно и сокрушенно: «Пусть Елена повинится перед Богом». И отец Иоанн, и Ирина оба перекрестились и помолились: «Пусть, Господи, повинится пред Тобой Елена». Ирину отец Иоанн благословил молиться таким образом и не оставлять ее новую знакомую. Всякую трудную ситуацию, которая возникала с Еленой, он молитвенно разрешал. Ирина всегда чувствовала его молитвенную поддержку. Отец Иоанн сказал, что Елене нужно покаяться. А она до сих пор и не знала, что это такое. Ее кто-то «схватил и держал», три месяца она не могла прийти на исповедь в храм. Но когда пришла, исповедалась, священник прочитал над ней разрешительную молитву и порвал записку с длинным перечнем грехов, сказал: «Не бойся, молись»,– с ее души что-то слетело и ей стало легко. Батюшка сразу не

стал ее причащать, а дал епитимью – читать 50-й псалом, она читала его весь Великий пост, с радостью. Теперь причащается каждые две недели.

В семье сначала приняли все это в штыки, она рисковала остаться совсем одна. Обратилась за духовной помощью к Ирине: «Мне очень трудно, они не хотят принять православного крещения». Ирина посоветовала ей молиться так, как учил отец Иоанн: «Господи, пусть повинится пред Тобой такой-то». Она поддерживала Елену: «За тебя такой батюшка молится». Постепенно всех своих близких, всю свою большую семью Елена молитвой вывела из «страны далече»и привела в православный храм, окрестила тех, кто был не крещен. Они все – прихожане православного храма.

– Наша православная церковь – теплая, родная, в ней – жизнь, а там у них все какое-то формальное, показное, – заключила она в раздумье. Без храма, молитвы, Причастия теперь она не представляет свою жизнь. Она решила: буду молиться, а там что Бог даст. В Бога Елена всегда верила, только вера эта раньше была без покаяния, может быть, поэтому все это с ней случилось. Вернувшись в отчий дом православия, она с себя сбросила какую-то невидимую тяжесть, изменилось ее духовное состояние, она изменилась даже внешне: пропала отечность, посветлело лицо. В материальном плане тоже произошли перемены: у нее неожиданно появилась работа, она начала покупать еду, одежду, сейчас решается проблема с жильем. Бог посылает ей и ее близким помощь по молитве батюшки Иоанна.

Людмила Белкина

Моя дочь душевнобольная. Однажды я взяла ее из больницы, и мы пошли в Иверский женский монастырь, где исповедались и причастились. Она говорит: «Мне надо и собороваться», – а там в тот момент не соборовали, и мы поехали в храм святых Петра и Павла. Шел молебен, его служил батюшка Иоанн. Я дочери говорю: «Ближе к нему подходи». После молебна она жаловалась отцу Иоанну, как ей плохо, какая она больная. А народ к батюшке льнет. А он идет, смеется и бьет дочь крестом и говорит: «Лучше быть с Богом в аду, чем без Бога в раю». Эти слова запали мне в душу. Дочь моя и в больнице молится, и врачи сказали мне: «Вы большое дело сделали, что привели ее к православию».

Анна Митченкова,
г. Самара

Архив

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Иван Андреевич Букоткин, родился в 1925 г. в деревне Полухино Аркадакского района Саратовской области. Родители мои колхозники. Четырехлетнее образование получил в своей деревне, а семилетнее – в селе Мещеряки Кистиндейского района той же области. Далее учиться не пришлось, ибо началась Великая Отечественная война, которая направила жизнь людей по иному руслу. Отцу пришлось оставить свой мирный труд, и вместе с другими он шел боевым путем от Смоленска до Берлина, где и оставил жизнь свою на веки. Я на пятнадцатом году жизни занял место отца в колхозе, работал помощником пчеловода. Но на этом поприще трудился недолго.

В 1943 г. послан был Аркадакским райвоенкоматом в г. Балашов Саратовской области учиться на связиста, после чего работал при Аркадакской райконторе связи. Но и это продолжалось недолго.

В 1944 г. мне пришлось идти дорогой отца, но не в Смоленске я вступил [в войну], а в Восточной Пруссии, где за городом Инстинбург был тяжело ранен и отправлен на лечение в эвакогоспиталь 2911 в г. Павлове Посаде Московской области. За участие в боях награжден орденом Славы III степени.

Воинскую службу после выздоровления продолжал в Москве при Штабе МВО в роте «Охрана 235 ОМСР».

В конце 1946 г. был демобилизован. Это дало возможность приступить к прежнему занятию в колхозе – пчеловодству. Эта работа вскоре заменилась другой – учетом труда колхозников, которой занимался до осени 1948 г.

В Саратовской духовной семинарии. Выпуск 1952 года. В первом ряду слева – Иван Андреевич Букоткин, второй слева – иеромонах Иоанн (Снычев), будущий митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

В 1948 г., осенью, поступил в Саратовскую духовную семинарию, которую окончил весной 1952 г.

Отдохнув летом, в начале осени вступил в брак, а 4 ноября 1952 г. был рукоположен в сан священника архиепископом Филиппом Астраханским и Саратовским.

Первым местом служения был Астраханский Кафедральный собор (с 1 декабря 1952 г. по 30 ноября 1953 г.).

По моей просьбе Епископ Леонид, занявший место покойного архиепископа Филиппа, назначил вторым священнослужителем Никольской церкви г. Камышина Волгоградской области (с 30.09.53 г. по 5.10.58 г.), откуда после пятилетней службы, по моей просьбе, был отпущен и

принят в Новгородскую епархию, по воле архиепископа Сергия, в г. Боровичи, где и несу пастырскую службу десятый год, исполняя послушание настоятеля и благочинного.

24 января 1968 г.

Обязательство о выполнении плана занятий.

При поступлении в Ленинградскую духовную академию с отца Иоанна потребовали письменной расписки в том, что он обязуется выполнять учебный план занятий. Священник по этому поводу написал:

Боюсь сказать конкретно, ибо слово, данное мною, является для меня бичом в безжалостных руках. Одно скажу: постараюсь ни на один свободный час не уклониться в сторону от учебного плана.

Иерей Букоткин
15.05.53 г.

† † †

Архиепископу Филиппу

от выпускника СПДС Букоткина И. А.

Благослови, Высокопреосвященнейший Владыко!

По милости Божией и по Вашим святым молитвам, дорогой Владыко, я окончил полный курс Саратовской православной духовной семинарии, но на пути к главной цели – пастырству – есть еще одно важное дело – брак.

Спутница жизни моей уже подыскана. Теперь дело за Вашим на то благословением.

Ей девятнадцать лет, окончила она семь классов. Теперь работает портнихой и поет в хоре Аркадакского храма. Она сирота. Жизнь свою располагала провести в одиночестве, как и я, просила совета на это у того же батюшки, у которого просил и я, получила от него ответ такой же, как и я. Она глубоко религиозна, скромна, проста. Живет с бабушкой и двумя сестрами – старшей и младшей. Старшая работает в совхозе, а младшая будет учиться в девятом классе.

Находясь еще в Саратове, я располагал на нее в мыслях своих. По приезде моем в Аркадак я, ничего не говоря о ней, просил совета у местных батюшек и диакона, у каждого в отдельности, и каждый из них указал на нее. Потом я просил совета у мамы, которая тоже указала на нее. Тогда я написал письмо по этому поводу нашему батюшке, который был в Аркадаке раньше – отцу Александру Ильину (он образованный, святой жизни человек, всецело предан Церкви Христовой), к которому я и она обращались за советом. Он же рекомендовал мне поступить в семинарию. Он одобрил советы и ее. Только после этого всего я открыл моим советчикам свои намерения, которые имел еще в Саратове. Все это было сделано еще в первые две недели Петрова поста.

Дорогой Владыко, хотя Вы изъявили желание видеть кандидата в спутницы жизни каждого выпускника, находящегося в Вашем распоряжении, до вступления в брак, для того чтобы лично убедиться в его качествах, но я надеюсь, что Вы поверите моей о ней характеристике и поверите в те советы, которые я получил от местных свя-

щеннослужителей, и в то одобрение, которое я получил письменно от отца Александра Ильина (сейчас он благочинный в Ленинградской епархии в г. Луге), и дадите заочное благословение на вступление в брак, ибо поездка за благословением составляет некоторые неудобства, связанные с рядом причин. Все это мне очень хочется уладить до Успенского поста.

Дорогой владыка! Если Вы согласитесь с моей просьбой, то я убедительно прошу Вас дать телеграмму. Если Вы согласитесь, то следующая моя просьба – не откладывать далеко день рукоположения, если есть на то воля Божия, ибо условия, в которых я нахожусь, не позволят мне отодвигать тот день на позднее время.

Мой адрес: г. Аркадак Саратовской обл., дер. Полухино, Букоткину И.А.

Дорогой Владыко! Я очень и очень прошу Вас не отказать моей просьбе. Пока до свидания.

Остаюсь Ваш молитвенник, всегда любящий и не забывающий Вас, верный слову и делу своему

И. Букоткин

По совету протоиерея-настоятеля Троицкого кафедрального собора секретаря Архиепископа Филиппа по Саратовской епархии такие письма были посланы в епархиальное управление, саратовское и астраханское. Ответ получен телеграммой из Астрахани.

Телеграмма

Из Астрахани 1/184.

Адрес: Аркадак, дер. Полухино, Букоткину Ивану.

«Брак с избранницей сердца твоего разрешаю и благословляю.

Архиепископ Филипп».

† † †

Его Преосвященству Преосвященнейшему Сергию, епископу Астраханскому и Сталинградскому, священник

Свято-Никольской церкви г. Камышина Букоткин И.А.

Благословите, Святый Владыко, и простите за безпокойство.

У нас в Камышине есть молодой человек, желающий поступить в Саратовскую православную духовную семинарию.

Фамилия, имя, отчество его – Ноздрин Алексей Афанасьевич.

Согласно правилу приема в семинарию и Вашему циркулярному распоряжению за № 689 он должен иметь рекомендацию или согласие на поступление от Вашего Преосвященства.

Ноздрина знает и о. Н. Потапов, но так как я знаю его больше, то о. Николай поручил мне дать о нем характеристику Вашему Преосвященству.

Ноздрин А.А., 1932 года рождения. Окончил 7 классов и Текстильный техникум в подмосковном городе Серпухове (срок обучения 4 года), а во время прохождения воинской службы он окончил полковую школу (срок обучения 1 год) и имел воинское звание младшего сержанта.

После окончания текстильного техникума в 1956 г. он был направлен в г. Камышин на текстильный комбинат, где и работает по сей день

помощником мастера прядильного производства. Ноздрина я знаю с лета 1956 г., то есть с момента приезда его в г. Камышин.

Во все время пребывания в г. Камышине он нередко, а в последнее время регулярно посещает наш храм для молитвы. Я на него обратил внимание в первый раз прихода его в наш храм и даже осмелился спросить его, не семинарист ли он, ибо вся выправка его была семинарского юноши. Изъявленное им желание побеседовать со мной было причиной нашего первого знакомства, после которого он, по мере необходимости, приходил ко мне для личных бесед на религиозные темы.

Веру в бытие Бога он имеет, и не просто слепую, а рассудочную. Очевидны в нем любовь и ревность ко храму и прилежность к молитве и чтению душеспасительных книг. Очевидны также нравственные качества: самостоятельность, скромность, смирение, неболтливость и вообще стремление к истине. Он имеет желание искренне послужить на благо Святой Церкви Христовой.

Ожидаем решение Вашего Преосвященства.

Вашего Преосвященства нижайший послушник
священноиерей Букоткин И.А.
24.06.1958 г.

Сейчас схиигумен Илий (Ноздрин) является духовником Свято-Введенской Оптиной пустыни.

Привет от Кукши!

Очень я Вам благодарен за Вашу посылку. Иван Андреевич и Мария Дмитриевна, передайте большое спасибо отцу диакону Николаю.

Очень я доволен. Шлю я Вам свое благословение старческое и деткам Вашим. Вы меня спрашиваете – Вы спросите дома у Марии, она больше меня знает. Пока до свидания. Еще раз большой привет. Спасибо всем Вам, что не забыли меня. Сейчас лежу больной, ноги не ходят. Привет всем Вашим. Передайте большое спасибо Дусе за ее носки. Кончаю. Будьте здоровы и счастливы.

Целуем – Кукшины.

† † †

Высокопреосвященнейшему Сергию,
архиепископу Новгородскому
и Старорусскому,
настоятель церкви св. муч. Параскевы
г. Боровичи, священник Букоткин И.

Из нашего устного разговора Вашему Высокопреосвященству известно, что в Боровичской церкви за последние 10-15 лет установился обычай, по которому в день Отдания Пасхи торжественно выносится из алтаря св. Плащаница на средину храма для целования верующими.

Этот обычай позаимствован из Малороссии. Относительно его известный литургист профессор А. Дмитриевский говорит, что этот обычай местного (малороссийского) происхождения и не имеет никакого основания в письменных источниках. В то же время профессор А. Дмитриевский этот обычай приветствует.

По разъяснению «Церковных ведомостей»(1897, № 14), Плащаница в Отдание Пасхи снимается с престола и полагается священнослу-

*Город Боровичи Новгородской области.
В центре – Архиепископ Сергий (Голубцов).
Священник Иоанн Букоткин – первый слева*

жителями в гробницу после Литургии без особых молитвословий, подобно тому, как в Великий пяток полагалась на престоле. В Великороссии повсеместно подобным образом убирают Плащаницу с престола в Отдание св. Пасхи. А если это так, то появление этого обычая в Великороссии является новинкой. А так как эта новинка появилась в приходе вверенной Вам Епархии, то и судьба ее имеет быть зависимой от Вашего Архипастырского усмотрения.

Нам, членам причта, исполнять этот обычай или нет? При составлении сего письма пользовался «Настольной книгой священнослужителя» протоиерея С. Булгакова, стр. 597-598.

Настоятель Букоткин И.
18 мая 1964 г.

О. Настоятелю церкви св. муч. Параскевы
г. Боровичи
священнику Иоанну Букоткину.

Сообщается Вам резолюция Высокопреосвященного Архиепископа Сергия на Вашем письме от 18 мая 1964 г. по поводу обычая целования Св. Плащаницы в день Отдания Пасхи.

Рез. № 81.

«Учитывая общецерковную практику, отменить вкравшийся обычай вынесения из алтаря Св. Плащаницы для целования верующими.

Архиепископ Сергий».

Делопроизводитель
Епархиального управления Громцева

† † †

Благодать Вам и мир от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа!

Раба Христова Мария Димитриевна!

Ваше печальное письмо о кончине Вашей мамы получил и в свое поминание записал Евгению и Георгия, буду их вспоминать в своих убогих молитвах. Помоги Вам Господь пережить без ропота эту тяжелую утрату. Духом не падайте, Господь Сам устроит Вашу жизнь. Кого любит Господь – всех обличает и наказывает; Он же дает и помощь нам через тех, через кого хочет. Мы на земле странники и пришельцы, и наш путь – в Небесное Отечество. Вам хорошо было бы получить маленькую специальность, хотя бы научиться шить или счетной работе. Ну, как угодно Господу, Он устроит.

Мы сейчас приехали с матушкой в Торжок навестить нашего сына, который уезжает на работу. Привет наш всем. Вспоминаю и Вас в своих недостойных молитвах.

До свидания.

Помнящий Вас недостойный протоиерей А. Ильин
25.07.1950 г.

Дорогой отец Иоанн и матушка Мария!

Сердечно приветствуем вас с великим праздником Рождества Христова и с Новым годом, молим Младенца Христа, да Его мир и благословения почиют на сердце и всей жизни Вашей, и грядущее лето будет нашим восхождением по ступеням Его заповедей.

По Его милости и мы понемногу здоровы, жизнь и дела идут обычным чередом. С нового года отделилась Новгородская епархия от Ленинградской, управление вверено епископу Сергию (Голубцову) с титулом Старорусского. Место управления – Новгород, при нашем пока соборе за неимением другого места. Моему убожеству поручается быть секретарем владыки. После сдачи годового отчета благочиние от меня будет передано священнику отцу Павлу Короткевичу г. Чудово. В этом деле, как и во всем, выше своих личных соображений ставлю Волю Господа и послушание. Думаю, что так бывает меньше ошибок в жизни. По академии сдал за 4-й курс Историю Славянских церквей. Прорабатываю Канонику, и еще останется Новый Завет и Патрология. Тема для кандидатской работы утверждена мне «Причащение Святых Таин в жизни православного христиани-

на». По совету с некоторыми взял ее вместо темы о молитве Иисусовой как меньшего объема, составную часть последней, и имеющую некоторую жизненную остроту сейчас для меня и других ввиду расхождений во мнениях, даже и с владыкой Сергием. А молитва Иисусова – это тема для магистерской работы, если судит когда-нибудь и кому-нибудь Господь ее разработать.

По мере немощей работать приходится очень медленно и с прохладцей, ниточка тоненькая, вот-вот оборвется. Еще раз желаем здоровья. Просим Ваших святых молитв.

Остаюсь всегда помнящий Вас
протоиерей А. Ильин

Дочь Варя с отцом Евгением и Наташей живут по-прежнему в Сиверской, слава Богу. Сын Евгений перевелся по работе в Красноярск.

13 января 1957 г.

Дорогие отец Иоанн с матушкой!

Воистину Христос воскресе!

Благодарим за приветствие. Взаимно сердечно приветствуем Вас и всех близких Вашему сердцу со светлой Пасхой Христовой. Воскресший Христос да озарит Своим светом Ваше сердце и Ваш жизненный путь, да исполнит миром дух Ваш, да укрепит Ваши силы на многие годы.

По милости Божией наша жизнь идет своим чередом. За минувший год оживает наша церковная жизнь. В Новгороде стал постоянно жить епископ Сергий при нашем соборе. Стали частыми архиерейские служения. С Нового года орга-

низовалась самостоятельная епархия. С меня снято послушание благочинного и возложено послушание секретаря епископа. Пока это от меня требует большего времени. Меньше времени и сил остается на молитву, чтение, занятия по академии.

Последние продолжаю: за 4-й курс сдал один предмет, осталось три, и потом кандидатское сочинение. Тему по моему желанию утвердили: «Причащение Святых Таин в жизни православного христианина». По этому вопросу мои взгляды расходятся с нашим владыкой. Из-за этого расхождения (он не допускает частого причащения) я неоднократно намеревался уйти из Новгорода. Из-за большой суеты, загруженности внешними делами внутри – пустота и мертвость. Не хочется нарушать мира Церкви, огорчать духовных детей, без большой крайности ездить с места на место; в прошлом этого и так было много. Хочу только учиться смирению, которого до сих пор не имею, а все предоставить Промыслу Божию. Здоровье мое не блестящее, но в пределах терпимого, слава Богу.

Всегда с любовию помнящий Вас
протоиерей А. Ильин
27 апреля 1957 г.

В этом письме известного пастыря, молитвенника и богослова протоиерея Александра Ильина обращает на себя внимание тот факт, что он считал вопрос о частом причащении настолько важным в деле спасении души, что готов был спорить с архиереем и даже уйти из епархии.

Божественную литургию в Никольском храме г. Камышина совершает священник Иоанн Букоткин

Воистину воскресе!

Дорогой отец Иоанн!

Благодарю сердечно за поздравление и благие пожелания моему недостоинству. Рад, что ты трудишься на ниве Божией и не забываешь своих «однокашников».

Да пребудет с тобою Божие благословение во все дни твоей жизни.

С любовию о Христе твой богомолец
недостойный епископ Иоанн
1.05.1966 г.

Христос воскресе!

Дорогой отче! Ты просишь у меня найти тебе регента. Рад бы найти, но… мешает «но». Мы сами желали бы иметь регентов, но их нет или же есть пьянчужки. Вот и подумай о помощи. Прости за отказ.

Да хранит тебя Господь. Тебе и семейству твоему мое благословение.

С любовию о Христе недостойный епископ Иоанн
25.05.1967 г.

† † †

Преосвященнейшему Иоанну,
епископу Сызранскому,
викарию Куйбышевской епархии.

Благословите, Преосвященнейший Владыко!

Много думал я и решил попросить Вас о следующем: будучи в Камышине (пять лет) вторым священником, я был одновременно и членом епархиальной ревизионной комиссии. А так как мой настоятель был и благочинный, ему было около девяноста лет, то он почти все поручения по благочинию возлагал на меня.

Было много выездов как по благочинию, так и по епархии, которые доставляли немало огорчений и расстройств. Конечно, следует учесть и занятия по академии. Чрезмерная перегрузка, а также недруги, приобретенные поездками по благочинию и епархии в качестве ревизора, послужили причиной ухода из епархии. Правда, уходил я сам и при том не без трудностей… Один простец сказал мне: «Вы уходите от волка, а придете к медведю». Так и случилось. Вот он, город Боровичи, громадный приход. Здесь я уже девять лет. Против воли принял настоятельство и благочиние. При храме было большое хозяйство. Имели даже машины – грузовую и легковую. Причт из четырех священников и двух диаконов, три хора: правый, левый и любительский. Послушание, как видите, досталось большое. Но вот ураган времени. У нас взяли наше замечательное храмовое здание, а нам дали деревянную рухлядь, машины взяли, не по-

брезговали даже алтарными коврами, пишущей машиной, колоколами. Для меня настала пора кипучей работы. Не знал я себе ни покоя, ни отдыха. При помощи Божией из создавшегося положения вышли отлично. Но кроме этой тяжести на меня возложена еще тяжесть – это священник, отец В. Бояринцев, которого Вы знаете по семинарии. Эта тяжесть из всех тяжестей. Уже восемь лет он пилит мне и собратиям шею. Его давно бы не было, но терпим его из-за детишек, их у него семь человек. И если говорить только о его проделках, то и «самому миру не вместить пишемых книг». Я от него не только устал, а временами бываю больным. И мне пришла в голову мысль: «Удались от зла и сотвори благо». И если бы, дорогой Владыко, я Вас в этом попросил, то могли ли бы Вы меня устроить в своей Епархии?

Правда, мне очень жалко оставлять храм, который сейчас в великолепном состоянии. Каждый его уголок, каждая пядь его строились и украшались моим непосредственным участием. Здесь и домик свой, и город наш хороший, но… Если бы сам был поумнее, то было бы другое дело. Если буду просить Вас, то условие мое будет такое: я хотел бы быть только рядовым священником и иметь над собой богомудрого настоятеля, это был бы мой отдых. И еще, сын Илья учится в 4-м классе детской музыкальной школы, поэтому необходимо наличие музыкальной школы для продолжения образования. Что касается характеристики, то ее получите от нашего архиепископа. Могу только сказать, что свое пастырское дело люблю и пастырем быть стараюсь.

И терпение люблю, но, к огорчению, оно лопается. Правда, предел терпению есть и у Бога. Богочеловеческое сердце Христово не вынесло безобразия, творящегося в храме Иерусалимском. Он выгнал всех, говоря: «Дом Мой – дом молитвы, а вы сделали его вертепом разбойников».

Может быть, и не придется просить Вас, но если я попрошу Ваше Преосвященство, то сможете ли удовлетворить моей просьбе?

Как Ваше здоровье? И еще, дорогой Владыко, если предоставится возможность, то я очень желаю иметь Вашу фотокарточку.

Извините и еще раз благословите.

Всегда молящийся о Вас
протоиерей И. Букоткин
11.10.1967 г.

Дорогой отче!

Благодарю сердечно за поздравление и благие пожелания.

На твой запрос о приходе в мою епархию могу сообщить следующее: место у меня есть в г. Ульяновске. Если твердо решил о приходе, то присылай на мое имя прошение и автобиографию. Впрочем, согласишься ли ты или нет – извести меня телеграммой, чтобы мне знать, что делать.

Да умудрит тебя Господь.

Тебе и семейству твоему мое благословение.

Твой богомолец
недостойный епископ Иоанн
18.10.1967 г.

Преосвященнейшему Иоанну,
епископу Сызранскому,
протоиерей Иоанн Букоткин

Благослови, Владыко!

В Ульяновске я был в обеих церквах. Обе мне понравились, но должен сказать, что они могли бы выглядеть лучше. Понравился и город. В городской церкви разговаривал с уборщицами. Ни одного из священников я не застал. На все интересующие меня вопросы они дали исчерпывающие ответы. Хотя я посетил их проездом, но приняли хорошо, даже накормили и предлагали съестного с собой.

Церкви кладбищенской внимания уделено меньше. Здесь разговаривал со священником, кажется, отцом Андреем, со старостой и с псаломщицей. Священник простец, мне он понравился именно своей простотой. Он предложил мне пойти с ним на квартиру пообедать. Я отказался, потому что был сыт. Здесь есть возможность устроить баптистерию, ризницу, склад предметов реализации под церковью. Хотя и здесь я был проездом, но получил ответы на все вопросы, которые меня интересовали. (…)

Бояринцев чудит. Вчера после Всенощного бдения партия верующих из мужчин и женщин взяли его в работу. Он старался уйти от них, поднимал на них руки, грозил, но они его самого взяли за руки, держали, ругали и поучали. Какой позор! Я в это время был дома.

Мое пребывание в Боровичах будет зависеть от решения митрополита. Если Он оставит здесь

Бояринцева, то я уйду, если не оставит, то я останусь на месте. Но желание быть в Вашей епархии меня не покидает.

Надеюсь, что скоро будет ясно, оставаться мне или уходить.

Прошу взаимных молитв.

Извините, дорогой Владыко, и еще раз благословите.

Недостойный протоиерей И. Букоткин
10.11.1967 г.

Преосвященнейшему Иоанну,
епископу Сызранскому,
викарию Куйбышевской епархии.
Протоиерей Букоткин И.А.

Дорогой Владыко, я очень огорчен отказом владыки митрополита в переходе во вверенную Вам епархию. Свое огорчение я высказывал нашему Уполномоченному и секретарю владыки Никодима по Новгородской епархии. Наш Уполномоченный прочитал мне запрос Ульяновского Уполномоченного и ответ на него. Если бы митрополит отпустил меня, то со стороны нашего Уполномоченного претензий ко мне нет.

Мое желание о переходе в Вашу епархию остается в силе. Я уже несколько раз намеревался послать свою просьбу на имя Патриарха и Синода, но всякий раз мое намерение удерживала влиятельность митрополита.

Задумывался я и над тем, не есть ли это Промысл Божий, и над тем, что если я пошлю Патриарху и Синоду, то не попаду ли в немилость

митрополита? Что могли бы сказать или посоветовать Вы?

Бояринцев пока что остается на месте, и я продолжаю исполнять прежнее послушание.

Приношу извинение и прошу Ваших Архипастырских молитв.

Недостойный протоиерей Букоткин И.
25.03.1968 г.

Дорогой Владыко, благословите!

Давно я получил Ваше письмо, а с ответом только собрался. Приношу глубокое извинение за мою медлительность. Очень благодарен за добрые пожелания, за отеческую заботу.

Мария Дмитриевна из больницы выписалась 30 октября. Что было нарушено парализацией, почти все восстановилось. Бог посетил и скорбию, и милосердием. Состояние моего здоровья удовлетворительное. От настоятельства владыка митрополит освободил меня по моей просьбе, благочиние пока на мне.

Наш причт пополнился Бояринцевым. Ему помогли сильные века сего. Недовольства в народе много. Диакона Рябкова отправляют на пенсию до выздоровления. К нам назначен диакон о. Антоний из собора, но у себя его пока не видели. Церковь наша с куполом выглядит замечательно, надежда оправдалась. Посылка, которую Вы посылали с псаломщицей, вручена только в этом месяце в полной сохранности.

Да, дорогой владыко, мы жалеем, что владыка митрополит не отпустил меня, мы уже давно были бы устроены. А сейчас, когда в наш

1954 год, г. Камышин. Священник Иоанн Букоткин, матушка Мария Дмитриевна, младенец Илия, мама отца Иоанна Саломия Букоткина

причт опять влился Бояринцев – пастырь, который закрыл личным делом себе путь в другие епархии, передо мной снова назрела необходимость пересмотра своего положения. Ведь Бояринцева я знаю уже 19 лет, и верить в его исправление мне очень трудно. Уместно вспомнить и о тех людях, которые околачиваются при епархиальном управлении и готовы всякую минуту выкопать яму для поимки. Вы, владыка, их знаете. Но беда еще в том, что на их стороне сильные века сего. Наличие нездоровой атмосферы с одной стороны и отсутствие понимания и поддержки с другой создают предмет безконечных раздумий. А состояние здоровья моего и Марии Димитриевны ос-

тро нуждается в более спокойной обстановке.

Пересмотр положения поддерживается наличием возможности устройства в более спокойной, здоровой атмосфере и при том в три раза ближе к родине. Но шаги к такому устройству я пока не предпринимал. Правда, переезд – дело трудное, но если обстановка складывается трудной, то что-то нужно делать.

Как Ваше здоровье? Мне кажется, что оно скоро позволит Вам принять кафедру. Когда мы читаем записочки о здравии, то во многих записано Ваше имя.

Извините, дорогой Владыко, за такое громадное письмо. Просим Ваших святительских молитв.

С сыновней любовью к Вам
протоиерей с домочадцами
26.11.1968 г.

Дорогой Владыко, благословите!

Письмо Ваше мы получили. Очень и очень благодарим за внимание. В связи с поездкой по благочинию я задержался с ответом. Приношу Вашему Архипастырству глубокое извинение.

Кто-то по ошибке сказал Вам о моем переводе. Летом этого года я просил владыку митрополита о снятии с меня настоятельства в связи с заболеванием гипертонией с приложением медицинской справки. Просьба удовлетворена, но благочиние осталось за мной. Правда, секретарь владыки предлагал мне перейти в кафедральный собор, а я просил об оставлении на месте. Ни о

каком другом переводе речи не было. Теперь у владыки митрополита секретарь в Новгороде другой.

Отец В. Бояринцев, по предложению владыки митрополита, в июне месяце подыскал себе место в Оренбургской епархии. Ему был дан г. Бугуруслан. Но после ознакомления Преосвященного с личным делом Бояринцева последний вернулся в Боровичи и пять месяцев был безработным, так как владыка митрополит отказывал в предоставлении ему места. Сильные века сего помогли Бояринцеву, и он снова восстановлен на старое место – в Боровичи. Сейчас у нас четыре священника и диакон. Я думаю, что полученная Вами весточка о моем переводе имеет какое-то отношение к сообщению о Бояринцеве. Правда, он немного поумнел за это время, но надолго ли – знает только Бог. Лично мне трудно верить в его долгосрочное исправление. Взаимоотношения у нас хорошие. Ему я все простил, хотя о. Вл. ни одним словом извинения не обмолвился.

Весной минувшего года я высказывал в письме на Ваше имя сожаление по поводу неудавшейся попытки перехода в Вашу епархию. Я писал также, что хотел писать в патриархию. Но писать хотел не жалобу, а просьбу о переходе. Это я поясняю потому, что Вы написали: «В Синод жаловаться не надо. А так время от времени напоминай митрополиту и проси его обуздать неистовство Бояринцева».

Желание о переходе меня не покидает, но удерживает от новой попытки состояние здоровья. Сейчас оно удовлетворительное, но если

я займусь переходом, оно может ухудшиться. Таким образом, все это продолжительное время я взвешиваю свои силы и подлечиваюсь. Владыка Сергий и устно, через близких, и письменно убеждает меня оставаться в Боровичах. Может быть, в этом есть воля Божия, но мне хотелось бы перебраться. Время подскажет.

Как Ваше здоровье? Всегда молюсь о Вас. Благословите пожелать Вам именоваться Куйбышевским. Читал некролог в 10-м номере, написанный Вами. Да! <неразборчиво> достоин подражания. Жалею, что в бытность у Вас я не получил благословение владыки митрополита.

Все, что было нарушено парализацией у матушки, восстановилось. Сердечно благодарим за молитвы. Извините, дорогой владыко, за такое утомительное письмо. Помолитесь.

С сыновней любовью к Вашему Преосвященству

недостойный протоиерей
31.01.1969 г.

Благословите, Преосвященнейший Владыко!

Уже давно я не безпокоил Вас своими строками. Но это не потому, что семья наша позабыла Вас. В последние месяцы почти ни дня не проходит без воспоминаний. Если не я, то кто-то из семьи полагает начало воспоминанию. Дело в том, что стремление наше продолжает намагничиваться, направляя стрелки желания в вверенную Вам епархию. А в последние дни по не-

скольку раз в день мне предлагают один и тот же вопрос то матушка, то дети: «Будем ли мы переезжать?»Окончательный ответ пока не последовал, хотя и готов последовать во всякую минуту. Семья, гнездо – эти два слова приносят в голову целый рой всевозможных размышлений. Конечно, при острой нужде решение рождается быстрее, но у нас ее нет. Правда, Бояринцев своими делами за десятилетнее пребывание здесь отравил всю окружающую атмосферу. В начале лета жена с детьми ушла от него. Он и запил еще больше и загулял. Порой стыдно быть около людей, ибо всюду разговоры о его непристойном поведении. Прослышала жена его о возможном роковом исходе (тогда она лишится алиментов в сто рублей) и несколько дней тому назад, отпросившись на работе, приехала сюда. На днях они должны будут быть на приеме у митрополита. Но мы уже видим крепкую руку, которая готова изъявить готовность опять помочь ему, хотя есть основание ждать иное решение о нем. Страшное всетаки ждет его.

Я пока остаюсь благочинным. Уже начал поездки по храмам благочиния для сбора сведений к годовому отчету. В состоянии здоровья чувствую заметное улучшение. Уже полгода не ходил проверять давление крови и чувствую отсутствие необходимости в этом.

Еще о нужде. Заря ее приближается. Дело в том, что дети растут и постепенно приближается необходимость думать о специальном образовании. Илья, например, говорит о желании (он сейчас в 8-м классе), да и мы согласны, после

На родине отца Иоанна, в деревне Полухино Аркадакского района Саратовской области, среди родни. Рядом с отцом Иоанном – его мать Саломия. В первом ряду – Мария Дмитриевна

восьмилетки поступить в музыкальное училище. Детскую музыкальную школу он окончил в прошлом году (учился пять лет). В нашем городе такого училища нет. Правда, мы в состоянии отпустить его в один из ближайших городов для поступления в такое училище, но нам, родителям, отпускать, откровенно говоря, не хочется, так как он, лишившись родительского надзора, может оказаться на положении Евангельского блудного сына.

Не знаю, от Бога ли, но желание мое – быть под Вашим окормлением. Лично наша семья склонна переехать еще раз. Я хотел бы услышать Ваше Архипастырское безпристрастное мнение.

Правда, мы говорим дома и о том, отпустит ли митрополит. Но у меня теплится надежда и уверенность на положительное решение этого вопроса.

Пишу, и написал уже много, и все думаю, где поместить поздравление. Думаю, что не будет неуместным, если я после сих строк поздравлю Вас. Благословите поздравить, хотя и с большим опозданием, Ваше Преосвященство с получением титула Куйбышевского.

Желаем дальнейших успехов в Вашем высоком призвании. Всегда молюсь о Вас, но очень желаю молиться о Вас как о своем правящем Преосвященном.

Приношу глубокое извинение и прошу Ваших молитв. Если соблаговолите думать о моем устройстве, то я хотел бы не более рядового священнического места и над собой – мудрого настоятеля, от которого можно было бы поучиться доброму.

27.12.1969 г.
Преосвященнейшему Иоанну,
епископу Куйбышевскому.
протоиерей Букоткин И. А.

Благословите, дорогой Владыко!

Прежде всего приношу Вам глубокое извинение за безпокойство, которое я причинил Вам звонком телефона в глубокую полночь. Получив от Вас телеграмму с предложением, я решил как можно быстрее навести некоторые справки. Заказал телефон утром с просьбой соединить в 20 часов, а в 21 час междугородная телефонная станция

Отец Иоанн с инокиней Марией (Осокиной)

известила, что соединит только в час ночи. Отказаться от разговора в поздний час я не осмелился.

После нашего разговора я переживал, что своим отказом мог в какой-то мере оскорбить Вас. Но поступить иначе я не мог. Свою мотивировку я писал Вам – это быть под Вашим окормлением и иметь детям доступ к образованию сверх восьми или десяти классов. Правда, в Боровичах довольно много спецшкол, но музыкального училища нет, а оно как раз и нужно. Есть детская музыкальная школа, но ее сын окончил. А так как Кинель-Черкассы – только село, то, естественно, дать искомое оно не имеет возможности. Ездить на регулярные занятия в г. Куйбышев, с затратой четыре с лишним часа на дорогу, просто немыслимо. Да и для меня как-то страшновато идти в село. Тем более что с первых дней священства (восемнадцатый год) и до сего дня я значусь в многоштатных причтах. Вот уже две-

надцатый год в Боровичах. Причт наш из четырех священников и одного диакона, но по штату положено два диакона. Храм наш великолепный, и тем более, что делано у меня все по особому вкусу (в пределах возможности). Два хора платных певчих. И город наш хотя и невелик, но он в полном смысле город, и если бы не означенные мотивы, то Боровичи я не променял бы даже на большой город. Тем более что у нас великолепное жилье и притом в центре города, все удобства рядом.

Никак не менее важно и то, что пасомые относятся ко мне великолепно и я их весьма люблю. Вот почему мне очень трудно оставить Боровичи и тем более попасть в село. Правда, если бы я провинился хотя бы на горчичное зерно, то тогда дело было бы другое.

В Ульяновск я согласен. Сам город имеет преимущества перед нашим городом. Но что касается храмов, то храм Боровичский имеет свои преимущества. Храмам Ульяновским следовало бы выглядеть лучше. И оклад священника у нас в два раза выше оклада священника в Ульяновске. Но в Ульяновск я все же согласен, потому что дети найдут там все, что будет им нужно. А что касается материальной стороны, то как-нибудь обойдемся. Поэтому, дорогой Владыко, если предоставится возможность устроить меня таким образом – буду весьма признателен.

Еще раз приношу извинение и прошу молитв.

Протоиерей Букоткин
27.01.1970 г.

† † †

Мы не знаем конкретных обстоятельств, при которых было написано это письмо. Но все тут «читается»открытым текстом…

Валентина Николаевна, приглашаю Вас для личной беседы по поводу хулиганского срамного поведения Вашей дочери Галины. Вчера (в пятницу, 15 июня) после вечерней службы она дождалась меня на улице и вылила целое море безсовестного зла и наглости. Полтора квартала она шла следом и кричала на меня, как сумасшедшая. В ответ на ее наглость, ругань и угрозы я не произнес ни одного слова. Люди, которые все это видели и слышали, шарахались в сторону от ужаса. Это оскорбление далеко не первое.

Протоиерей Петропавловской церкви Иоанн
16.06.1984 г.

ПРОПОВЕДИ ПРОТОИЕРЕЯ ИОАННА БУКОТКИНА

(Из архива священника)

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

Дорогие о Господе, в нынешнем Евангелии Господь наш Иисус Христос изрек те пути, те заповеди, чрез исполнение которых мы приближаемся к будущему вечному блаженству.

Первая из них читается так: «Блаженны нищие духом, яко тех есть Царство Небесное».

Дорогие мои, всем нам знакомо слово «нищий». Каждый из нас знает, что нищий – это человек, который ничего не имеет для своего существования телесного кроме той котомки, в которую он кладет все, поданное ему ради Христа. Это нищий телесный. Но в этой заповеди говорится не о телесной нищете, а о нищете духовной.

Нищий духом – это человек, который сознает свое недостоинство пред Богом, который сознает свои недостатки, грехи, слабости и вообще все отрицательные стороны своей жизни, и потому всего себя подчиняет воле Господней и основу своей жизни полагает в Господе. Он искренно признает, что спастись без помощи Божией он не в силах.

И как нищий телесно ищет помощи у нас, так нищий духом с распростертыми руками ищет помощи у Бога, обращая к Нему очи своего тела и очи своей души. Все доброе он приписывает Богу, а все плохое – себе.

Такие люди обладают исключительной кротостию и смирением. Они не хвалятся никакими

своими преимуществами: званием, происхождением, силою, богатством, а также умом, заслугами, подвигами и др.

Смиренный говорит о себе низко и избегает всякого вида самопревозношения. А когда преуспевает в чем-либо, то приписывает все Божественной помощи и своему долгу. Он считает себя хуже всех окружающих и ставит себя на последнее место среди последних.

Дорогие мои, Господь наш Иисус Христос говорит, что они «блаженны, ибо их есть Царство Небесное». Слова эти очень приятны, но относятся они только к нищим духом, а мы далеко не те. Во многих из нас нет и тени нищеты духовной. В большинстве случаев мы грубы, самомнительны и кроме положительных черт мы ничего не находим в себе. Мы ставим себя на голову выше всех и унижение считаем позором. Иногда стараемся показать себя смиренными, но у нас получается иное, ибо, смиряясь внешне, мы впадаем в гордость внутренне и тем самым ставим себя в еще большую опасность.

Все это говорит за то, что мы не ищем Царства Небесного, мы не заботимся о нашей будущей жизни, а только утешаем себя жизнью настоящей, которая скоро должна замениться вечностью. Мы часто думаем, что нам еще много жить. Но, дорогие мои, давайте оглянемся назад, давайте посмотрим на те годы, которые мы уже миновали, и мы увидим, что они прошли незаметно для нас. Так же незаметно пройдет и то время, которое находится между нынешним днем и гробовою доскою, которая служит дверью в вечность,

где каждый из нас получит по заслугам, судя по тому, как провел он жизнь здесь.

Мы же с вами, дорогие мои, не нищие духом, и потому нас ожидает не награда, а наказание. Но у нас с вами еще есть время для покаяния, есть время для исправления своей жизни. Оставим фарисейскую гордость, возненавидим ее и последуем примеру смиренного мытаря, который бил в грудь себе и говорил: «Милостив буди мне, грешному». Дорогие мои, приложим все усилия для того, чтоб оставить гордость нашу, и помолимся Господу, чтоб Он Своею благодатию помог нам к стяжанию нищеты духовной. Тогда и к нам будут относиться слова Господа: «Блаженны нищие духом, яко тех есть Царство Небесное». Аминь.

ПОКАЯНИЯ ДВЕРИ ОТВЕРЗИ МИ, ЖИЗНОДАВЧЕ

Такими словами, дорогие мои, взывает кающийся грешник, возводя очи свои к Горнему Престолу. Покаяние – это одно из таинств, установленное Самим Господом нашим Иисусом Христом во время Своей земной жизни. Покаяние имеет величайшее значение в жизни православного христианина. Оно в корне перерождает его. Оно делает из него нового человека и молодит душу. Не случайно и Господь наш Иисус Христос начал Свою проповедь словами призыва к покаянию: покайтесь, говорит Он, приблизилось бо Царствие Божие.

Дорогие мои, все мы живем здесь – на земле – для того, чтобы жить там – на Небе. Но для

того, чтобы жить на Небе, надо вести благоразумную, благочестивую жизнь здесь – на земле. Но посмотрим на свою жизнь: согласна ли она с Законом Божиим, Который велит нам сознавать грехи свои и оплакивать их; быть кроткими и искать правды; уважать и жалеть других, как самого себя; иметь чистое сердце, подобно сердцу дитяти, и примирять враждующихся.

Конечно, дорогие мои, большинство из нас этого не соблюдает. Мы не сознаем грехов своих и потому не оплакиваем их; мы горды и по правде не живем; мы не обращаем внимания на нуждающихся и не прощаем обидчикам нашим; мы не имеем чистого сердца, подобного детскому; мы не только не примиряем других, но даже сами не живем в мире с окружающими нас. Мы обросли грехами, мы утопаем в грехах. Грех сдавил нас со всех сторон. Если мы с вами такие, то наследуем ли мы Царство Божие и переселимся ли с земли на Небо? Конечно, нет. Нас ожидает гнев Божий, нас ожидает огнь вечный, где будет плач и скрежет зубов.

Господь знает нашу слабость. Он знает пороки наши, но он жалеет нас. Он хочет, чтобы мы вразумились и спаслись. Вот почему нам дано покаяние, вот почему говорит нам Господь – покайтесь. Он протянул к нам руку помощи и в любую минуту готов принять наше покаяние. Он хочет, чтобы мы осознали свои грехи, чтобы мы омыли их слезами покаяния. Если Господь проявляет о нас такую заботу, если Он так печется о нас, то нам ли не заботиться о себе, нам ли не подумать о своем положении. Неужели мы живем здесь для того,

чтобы потом вечно мучиться?! Неужели мы будем даром терять время?!

Еще я хочу напомнить вам, что насколько рай приятен, настолько ад противен; насколько хорошо в раю, настолько плохо в аду. Все это я говорю с тою целью, чтоб мы видели наше опасное положение, и виною этому – наши грехи, которые мы делаем на каждом шагу нашей жизни. Поэтому, дорогие мои, наш долг – возненавидеть грехи и отдать все силы свои на то, чтобы оставить их. Возненавидя грехи свои, нам следует искренне покаяться и больше не грешить ни словом, ни делом, ни помышлением нашим.

Посмотрите на Марию Египетскую – и вы увидите, как она возненавидела грехи свои. Вы слышали, какая она была и какая она стала. Она оставила мир с его земными прелестями, она оставила всю сладость греховного мира ради того, чтобы принести искреннее покаяние. Дорогие мои, Мария низко пала. О грехах ее даже говорить стыдно, но посмотрите, как она высоко поднялась. Все это потому, что она возненавидела грех, искренно покаялась и твердо решила больше не возвращаться к ним.

А вот другой пример искреннего покаяния. Как-то раз случилось Господу быть в доме Закхея – начальника мытарей, а люди, видя это, стали роптать, говоря, что Он зашел к грешному человеку. Тогда Закхей, слыша возмущение народа, осознал грехи свои, встал пред Господом и сказал: «Господи! половину имения моего я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо». И сказал ему Господь: «Ныне пришло спасе-

ние дому сему». Вот, дорогие мои, что сказал Христос искренне покаявшемуся Закхею.

Очень полезно будет прослушать притчу Господню о том, как два человека вошли в храм помолиться: один был мытарь, другой фарисей. Фарисей, встав на почетное место, молился: Боже, благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь. Я пощусь два раза в неделю, десятую часть своего дохода отдаю на храм. Это так молился фарисей. А теперь давайте посмотрим на молящегося мытаря и послушаем, как он молился. Он стоял вдали от почетного места с поникшей головой и даже глаз своих не смел поднять на небо. Он ударял себя в грудь и говорил: «Боже! будь милостив ко мне, грешному». Закончив притчу эту, Господь сказал, что мытарь вышел из храма более оправданный, нежели фарисей.

Итак, прослушав эти примеры покаяния, мы с вами должны запечатлеть их в сердце своем и последовать их примеру. А для этого надо овладеть собою и свою волю подчинить воле Господней.

Помолимся, братие и сестры, Господу, чтоб Он чрез святых Своих научил нас искреннему покаянию. Аминь.

ПРОПОВЕДЬ ПРОТОИЕРЕЯ ИОАННА БУКОТКИНА В Г. БОРОВИЧИ

Солнце ужаснулось, видя страдания Господа, и скрыло лучи свои, но между безчисленного народа не нашлось сострадальца. Со всех сторон неслись неистовые крики: распни, распни Его! Кровь Его на нас и на чадах наших. И потому как

не сказать было Иисусу: прискорбна есть душа Моя до смерти.

Из Священного Писания нам известно о Сампсоне, как он попал в руки филистимлян, как они ослепили его, выколов глаза ему. Но когда пришли за ним в место его заключения, чтобы потешиться над его безсилием, то Сампсон не стерпел позора. Он ухватился за нижние столпы, на которых основан был храм, и изо всей силы так ими потряс, что храмина упала и задавила и его, и филистимлян. Но Христос Бог все терпит и не повелевает вселенной потрястись в своих основаниях, чтобы она упала и погребла пребеззаконных людей живыми. Он даже молится о них: «Отче! Прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23, 34).

Христос, Сын Божий, побуждаемый крайней любовью к человеческому роду, страдает, как не страдал ни один человек, проливает до последней капли Свою пречистую кровь, как преступник, на кресте, чтобы спасти всех. И однако Он предвидит, что большая часть людей погибнет, что Имя Его будет хулимо, что Кровь Его будет попрана, что Крест Его будет поруган, а значит, и адские вместилища будут наполнены в преизбытке. Это принесло Ему безутешную скорбь.

Если Христос печалится, предвидя муку отступников, то утешится ли Он, предвидя гибель множества носящих звание христианина?! О горе! Это Его еще больше печалит. Ибо много христиан окажется в сетях диавола. Эта и есть самая большая страсть из всех страстей Христовых, потому и говорит: прискорбна есть душа Моя до смерти! Христос предвидел неблагодарность

нашу, тяжесть наших грехов. Он знал, что увидит среди нас, христиан, одного – как Иуду, другого – как Петра, иного – Варавву Ему предпочитающего, – которые вновь Его распинать будут.

Умер царь скифский по имени Перисаид, оставя после себя трех сыновей. Каждый из них желал занять место отца своего, что вовлекло их в смертную брань. Для разрешения спора решили они избрать судьей царя фракийского – друга отца их, решению которого они дали клятву покориться. Тот придумал к примирению их следующее: приказал вырыть тело отца их и повесить на древе. Потом, призвав трех братьев, сказал им: «Тот из вас, кто выстрелит из лука в это мертвое тело и кто крепче в него ударит, тот пусть и будет царем». Первый, натянув стрелу, выстрелил, а потом и другой. Но третий сын, видя, что ему придется стрелять в тело своего отца, опустил лук из рук своих и сказал: «Я не желаю таким способом стать царем; лучше от царства откажусь, нежели пущу стрелу в тело отца моего». Что же сделал судья? Именно его и избрал царем.

То же, дорогие во Христе, хотел бы и я предложить неблагодарным и жестокосердым детям нашего общего Небесного Отца. Вы видите, что пред нами на Древе Крестном Его мертвенные останки. Кто же из нас возьмет стрелу, чтобы прибавить Ему ран? И, к прискорбию нашему, стрелы оказались у многих из нас, которыми мы и наносим все новые и новые раны нашему общему Отцу. Вы видите стрелу, уязвляющую главу Его, – это стрела демонской гордости, стрела

непокорных и тщеславных. А стрела, вонзающаяся в Его ребра? – Это стрела памятозлобия и братоненавистничества. А чьи стрелы пробили Его руки и все прочие стрелы, которые вонзились в пречистое Его тело? Это стрелы всех прочих наших тьмачисленных грехов, которыми мы оскорбляем Господа и делаем себя нарушителями Его заповедей.

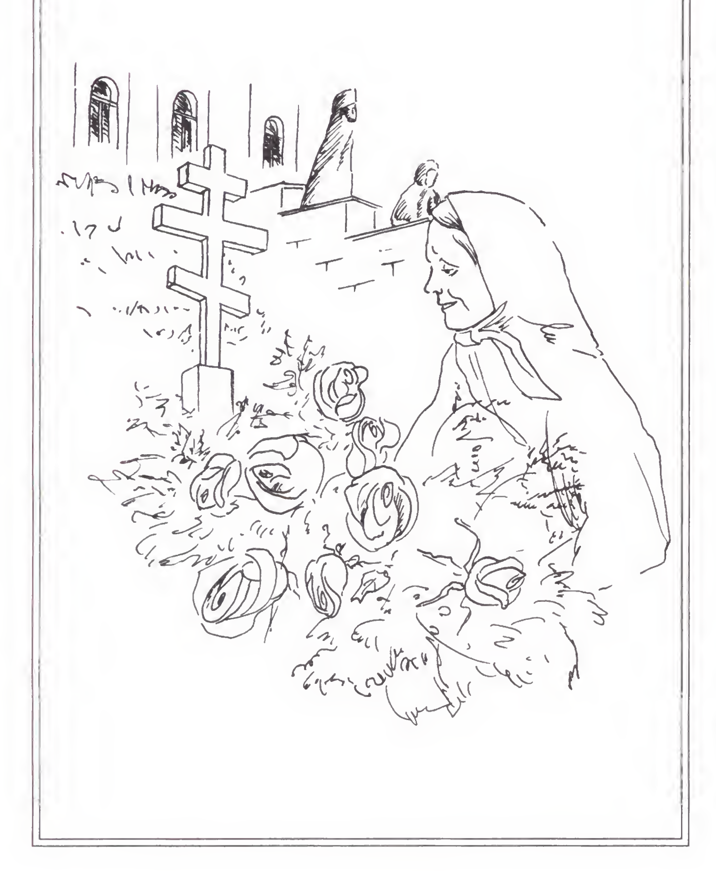
Где же те из нас, которые имеют сыновнюю любовь? Всюду неблагодарность, всюду уязвление Отца. А Он, Спаситель наш, видя наше беззаконие, видя наши стрелы, язвящие Его, не покидает нас любовию Своею. Он умоляет Отца Своего: остави им, не ведают бо, что творят.

Да, Сладчайший Иисусе, остави нам, прости нас.

А мы все, дорогие во Христе, отбросим наши стрелы, язвящие Господа, и едиными устами воззовем к Нему: помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем. Аминь.

«Праведники во веки живут»

(надпись на могильном кресте протоиерея Иоанна)

ОН УМЕР ВЕСНОЙ...

Батюшка Иоанн своей духовной дочери сказал: ты за меня один земной поклон клади, и будешь в моем «стаде». Я тоже решила за него класть поклон. Сколько я так делала поклонов, не считала. Но только однажды мне захотелось узнать, как за меня молится отец Иоанн. И вот однажды стою к нему в очередь на елеопомазании и об этом думаю. А к нему как раз подходит женщина и задает «мой» вопрос: «Батюшка, я за вас кладу поклоны, а вы молитесь ли за меня? Имя мое поминаете?» И имя свое назвала. Он ей так ответил: «О!.. Если бы мне за всех поименно молиться, тогда и суток бы не хватило. А я молюсь так: «Помяни, Господи, всех, кто за меня молится!..» И сразу я получила ответ на свой вопрос. Сама его об этом уже не стала спрашивать. А поклоны класть за него продолжила.

Была у него одна духовная дочь – пожилая женщина. Она была болезнью прикована к постели. Мы часто звали отца Иоанна ее причащать. Она уже устала от постоянной боли и все время его спрашивала: «Батюшка! Да когда же я умру?» Он ей отвечал: «Не знаешь, как там будет». И вот однажды он приходит к ней и говорит: «Маня! Прежде чем тебе умереть, надо весны дождаться. Посмотришь, как все расцветет, тогда можно и умирать». Мы думали, он ей смерть предсказывает. А оказалось, это он свою смерть прикровенно предсказал. Великим постом батюшка заболел и вскоре умер. Случилось это весной, когда все расцвело. Как и предсказывал старец.

Лидия Серова, г. Самара

«Я НА ЭТО ПОСЛАН»

Время не стерло из памяти людей образ этого замечательного человека. На его могилу на территории Иверского монастыря идут и идут люди, говорят с батюшкой, как с живым. Уже известны случаи молитвенной помощи отца Иоанна своим духовным чадам после его смерти. Протоиерей Иоанн Букоткин в последние годы жизни тесно общался с редакцией газеты «Благовест» и даже стал ее духовником. Эта публикация – наш ответ на любовь к нам дорогого батюшки, которого нам так не хватает, но который не оставил нас и сейчас.

В доме протоиерея Иоанна Букоткина на Ленинской улице г. Самары очень светло. Чисто, просто, уютно. Свет идет из окошек, свет идет от икон. Их много. В его крошечной комнатке, где матушка Мария Дмитриевна все оставила как было, много маленьких иконок висит над кроватью, Богородичные в киотах – над его рабочим столом. Здесь он сидел на стуле, читал, молился, благословлял через окно проходивших мимо самарцев, которые, зная, что увидят отца Иоанна у окна, старались специально пройти мимо этого дома и остановиться у этого окошка, чтобы получить благословение.

Рассказ матушки Марии Дмитриевны:

– 18 апреля вечером, когда батюшку должны были везти в госпиталь, он вышел, большим крестом перекрестился и так истово сказал: «И остается дом сей пуст!» Он все знал. Миленькие

мои, он все раздал своими руками. В эту руку брал, а той рукой отдавал. Говорил: «Будете жить – наживете, Бог не оставит, а я должен готовиться». Он знал о своей кончине.

Дочка Наташа видит его во сне. Он появился, она к нему припала: «Папа, что ты с нами сделал!»– «Дочка, так Богу угодно». Она что-то у него спрашивает, вдруг он на ее глазах растворился, образовался красивый голубь и взмыл в небо…

Я даю Наташе его рубашку: «Отдашь дяде Валере». А у них на острове палатки. Она кое-что собрала, приезжает туда, накрывают стол. Наташа целует папину рубашку, говорит: «Дядя Валера, возьмите ее, помолитесь». За столом собрала всех, чтобы помянуть папу. А над столом низко наклонились ветки дерева. И вдруг появилась птичка, села на ветку – поет, не боится никого. Вдруг летит к ней птица – размером с ворону, но оперенья такого Наташа не видела, вся переливается. Садится выше, на маленькую заглядывается, и так, и эдак, а та все больше поет. Наташа подняла к небу руки: «Папуля, неужели ты меня и здесь нашел?»– и птичек ни одной не стало.

Недавно мне снится сон. Батюшка заходит в дом, улыбается, без палочки, пальто на нем, из-под пальто подрясник, а обувь блестит как зеркало. Я говорю: «Ой, дедуля, какая на тебе обувь!»– «Мать, это сапоги, мы там ходим в сапогах». Что бы мне спросить, где он сейчас… Видно, Бог не дал. Он прошел в комнату, побыл здесь, я на кухне. Вдруг выходит, в руках у него уже «дипломат». В жизни у него «дипломата»не было, он носил

портфель. «Ой, как ты быстро, ты что, уже уходишь?»– «Я послан в Петропавловский храм – проверить, как там дела». Он любил этот храм. «А на чем будешь добираться?»– «Иди и посмотри». Я, как обычно, его провожаю, выхожу на крылечко, он спускается – а возле дома стоит огненная колесница, как у Илии-пророка. Он поднимается на нее, садится, меня благословил, рукой помахал, улыбнулся – и колесницы не стало.

Мне нужно было поехать навестить больного зятя в Саратовскую область. Я задумала благословение взять. И снится мне сон. Прихожу в храм, у стеночки сидит благообразный старичок-священник, к нему подходят, он поворачивается ко мне, а я ему: «Батюшка, я не на исповедь. Мне взять благословение в дорогу». – «Если хотите взять благословение, то дождитесь. Сейчас будет идти очень великий батюшка». Через некоторое время идет толпа народа, а среди него – отец Иоанн. Что у него на голове, не могу описать, но горит огнем, невозможно было смотреть. Он увидел меня в толпе, улыбнулся. А люди «толпят»его. Он: «Родненькие мои! Вы простите меня, я немножко задержался. Пойдемте, посмотрите, какой я порядок навел в крестильне…»

Нам никому он не снится плохо. Снится редко, но хорошо. Один священник мне рассказывал, что он «упал»– духовно, и батюшка ему явился во сне и его обличил точно в этом грехе. Отец Иоанн увидел, что тот осознал, взял его голову, как он любил это делать в жизни, и целует. Священник это ощутил даже во сне! Он спросил у отца Иоанна: «Батюшка, вот мы согрешили, как

Бог на это смотрит?» А отец Иоанн улыбнулся и говорит: «Бог Своих милует». Священник неделю ощущал на голове благодать от руки отца Иоанна.

Я стараюсь прийти в себя, но никак. Я не верю. Я его жду. Машина дверцами хлопнет, а мне кажется – его привезли.

Почти 50 лет вместе жили. Вот сколько пережито! Однажды (давно это было!) я иду через рынок, дочка за мой подол держится. А тут первая редисочка, она просит купить. Я высыпаю из кошелька мелочь: «Дочка, если я тебе сейчас куплю редиску, мне не на что будет купить керосин, на чем я буду готовить?» – «Мам, не надо...»– а у меня сердце кровью облилось: я своему ребенку не могу купить даже пучок редиски. Так мы с ним семейную жизнь начинали. Налоги с нас собирали. Была какая-то особая 19-я статья: если у священника 400 рублей оклад, то 230 сразу отдай. Нас приглашает владыка на трапезу, я: «Папуля, я не пойду, мне нечего надеть». Я его все время папулей звала, а когда внуки появились – дедулей. А как гоняли его за церковь во времена Хрущева! Приехала машина утром, его забрали и увезли. Лены еще не было у меня, только маленькие Илюша и Наташа. Обед – его нету, к вечеру – нету. Уже темнеет, я: «Дети, вставайте на коленочки перед иконой Спасителя, молитесь за папу». Вдруг он идет, весь мокрый. Я спрашиваю: «Тебя что, обливали водой?» Он так рукой махнул: «Мать, хуже». И ничего не рассказывал. Только перед смертью рассказал. И пистолетами угрожали, и били. Отец

Иоанн был настоятель и благочинный в Новгородской области, а сколько ему пришлось пережить. И какое у него было терпение!

У нас с батюшкой однажды вышел разговор, что хотя бы косточку от него Господь оставил. А он упал на колени: «Господи, чтобы даже пепла моего не осталось, хочу, чтобы все истлело!»

К нему придут: «Старчик ты наш!»– «Я не старец, я старик». Как это высказать, чтобы не погрешить перед Богом? Я чувствовала его святость, больше ничего не могу сказать. Как он воспитывал детей! Почти никогда не наказывал. Он велел всем троим завести тетрадки и записывать, как они провели день. Илюшина тетрадка, Наташина и Леночкина. Лена пишет: «Папа, я сегодня не вовремя пришла и этим очень расстроила маму».

Отец Иоанн очень любил читать Иоанна Златоуста и Иоанна Кронштадтского. Его Евангелие все помечено, он отмечал то, что ему ближе к сердцу. Батюшка постоянно пел тропарь Матери Божией: «Заступница усердная, Мати Господа Вышняго». Штопает детям носки (любил штопать), а сам поет. День у него проходил весь в трудах. Он любил любой труд. Нету такой работы, которую бы отец Иоанн не умел делать и не любил. Как он перчатки – и вообще на иглах – вязал. Он говорил, если бы у него было время, он бы и шил. Три часа в сутки если он спал – хорошо, и никогда не жаловался, что устал, всегда приходит улыбающийся, жизнерадостный. Ребята прыгнут к нему – «Ну как, мои орлики, какие

отметочки принесли, хвастайтесь мне». Никогда он не был унылым.

Народу к нам шло много. Я порой и роптала, хочется полежать, а где? Он мне: «Мать, я на это послан. Бедненькая, иди». А иногда даже слезиночка у него ползет. Хорошо, когда пришли открыть душу, а то такое иногда принесут. Он сядет, глаза закроет… «Папуль, к тебе же пришли». – «Я не сплю». Видимо, он молился. Всегда он молился у окошка. Люди идут – знают, что он здесь сидит. Через окошко помолятся – он так постучит в окошко, благословит, и люди говорят, что они чувствовали его помощь. Как блаженная Мария Ивановна его любила! Она только к нему на благословение и на помазание старалась идти.

В семинарию поступал – никто не знал, даже мама. Тогда узнали, когда пришел ему вызов из канцелярии. Батюшка был очень скрытный, никогда не открывал свои язвы, а они у всех есть – раны духовные и скорби он сносил все сам. Только скажет: «Сергей, ты отвези меня завтра в церковь во столько-то». – «Да еще закрыто будет». – «Я сторожей предупредил». Он одно утешение находил – у Престола. Припадал к Престолу и говорил, что при этом ощущал, как идет тепло.

Я столько лет прожила с ним рядом, но только теперь поняла, какой он был. Отец Иоанн и отец Кукша, который сейчас уже канонизирован как святой, были в духовном общении. Отец Кукша говорил, что отец Иоанн уйдет вперед матушки, а мне говорил: «Придет время – каждый след его будешь целовать». Так и вышло. Вот при-

ду в сарай, там его ботиночки, открою мешок и подошвы целую.

В детстве батюшка не играл в обычные игры с ребятами. Он брата «отпевал» – скатерть прикрепит булавками. Сам был еще клоп, они погодки, Лешку положит, тот орет, мать придет: «Что это у нас в доме дым?» – «Мам, ты не рассердишься, я Лешку отпевал». Вот батюшке и пришлось отпевать дядю Лешу в 96-м году. Отец Иоанн говорил: «Я до тех пор не умру, пока не вымолю всех своих».

Записала Людмила Белкина

ВРОВЕНЬ СО СВЯТЫМИ

…В ночь под воскресенье 7 мая я видела сон. Вхожу я в храм, но храм необычный. Он круглый, а иконы украшают все стены его. Сами иконы большие-большие, и все святые на них высокого роста, движутся по стене… Я не различала лики святых – стояла далеко, а движение их было быстрое. Только мельком видела лик Христа. Вдруг между святыми вижу отчетливо – отец Иоанн Буковкин, такой, каким он запечатлен в «Благовесте». Голова его на уровне святых. Мгновенно мелькнула мысль: «Как же так, отец Иоанн маленький, на чем же он стоит?» Смотрю, а ноги его погружены в сине-голубое облако… Проснулась и сразу подумала: «Не заберет ли Иисус Христос нашего любимого батюшку?» И сама себе ответила: «Да, ведь Богу нужны светлые души!»

…В 13.00 8 мая 2000 г. я позвонила в храм свв. Петра и Павла узнать о самочувствии отца Иоанна.

В последний путь

По телефону мне ответили: «Мы ничего не знаем…»Я положила трубку и горько заплакала от безнадежности: где и как мне узнать о нем? В это самое время отец Иоанн в последний раз приобщался Святых Таин – за несколько минут до смерти…

Как много помнится об отце Иоанне! Этот пастырь – добро и любовь. Как ласково он обращался к прихожанам: «Милые мои, родные мои, приходите, исповедуйтесь, причащайтесь и не откладывайте на завтра. Ведь мы не знаем, доживем ли мы до завтра».

Его чистый и звонкий голос будет со мною всю мою жизнь. Он призывал нас от всей души, от всего сердца, с нежностью и любовью. Упокой, Господи, протоиерея Иоанна со всеми святыми идеже праведные упокоеваются…

Вечная память!..

Мария Юницкая,
г. Самара

НЕТ ВЫШЕ ТОЙ ЛЮБВИ...

Большое горе постигло меня как духовную дочь моего любимого батюшки отца Иоанна Буткина. Душа моя скорбит – сначала схимонахиня Мария умерла, а теперь вот отец духовный. На похоронах я плакала: куда же мне теперь идти, кому высказать свое горе? И вдруг почувствовала, как в груди разливается благодатное тепло – такое бывало у меня при жизни батюшки, когда он возьмет меня за руку, утешая, и я, как маленький ребенок, внимала каждому слову его.

Я попробовала просить его и как будто услышала его голос – добрый, ласковый, с улыбкой: «Ну что ты меня испытываешь?»Поняла я, что, как и при жизни, батюшка слышит меня и готов прийти на помощь.

Вспоминаю последнюю нашу встречу. После панихиды как всегда около батюшки толпа народа, каждый хочет что-то сказать батюшке и услышать наставление или получить благословение. Замечаю, что батюшка сильно похудел, идет, опираясь на чью-нибудь руку, но все так же с любовью, улыбкой и теплом отвечает на все вопросы. Подводят мальчика лет 12-13, дедушка с гордостью говорит, что внук учится в английской школе. Батюшка испытующе спрашивает: «А как по-английски – «я сегодня дежурный?» Мальчик затрудняется ответить, а батюшка поглаживает его по голове, по-английски произносит эту фразу. Удивлению моему нет конца. Все-то наш батюшка знает, даже английский!

Идем дальше, следующей задает вопрос женщина, которая пришла узнать у батюшки, по-

чему Бог так, по ее мнению, несправедлив? Ее сестре дает все блага: богатство, машину и вот теперь родительское наследство тоже ей. Батюшка объясняет ей, но она не хочет его слушать, а твердит свое и упрекает, что и батюшка такой же несправедливый, потому что он такой же, как ее сестра. Тогда батюшка говорит ей: «Я урод». Женщина опешила, а он показал ей свои больные ноги в тяжелых ботах. Вопросов у нее больше не было.

Батюшка любил нас, и мы ему отвечали взаимной любовью. Он жил, как заповедал Христос: «И приходящего ко мне не иждену вон». Господь сказал: «Нет выше той любви, кто душу свою положит за други своя».

Вечная Вам память, родной наш батюшка.

Мария Даниленко,
п. Ново-Семейкино Самарской области

«МОЛИТЬСЯ НЕ УСПЕВАЮ...»

Рождественским постом – уже после смерти отца Иоанна Букоткина – мне приснилось: из Петропавловской церкви идет Крестный ход. Куда-то в сторону Покровского собора священники несут икону Спасителя. Я проводил их и вернулся назад. Вижу – вслед несут большую икону Божией Матери. И среди священников – отец Иоанн Букоткин! В священническом облачении, окруженный множеством людей.

Я обрадовался и стал пробираться к нему через толпу народа. Кричу: «Пропустите, пропустите меня к отцу Иоанну!»

Но пока я пробился на то место, где только что видел батюшку, его уже там не было. Гляжу – отец Иоанн стоит у церковного забора, уже не в одеянии священника, а в виде нищего. Маленький седенький старичок в убогой одежке, с клюшечкой своей. Смиренно опустил глаза – скрывает себя, чтобы не узнали.

Я – к нему:

– Отец Иоанн! Это вы! – а про себя думаю: как же так, он вроде умер, а тут – живой…

Припал к его руке, целую.

– Отец Иоанн, так тяжело сейчас, так трудно! Помолитесь за нас!

Батюшка поднял голову, посмотрел на меня своим мудрым, лучащимся несказанной добротой взглядом:

– Молюсь… За стольких молюсь, что за всех и молиться не успеваю…

Иерей Сергий Гусельников,
клирик Кирилло-Мефодиевского собора,
г. Самара

ИСЦЕЛИЛ БАТЮШКА

Было это вскоре после Рождества 2002 года. Я дома лежал на кровати и чувствовал себя очень плохо. Наконец удалось немного заснуть. И вот слышу во сне голос, как будто за окном. Это был голос горячо любимого батюшки Иоанна Букоткина, в то время уже умершего. Слышу, как он про меня говорит кому-то: «Вы чего мне его подсовываете?! Рано ему, не готов еще...» Потом я увидел, как отец Иоанн

На похороны отца Иоанна пришли сотни самарцев

зашел ко мне в дом. Смотрю, а он как-то странно руками держит подрясник. Будто у него в «подоле» что-то лежит, словно мусор какой-то. Идет к урне, вытряхивает туда все из подрясника и мне улыбается...

Я проснулся – и почувствовал себя совершенно здоровым. Исцелил меня отец Иоанн. Думаю, в подряснике своем он мои грехи нес. И высыпал их, освободил меня от их тяжести. А может быть, это он мой недуг в ту урну выкинул...

Иван Алексеевич Залущак,
сторож Покровского кафедрального собора
г. Самары

ПОДАРЕННОЕ ВРЕМЯ

В вечности времени нет. Оно есть здесь, в нашей земной жизни, всепожирающее время, которое в последние годы в точности по предсказаниям старцев ускорило свой бег, заставляя и нас, задыхаясь от постоянного напряжения, бежать вместе с ним, вставать рано, ложиться поздно и ничего не успевать. А не так давно – еще в нашем детстве – время было другим. Не грозным, как сейчас, а безобидным и неспешным, почти ласковым, когда день от солнечного восхода до мягких вечерних сумерек вмещал огромную жизнь. 8-го мая 2003 года для нас, пришедших в Иверский монастырь почтить память протоиерея Иоанна Букоткина, жизнь продолжалась, но время исчезло.

В день памяти отца Иоанна мы с редактором газеты «Благовест»Антоном Евгеньевичем Жоголевым пережили чудо: остановку времени милостию Божией по молитвам отца Иоанна. Этот незабываемый для каждого из нас, дивный и полный благодати весенний день мы провели на могилке батюшки у стен Самарского Иверского женского монастыря. События шли одно за другим своим чередом, а время остановилось. Господь, в этом для нас нет сомнения, по молитвам нашего любимого батюшки Иоанна замедлил для нас ход времени. Один час жизни для нас вместил несколько обычных часов. На земле мы пребывали не во времени, а в вечности, сами до поры не зная об этом. О том, что такое случается, я знала из молитвы задержания: Господь устами служителя Моисея, Иисуса, сына Навина, целый день задерживал дви-

Верующие приходят на могилу праведника, просят его молитв и получают помощь

жение солнца и луны, доколе народ Израильский мстил врагам своим, и возвращал на десять ступеней солнечную тень, которая прошла по ступеням Ахазовым, по которым оно сходило.

Вот что произошло со мной в этот день. В половине одиннадцатого утра я приехала к монастырю, отстояла панихиду по отцу Иоанну, которую служил архиепископ Самарский и Сызранский Сергий, взяла четыре интервью для будущей книги об отце Иоанне, причем некоторых собеседников пришлось ждать, побывала в трапезной на поминальном обеде. Дважды стояла в очереди, чтобы приложиться к кресту на могилке батюшки. Во время последнего интервью подошел редактор и попросил срочно заканчивать разговор: пора ехать. Я взглянула на ручные часики и с досадой обнаружила, что они сломались: на них было всего 12 часов дня. Внутренние «часы» подсказывали, что время уже далеко за полдень, где-то около 14 часов. Проверила завод: часы были

заведены и шли. Недоумевая, я подошла к редактору и на вопрос, сколько сейчас времени, ответила, что не знаю, так как у меня только что сломались часы. Он вынул свои часы: на них тоже было 12! Мы оба уверенно полагали, что сейчас гораздо больше времени. Мы удивленно посмотрели друг на друга. И почти одновременно воскликнули: «Это отец Иоанн остановил время!»А вот как о своих переживаниях рассказывает редактор «Благовеста» Антон Евгеньевич Жоголев:

– В этот день я был на литургии в Петропавловской церкви, в десять часов жена привезла дочь, я ее повел к причастию и сам причастился. После службы в храме была еще панихида по отцу Иоанну (он служил в этом храме), я подошел к кресту, взял просфорки и поехал в Иверский монастырь. Успел к концу панихиды. После этого мы пошли на трапезу, она длилась не менее сорока минут. Потом я снова подошел к могилке отца Иоанна и очень долго беседовал с разными людьми, ко мне подходило человек десять. Вдруг я почувствовал, что мы опаздываем на назначенную нам в два часа дня встречу в епархиальном управлении. Я попросил Людмилу Белкину поторопиться. Нервно смотрел на то, что она не торопится, и тут посмотрел на часы: на часах было 12. Я не поверил своим глазам, убрал часы и снова стал волноваться из-за того, что мы опоздаем. Людмила снова приложилась к кресту. Когда мы уже подошли к машине, она сказала, что у нее сломались часы: на них всего двенадцать. Я снова внимательно посмотрел на свои часы: на них тоже было 12! Мы поняли, что время останови-

лось, мы были в вечности. Все это время, когда мы были у могилы отца Иоанна, Господь нам дал опыт вечности. Вместить такое множество событий и встреч за какие-то час-полтора просто невозможно. Полтора-два часа отец Иоанн нам просто подарил своею милостью. Добавлю, что мы приехали в епархиальное управление в первом часу, и хотя народу было не так много и мы надеялись попасть на прием к секретарю – протоиерею Виктору Ушатову – раньше, назначенная встреча состоялась почему-то ровно в два часа дня. Так нас словно бы возвратили в реальное время. Эти два подаренных часа жизни мы осмысляли про себя то, что с нами произошло. Господь дал каждому из нас пережить эту остановку времени, наверное, и для того, чтобы мы могли «сверить часы»и не засомневаться в чуде. А чудо это было связано с отцом Иоанном. Он словно сказал нам: «Дорогие мои! Родные мои! Вечность есть, она реальна, она близко».

А было чувство безконечного счастья. Сделано и прожито, кажется, так много, а на самом деле день только начинается, и все впереди.

Людмила Белкина

«ДА ЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА»

8-го мая 2003 года, в день памяти отца Иоанна, мы прикладывались уже не в первый раз к кресту на его могилке у Самарского Иверского женского монастыря. Панихида давно закончилась, но почти всем, кого собрал здесь батюшка, не хотелось уходить: ласково пригревало весеннее сол-

нышко, тишина охватывала душу, несмотря на многолюдье в этот день у монастырских стен. Я случайно разговорилась с уже немолодым мужчиной, он назвал себя – Иван Алексеевич Залущак, и стал рассказывать с каким-то особым внутренним чувством: «Я сегодня подошел к могилке и говорю сам себе: батюшка исполнил одну заповедь. Его Небесный покровитель Иоанн Богослов, когда ему было уже сто три года и он не ходил, а ученики носили его на носилках, все время повторял: «Дети мои, да любите друг друга!» Опять: «Дети мои, да любите друг друга!»– «Отче, ты что все время повторяешь одни и те же слова?»– «Если вы исполните эту заповедь, вы исполните все».

Это написано в житии апостола любви Иоанна Богослова. Вот батюшка и исполнил эту заповедь любви. Это была ходячая любовь! Он и этого возьмет за руки, пальчики ему все расцелует, и старушку с палочкой приласкает. Он видел, что человек нуждается в утешении. Отец Иоанн его остановит, поговорит с ним, вразумит его. Это была такая любовь! Я тридцать лет к батюшке ходил. Я очень болел, но ходил к нему все равно. То было еще в советское время. Батюшка уже ушел в иной мир, а дважды являлся мне и исцелял меня. Я бы не был уже здесь. Вот так!» Иван Алексеевич не смог говорить дальше, на его глазах блеснули слезы.

Людмила Белкина

В РЯДУ САМАРСКИХ ПОДВИЖНИКОВ

В 2001 году на Крещение Господне я тяжело заболел. Лежал в жару, с большой температурой.

А тут еще болезнь наложилась на домашние искушения – сын-подросток стал поздно приходить домой и нас этим сильно расстраивал. И вот в самый «пик»болезни вижу во сне – ко мне, к кровати приблизились самарские подвижники – митрополит Мануил, митрополит Иоанн, святитель Алексий (он был чуть в стороне и в виде изображения на иконе, так как давно уже прославлен Церковью как святой). А ближе всех ко мне оказался недавно умерший дорогой наш батюшка протоиерей Иоанн Букоткин. Я говорю ему: «Отче! Помолитесь, чтобы мне не болеть!..»И еще говорю: «Вы при жизни нам говорили, что сын будет хорошим, исправится, станет послушным, Божиим – а он взялся так поздно домой приходить, не слушает нас… Помолитесь о нем!»Отец Иоанн молча посмотрел на меня со своей доброй улыбкой. На этом сон оборвался. С этого момента моя болезнь пошла на поправку. Да и сын сейчас нас меньше расстраивает. Верю – помогли мне самарские подвижники, как прославленные, так и еще не прославленные. И среди них отец Иоанн!

Раб Божий Антоний,
г. Самара

ПРЕДСКАЗАНИЕ С НЕБА

7 мая 2000 года мы возвращались из паломнической поездки в Державино. Ехали притихшие, после долгих молений и покаянных слез у великих святынь – Кровоточащего Спасителя и мироточащих икон.

Все ближе Самара. Скоро будем дома… Взгляд скользнул ввысь, в чистую небесную синь с редкими небольшими облачками. И – сер-

дце замерло. Прямо из глубины небес протянулись к земле, к нам – две руки, четко вылепленные из светлых продолговатых облаков. Они и расположены были совсем иначе, под другим углом, нежели остальные тучки. И рядом с ними – аккуратный темный облачный холмик, увенчанный правильным восьмиконечным крестом… Уж не ко мне ли, подумалось, тянутся облачные «руки»?

А назавтра, 8 мая, отошел ко Господу отец Иоанн…

Раба Божия Ольга,
г. Самара

НАШ ДОБРЫЙ БАТЮШКА…

Дорогого нашего батюшку протоиерея Иоанна Букоткина знала не только Самара. К нему шли и ехали с большими и малыми горестями, со слезами на глазах, шли за советом – и он всех принимал, и утешал, отечески вразумлял. Я не часто прихожу в Петропавловскую церковь, но и мне довелось просить совета у отца Иоанна. Не глядя на меня, он как бы невзначай произнес мое имя: «Вера». Может быть, это он какой-то другой женщине сказал, моей тезке? Я огляделась – никого рядом не было…

По моему глубокому убеждению, наш батюшка Иоанн был прозорлив и праведен, но очень был скромен и сам о своих благих делах не хотел свидетельствовать. Надо всем нам, получавшим от него молитвенную помощь и благословение, мудрые советы, молиться о нем, просить, чтобы Гос-

подь простил ему все, в чем он как человек согрешил. Будем памятовать обо всем добром, что мы видели от него при жизни. Думаю, что сейчас он уже молится о нас.

Раба Божия Вера,
г. Самара

С нами нет горячо любимого всеми батюшки Иоанна Букоткина, но осталась о нем добрая память, которая навсегда останется в наших сердцах. Каждый, кто хоть раз обращался к нему за помощью, не забудет вовек его внимания и заботливости. Вот и меня Господь сподобил личного знакомства с таким тружеником и благодатным молитвенником. Не буду описывать его неоценимую молитвенную помощь в трудные моменты моей жизни. Но об одном не могу умолчать.

Весть о том, что отец Иоанн почил в Бозе, разлетелась молниеносно между верующими (а я в то время работала в церкви свв. апп. Петра и Павла, несла послушание в трапезной), так что нескончаемым потоком шли православные проститься с батюшкой и его помянуть. Но у нас было много работы, и к захоронению, которое состоялось в Иверском женском монастыре, я не смогла попасть. И очень скорбела, но успокаивала себя тем, что с ним простилась здесь, в церкви.

Через несколько дней одна моя знакомая монахиня Елисавета принесла мне цветы и попросила, чтобы я к ним отнеслась как к святыне, потому что они были с могилки батюшки, что их всем раздавали и их выбрасывать нельзя. Дома я

поставила цветы в вазу с водой и убрала на полку, рядом с иконами. В эти траурные дни людей было много в трапезной, и я уставала, так что, приходя домой, про цветы забывала, и вспомнила только по истечении 40 дней.

Словно молния пронеслась в голове: «Наверное, вода цветет в вазе и летают мошки, как же я могла это допустить? Там же иконы!»Но каково было мое удивление, когда, придя домой, я обнаружила, что цветы совсем высохли, но никаких мошек, ни характерного гнилостного запаха не было. Вода в вазе была чиста, как слеза, только на дне были отпавшие листики. Я сохранила и воду, и цветы. И спустя год вода была свежайшая и приятная на вкус, и стоит она на той же полке у икон, как подтверждение святости нашего приснопамятного батюшки.

Наталия Сердюк,
г. Самара

НАШ БАТЮШКА ИОАНН

«Теперь о Библии детям расскажешь...»

Это было лет десять тому назад. Накануне 1 сентября я, учительница русского языка и литературы, подошла к батюшке с просьбой благословить меня на новый учебный год. Он, как это делал всегда, благословил меня крестом и сказал: «Ну что, теперь о Библии детям можно рассказывать свободно?!»

Чудо в том, что дорогой батюшка тогда еще ничего не знал обо мне, не знал, что я учительница и что на уроках литературы я (тогда еще «незаконно«!) изучаю с детьми Библию.

Другой случай (это тоже было лет десять назад): я очень нервничала из-за сына-подростка, который доставлял мне много хлопот своим горячим нравом, непокорством, постоянным прекословием. Доведенная до отчаяния, я бросилась к батюшке Иоанну, все, рыдая, ему рассказала. Он молча и внимательно выслушал меня, а потом сказал: «Иди и на коленях молись за детей своих. А сын у тебя хороший».

Только через много лет, когда мой сын закончил школу с медалью, институт – с красным дипломом, в 25 лет защитил диссертацию (батюшка Иоанн благословлял моего Алешу на защиту кандидатской диссертации), до меня дошел смысл слов дорогого батюшки Иоанна: он все предвидел, все знал, знал, что из моего строптивого несмышленыша вырастет человек. Слава Богу за все.

В год, когда батюшка умер (он знал о своей смерти), я собралась с группой самарских паломников в Грецию (это было в январе). Подошла за благословением к батюшке Иоанну. Он, конечно, благословил, но сказал: «Здесь у нас, в России, есть где молиться». А потом короткий диалог:

– Батюшка, что Вам привезти из Греции?

– Гроб...

Я тогда решила, что батюшка неудачно пошутил. А потом услышала, как сестры в храме между собой говорили, отмечая с печалью, что батюшка Иоанн на вопрос, что ему привезти из святых мест, всем отвечает: «Гроб...» К тому же он не раз плакал во время водосвятных молебнов. Это мне рассказала Вера – служащая храма, которая собирала от прихожан записочки на молебен.

А потом (это было в феврале или марте) на одной из Литургий я сама услышала, как в алтаре заплакал батюшка (он был служащим): он знал, что скоро умрет...

Батюшка Иоанн и мои ученики

Когда началась перестройка, стали разрешать нравственные проповеди для школьников. Я и моя коллега Тамара Васильевна повели своих десятиклассников в храм во имя Святых Петра и Павла. Вошли в храм. Наши ребята притихли. Вышел священник и тихим голосом стал говорить о Спасителе, Пресвятой Богородице, святых... Было плохо слышно, и я переживала, что школьники не поймут, не уловят что-то важное.

И вот тут подошел маленький человек в рясе и громким и настойчивым каким-то голосом обратился к нам (я тогда не знала, кто это такой, так как посещала Покровский Собор). Его слова шли прямо в сердце. Ребята, хоть и устали, не хотели уходить. Батюшка Иоанн – это был именно он – говорил, обращаясь к юношам, чтобы они не губили себя со случайными подружками, берегли свою чистоту. А еще он рассказал о молодом человеке, который пришел в храм, ища помощи – в двадцать один год ему уже было тошно жить, оттого что у него была двадцать одна любовница.

Батюшка очень любил молодых, несмышленых и старался оберегать их. Поэтому через несколько лет, когда я уже работала не в школе, а в лицее, когда стала приходить в любимую церковь, батюшка Иоанн стал говорить мне: «Мать Людмила, веди своих студентов на Причастие!»

По его молитвам я несколько раз приводила в храм на исповедь к батюшке Иоанну своих одиннадцатиклассников (было несколько групп по 20-30 человек). Они подходили к батюшке на исповедь сосредоточенные, серьезные. А он, выслушав их, отпускал грехи и целовал в голову (только юношей), а потом брал свечечку и клал ее к Евангелию (я не поняла зачем, но, наверное, чтоб потом батюшка Иоанн мог молиться за моих лицеистов). Но вначале была проповедь, сильная, произнесенная громким голосом. Говорил пастырь, горячо любящий своих овец. Особенно запомнились такие слова: «Мои родные, запомните: ложе без закона – ложе скверное, ложе законное – ложе праведное».

Мне очень хорошо было известно, для кого говорил это батюшка – не для старушек, пришедших исповедаться, а для моих парней, на голову возвышавшихся над группой исповедников, стоявших около иконы Божией Матери «Отрада, или Утешение». Потом я им говорила: «Ребята, запомните: вас благословил наш любимый старец – все у вас получится, вы поступите в вуз». Так и оказалось: все поступили в институт без проблем...

Батюшка приснился...

После того как батюшка Иоанн ушел от нас, я видела его во сне. В первом сне он шел мимо меня в окружении группы людей. Не хромал. На нем была новая, блестящая ряса (видно, в знак того, что Господь взял его душу к Себе). Я стояла на коленях, ожидая, что дорогой батюшка благословит меня. Но он прошел мимо. (Проснувшись, я поняла, что отец

Иоанн гневается на меня, так как теперь-то он знает, какая я грешница окаянная).

И другой сон. Большой стол. За столом сидят люди. В центре – батюшка Иоанн в рясе. Он беседует с людьми, сидящими слева. По правую руку от него сижу я. (Слава Богу, что рядом, а не где-то в стороне). Но беда в том, что батюшка на меня и не смотрит. Значит, продолжает гневаться. За что? Потом Господь вразумил меня: за крашеные ногти. Батюшка еще при жизни «гонял»меня за это, да я все не слушалась. Теперь ногти не крашу никогда, потому что очень хочется, чтоб дорогой наш старец и за меня, окаянную, молился.

Теперь в день его кончины прихожу к нему на могилку. Расскажу ему все-все и ухожу, унося в сердце покой и радость. Дорогой батюшка Иоанн, молись Богу за нас!

Раба Божия Людмила,
г. Самара

«ПОМОЛИСЬ ЗА МЕНЯ!»

Я хочу рассказать о своем духовном отце – протоиерее Иоанне Букоткине. Много раз – и словом, и делом – помогал мне отец Иоанн. И не только мне: его знали и любили сотни православных самарцев. Но произошел случай, о котором я не могу умолчать.

У меня на работе случились серьезные неприятности. Не по моей вине образовался денежный долг. Но обвинили во всем меня. А отдавать-то нечем... И вот за мной приехали, с угрозами затолкали в машину. Я даже не знал, вернусь ли до-

мой живым и здоровым. И потому только и успел в отчаянии крикнуть: «Отец Иоанн! Помолись за меня!» Сам не знаю, как это получилось. Ведь мой духовник живет на другом конце города.

Но вот странность! – меня провезли немного и... отпустили. Не причинили никакого вреда.

Я сразу помчался к батюшке. Он уже ждал меня у порога своего дома, улыбаясь своей неземной, доброй улыбкой. Не успел я и рта раскрыть, чтобы рассказать о случившемся, как он, потрогав свое ухо, шутливо сказал: «Ты так кричал, что я чуть было не оглох...»

Меня поразили его слова. Откуда он мог узнать, что происходило со мной совсем недавно? А он уже серьезно сказал мне: «Без воли Божией ни один волос не упадет с твоей головы. Знай это».

Вот что значит молитва духовного отца! Надо всегда просить молитв у своих наставников.

Александр Лилуошвили

«Я ПОЧУВСТВОВАЛА, ЧТО ПРОЩЕНА»

Галина Карабанова не так много общалась с отцом Иоанном Букоткиным. Но только одна его фраза, которую он сказал даже не ей, а другому человеку, сыграла исключительную роль в ее судьбе.

– В 2000 году нам на работе всем велели прийти в налоговую инспекцию и отметиться, а зачем – не объяснили, – вспоминает Галина. – Мы как послушные работники пошли, отметились, а через неделю нам велели пойти и взять свидетельство

о присвоении ИНН. Я его взяла, оно у меня лежало дома, и сразу всякие несчастья на голову посыпались. Через месяц я пошла по совершенно другому вопросу к отцу Иоанну Букоткину в Петропавловскую церковь. Стою к нему в очереди, передо мной была бабушка. Он ей говорит: «Не благословляю принимать ИНН!» Она его спрашивает: «А как же пенсия?» Он опять: «Не благословляю!» А меня пронзило, я стою как вкопанная. До меня дошло, что у меня-то дома лежит свидетельство об ИНН. Видимо, я пришла в церковь для того, чтобы это услышать. А тот вопрос, по которому я приходила, оказался не столь важным и на следующий день сам собой отпал. Думаю: что же делать? Разные мысли в голову лезли и искушения были. Через месяц в Покровском соборе, вижу, подписи собирают против «номеров», чтобы в Москву отправить. Мне так захотелось подписаться. Думаю, подпишусь, хотя сама и приняла ИНН, – хоть так выражу свое несогласие. Свидетельство об ИНН я отнесла в налоговую и порвала у них на глазах. И своего знакомого в налоговой попросила: может быть, мне сотрут номер из компьютера? Он через неделю сказал, что пытались, но не получилось, это невозможно. А через некоторое время Господь сподобил еще и самой собирать подписи под письмом против ИНН, меня священник Виталий Калашников благословил. Весь свой отпуск летом я на сбор подписей потратила. Думаю, сделаю, что смогу. Пусть не я, так хоть другие услышат об этом и не совершат подобной ошибки.

В августе 2000 г. канонизировали Царственных Мучеников. 18 августа, накануне Преображе-

ния, я на могилке батюшки Иоанна Букоткина побыла. А в этот день на могилке как раз вынимали железный крест, чтобы поставить мраморный. Глубоко рыли, наверху лежала кучка земли, и я земельку взяла, фактически от его гроба. Я до этого каялась в том, что приняла ИНН. И тут у могилы батюшки я почувствовала в душе успокоение: все, что могла, я сделала. Почувствовала, что прощена. И вдруг в конце августа мой знакомый в налоговой инспекции говорит: мы набираем твои данные на компьютере – твоего номера там нет! Такая радость была. А еще через полгода – как подтверждение тому, что это на самом деле так и есть, – я увидела на столе у директора список «Не принявшие ИНН», а там человек шесть, и в том числе мое имя.

Записала Людмила Белкина

«ГОСПОДЬ ЗНАЛ ВАШИ ИМЕНА»

Об этом удивительном случае прозорливости отца Иоанна рассказала Людмила Даниловна Горбачева из Самары. О нем ей поведал сам батюшка.

– Я вам расскажу один случай, – говорит он. – Однажды я выхожу на венчание, открываю Царские врата, прикладываюсь к Престолу, и мне внутренний голос говорит: «Спроси вторую пару, в который раз они венчаются». Я думаю, как-то странно, почему бы им второй раз венчаться. Так еще раз внутренний голос раздался: «Спроси вторую пару, в который раз они венчаются!» Я подхожу к ним, спрашиваю: «В который раз вы венчаетесь?» Они просто обомлели: «Батюшка, а от-

куда вы знаете?!» И рассказали следующее: «Родители не благословляли наш брак, и мы тайно обвенчались по чужим паспортам, нас венчали под другими именами. А теперь, когда родители увидели, что мы хорошо живем, они благословили нас венчаться. И мы пришли венчаться под своими именами». А я сказал им: «Венцы даются один раз, и вы их уже получили, хотя и под другими именами, Господь знал ваши имена. Так что второй раз вам венчаться не нужно».

Записала Людмила Белкина

ТРИ КРЕСТА

Мария Курбатова много лет работает в Петропавловском храме г. Самары. Сейчас она подает запивку причастникам.

– С батюшкой мы общались в основном духовно. Что-нибудь подумаю, а когда подхожу к нему под благословение, он меня благословляет и сжимает своей рукой сильно-сильно мои руки, сложенные крестом. Я чувствую, он уже все знает, что у меня болит, о чем я переживаю. Все, что у человека в душе творится, он чувствовал и видел. Очень проницательный был батюшка. Я чувствовала, что он за меня молится. Даже молча, не говоря ему ничего, я получала от него помощь. В основном только так мы общались с ним. Сижу, переживаю. Подойду к нему – сожмет мне руку, и мне легче становится, все, я получила исцеление.

Одно время я работала в храме регистратором, и после обеда заказали срочно отпевание, я

насыпала земельку для покойника в конвертик и пошла искать священника для благословения. Дежурил батюшка Иоанн. Я прихожу в крестильню, он как раз закончил там крестить. Впереди меня стояла одна раба Божия, она разговаривала с батюшкой. Я стою, жду, когда они закончат разговор, чтобы подойти к отцу Иоанну. И вдруг он, не говоря ей ничего (а она стоит наклонившись перед ним около иконы, за аналоем), говорит мне: «Теть Мань, подойди ко мне!», – он меня тетей Маней звал. Я подхожу, а он с иконы «Христос, благословляющий детей», – она в то время мироточила – пальчиком снимает миро и мне помазывает лоб крестом. Я получила благословение, обхожу вокруг, стою и жду. Он второй раз меня подзывает: «Тетя Маня, иди сюда!» Я второй раз подхожу, он опять меня помазывает крестообразно миром, я опять обхожу аналой и снова жду его. И опять он меня зовет и снова помазывает миром. Три круга так я по крестильне сделала. И мне стало легче. Я потом думала, что же это значило. А в душе у меня тогда был вопрос к батюшке о моих детях. У меня трое детей, и, видимо, батюшка дал мне понять, что у меня будет три креста и что он молится за меня.

Записала Людмила Белкина

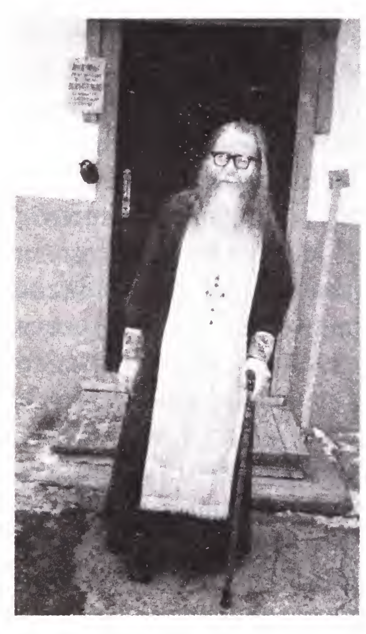
«СТОЙ НА СТРАЖЕ СЕРДЦА»

Рассказывает духовная дочь отца Иоанна Букоткина, алтарница Петропавловской церкви г. Самары раба Божия Нина:

– Отец Иоанн не любил, когда я уезжала в па-

ломничества: «Вот у нас тут все в храме – и Иерусалим, и все-все. И преподобные. Вот у нас Преподобный Серафим (икона в Казанском приделе. – *Прим. авт.*). Царствие Божие внутри нас. Ну, поезжай ты на любое святое место, но если в душе у тебя ничего нет, ты приедешь мертвая, ничего не привезешь». В Иерусалим его самого еле выпроводили. Он говорил: «А мне и здесь Иерусалим». Ехать в паломничество я у него выпрашивала. – «Тут оставайся!» Дорога сама по себе отвлекает. Ну, как быть около огня и не обжечься? Владыка Иоанн всегда говорил: «Крестите постоянно глаза, дабы не видеть. Крестите уши». Крестишь глаза – и правда не видишь эти непотребства наши уличные, будто тебя это и не касается, только деревья мелькают на ходу, и все. Поэтому крестить глаза в теперешней жизни просто необходимо! Хотя бы из-за наружной рекламы…Отца Иоанна спрашиваю: «Батюшка, посмотри, так ли я крещусь?» – «Крестное знамение должно быть такое, чтобы перекрестился – и на воздухе осталось». А приедешь из паломничества, падаешь ему в ноги: «Батюшка! В грехах». Он добавляет: «Как свинья в репьях».

Он видел все, но не показывал. Вернее, он просто был добрый. Он как человек и как священник был уравновешенный, спокойный. Вот мы же не можем быть спокойными, не с той ноги встали – и пошло. А почему не с той ноги? Потому что не попросили благословения на день. Нет у нас благодарности Богу. Как только глаза открыл, сразу говори: «Благодарю Тебя, Господи, что воздвиг меня от ночи. Благослови, Господи, на гря-

дущий день, благослови день сей и меня в этот день, помоги его провести в молитве и добрых делах, сохрани от врагов видимых и невидимых». Вышел на землю, только за ручку двери взялся – «Господи, благослови, милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородице, Матерь Божия, сохрани». Идешь – «благослови, Господи, пройти по земле Твоей во имя Отца и Сына и Святого Духа.Аминь». Ты можешь упасть, все что угодно может случиться, а земля – Божья, это сейчас ее присваивают, а она как была и есть – Божья.

Батюшка был очень простой, доступный, иначе бы люди к нему не шли. Они – как дети, их же не обманешь, они же выбрали его. Как-то одна старушка, Царствие ей Небесное, подходит к отцу Иоанну и говорит: «Батюшка, сноха-то меня за упокой записала живую, говорит – долго живу, квартира нужна». А он отвечает, да так спокойно: «Да ведь Бога-то не обманешь», – чем и успокоил ее. Да что эти заклинания, мне батюшка Николай Мезинов говорил, как иной пастух клянет стадо – так ни одной коровы в стаде бы не осталось.

С отцом Иоанном было лёгко, я благодарю

Бога, что был такой пастырь. Когда его не стало, я почувствовала, как всегда перед родителями, когда их теряешь, вину за то, что не так сказала, не так сделала. Я так тяжело его смерть пережила, тем более что не смогла попасть к нему в его последние дни в больницу. Ему стало лучше, это был последний всплеск, я думала – попаду к нему на другой день. Я обещала одной женщине артос дать, меня приучили с детства: дал слово – держи. А она задержалась, и я не смогла поехать к нему. А ему стало плохо, и через два дня он умер.

Я успела у него спросить – определить жизнь мою. Мне сказал про меня батюшка, и блаженная Мария Ивановна сказала, но она сказала посвоему, как юродивые говорят, и еще одна монахиня. Все один в один совпало. Теперь не надо спрашивать ни у кого. Это касается только меня. То, что тебе духовник говорит или что на исповеди говорится, это касается только тебя. Духовник, ты и Господь, – и больше никто ничего не должен знать. Я прочитала книгу о Иосифе-исихасте с Афона. Когда он умирал, сын его духовный спрашивал: «У кого же я буду после твоей смерти?», – а он ответил: «Больше никого не надо». У меня тоже возник такой вопрос, когда я потеряла батюшку, а больше никого не надо. То, что тебе духовник дал, основные жизненные ориентиры, если ты их выполнишь до конца дней своих, довольно с тебя.

Отец Иоанн часто говорил: «Господи, хоть сзади, но в Твоем быть стаде».

Когда однажды я его спросила, что мне при моей греховности просить у Бога, а я ничего и не

прошу, я недостойна, батюшка так мне ответил: «Проси чего хочешь, только потом не забудь сказать: «Господи, да будет Твоя святая воля, а не мое желание». А на исповедях он часто говорил: «Дай нам, Господи, все, а от нас ничего не жди».

Я у него спросила: «Как спастись?» Вот пришло мне на ум такое – как мне спастись. Он мне строго сказал: «Стой на страже сердца, стой на страже сердца. Стой на страже сердца!» Три раза. И вот когда что случается, я вспомню: «Стой на страже сердца!» Чтобы в сердце мир был. По Евангелию, «ибо из сердца исходят злые помыслы» (Мф., 15, 19). И еще он сказал: «Любить всех». «Батюшка, вот мне дают конфетки, я не беру у всех». – «Бери!» – «Да вот многие мне говорят – не надо брать». – «Докажи любовь. Твоя любовь и вера, как два крыла, перенесут через любую опасность». Так мне сказала и блаженная Мария Ивановна. Я ей говорю: «Мария Ивановна, я всем верю». – «Как верила, так и верь». Каждый человек – образ Божий. Пусть он затуманен, пусть испорчен, а ты развороши – добро-то в каждом есть. Я иду по лестнице в подъезде, а там ребята сидят, и один мне раз – навстречу, и рука протянута. Рука протянута – пожимай руку. Я пожала ему руку, и они сразу смягчились. А то если мы начнем сомневаться, впадем в гордыню. Пусть она явная или тонкая. Всех любить и жалеть надо, и алкоголиков, и всех.

Батюшка, хотя он и был мой духовный отец, мне сам никогда ничего не советовал. Ведь Господь нам дал свободную волю. Я думаю: батюшка, что мне ничего не говоришь? Он молчит. А вот когда спросишь, он скажет: «Да лучше этого не делать», – в

мягкой форме. Все это я потом поняла.

Но и строгий он был. Как-то раз у меня было благословение на одно дело, а я захворала: «Батюшка, не могу». – «Нет, благословение выполняй». Все, выполняй.

Он был очень аккуратный. «Батюшка, у вас столько пакетов, дайте мне, пожалуйста, какой-нибудь пакет». Он дал мне полиэтиленовый пакет с ручкой, весь зашитый, заклеенный. Он учил бережливости. А разве Спаситель не говорил ученикам Своим, когда накормил народ хлебами: «Соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало» (Ин. 6, 12). Этот пакет я до сих пор так берегу.

Батюшка мне стал в последнее время приносить всякие вещи, святыни, которые ему привозили с Афона, из Иерусалима: святое маслице, водичку, песочек. Рубашки свои стал давать. «Батюшка, ну что вы собрались умирать, ведь должна я вперед уйти, у меня же здоровья-то нет». Когда заболевала сильно, он, по-видимому, меня вымаливал. Опомнишься: «Батюшка, так болит». – «Эта болезнь не к смерти».

Был он, конечно, ревностный пастырь, Царствие ему Небесное, пусть он помолится за нас. Когда в монастыре батюшку Стефана я стала просить взять меня в духовные чада, он спросил: «У кого ты раньше была? У отца Иоанна? Нет, после батюшки Иоанна – не возьму. Вот ты ходи к нему на могилку, пиши записочки и говори ему все свои горести, он тебя слышит».

Отец Иоанн был против «номеров», сам подписывал лист против ИНН и меня благословил читать молитву преподобного Нектария

Оптинского против антихриста.

Батюшка мне говорил: «Мы должны быть дурачками. Дураками быть не надо, а дурачками надо быть. У нас национальный герой – Иванушка-дурачок. Это касается всех без исключения. А есть у тебя умишко – скрывай его».

Его смирение, терпение и любовь я никогда не забуду.

Записала Людмила Белкина

ЗА ВСЕ БЛАГОДАРИТЕ!

Благодарю Тебя, Христос,
за все отрадные мгновенья,
за мир души, за сладость слез,
за дар Небесный вдохновенья.
Благодарю, что Ты открыл
мне, Боже, внутренние очи,
извел на свет из мрака ночи
и благодатью осенил,
что Ты помог постигнуть мне
тщету и прах всего земного,
чтоб в тайной сердца глубине
искать сокровища иного.
Благодарю, что выносить
мне помогаешь испытанья.
О, научи благодарить
Тебя за самые страданья.

Боже, милостив буди нам, грешным.
Аминь.
(Из записей протоиерея Иоанна Букоткина)

НАРОДНАЯ КНИГА

Самарский священник Иоанн Букоткин был народным пастырем. И книгу о нем тоже можно назвать народной. Написана она не только профессиональными журналистами, а собрана по крупицам, по строчкам из воспоминаний горожан, которые окормлялись у самарского батюшки. Да и в самом издании этой книги приняли участие десятки, если не сотни людей – причем не только самарцев. «Пусть одна страница в этой книге про дорогого батюшку будет от меня», – говорит прихожанка Петропавловской церкви старенькая **Екатерина** и передает на книгу десять рублей. «Я духовно окормлялся у отца Иоанна, моя вера укрепилась от общения с ним», – вспоминает самарский предприниматель **Виталий Валентинович Обертышев**, жертвуя на издание книги значительную сумму. И верим, что каждый дар не останется незамеченным батюшкой Иоанном. Он помолится пред Престолом Божиим за всех, кто пожертвовал средства на книгу о нем. Имена всех благотворителей мы при всем желании не можем назвать, их слишком много. Назовем лишь некоторых из них. Мы благодарим за помощь Генерального директора Финансово-строительной компании «Самсург» **Алексея Ивановича Моисеева**, наша признательность самарцам **Кариону** и **Наталии**, а также директору самарской фирмы «Аксус» **Максиму Афонасьеву** и всем тайным и явным благотворителям, поддержавшим материально выход в свет книги о горячо любимом батюшке Иоанне. Мы также благодарим за помощь в подготовке к изданию книги вдову священника **Марию Дмитриевну Букоткину**, которая предоставила редакции для публикации в книге архив протоиерея Иоанна Букоткина.

СОДЕРЖАНИЕ

Старчество в миру 3
Часть 1. История жизни 11
Часть 2. Духовник епархии 83
Часть 3. Самарский батюшка................111
Часть 4. Архив 175
Часть 5. «Праведники во веки живут» 215

Наш адрес:

г. Самара, ул. Ерошевского, д. 3, каб. 419.
Для писем: 443010 г. Самара, а/я 243.
Тел. в Самаре (8462) 34–84–46, 34–67–11.
Факс: 43–91–90. E–mail: blago@fedoroff.ru
Internet: www.cofe.ru/blagovest

Самарский батюшка

Автор-составитель: Антон Жоголев.
Редактор иерей: Сергий Гусельников.
Литературный редактор: Людмила Белкина.
Над книгой работали: Ольга Ларькина, Татьяна Гусельникова.
Оформление: Александр Мисюк (обложка), Ирина Евстигнеева (рисунки).
Верстка: Роман Полисюк.
Набор: Ольга Гузова.
Корректор: Екатерина Головина.
Технический редактор: Александр Евстигнеев.

На первой странице обложки – благоухавшая в редакции газеты «Благовест» фотография протоиерея Иоанна Букоткина (фото хранится в семье Горбачевых).
На четвертой странице обложки – могила протоиерея Иоанна Букоткина.

Подписано в печать 02.04.08. Формат $84 \times 108^1/_{32}$.
Печать офсетная. Тираж 8000 экз. Заказ № 8627.

Издательство «Зерна».
390029, Рязань, ул. Чкалова, д. 33 «А», тел. 76-44-18.

Отпечатано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

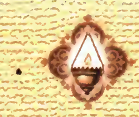
[illegible]

"Самарский батюшка"... При этих словах, наверное, каждый Православный самарец подумает о священнике того храма, где он молится. И это правильно. Но жил в нашем городе человек, которого тысячи людей звали Самарским Батюшкой с большой буквы. Протоиерей Иоанн Букоткин († 8 мая 2000 г.) всю свою жизнь, все силы и всю свою любовь отдал Богу и людям. Более тридцати лет он служил в самарском Петропавловском храме в самом центре города. Тысячи людей за это время сподобились у него принять святое крещение. А сколько у него венчались, причащались, сколько людей благодаря ему обрели веру - не счесть! И на каждого у него хватало любви, человеческого тепла и участия.

Вот почему он упокоился на самом, наверное, почетном месте в городе - на территории Самарского Иверского монастыря, возле могилы известного государственного деятеля, Главы г. Самары середины XIX века Петра Алабина. Теперь на могилу к отцу Иоанну идут и идут люди.

Протоиерей Иоанн Букоткин был духовником Самарской епархии, а в последние годы он духовно окормлял и редакцию Православной газеты "Благовест". Эта книга - дань нашей памяти большому молитвеннику и настоящему пастырю.

САМАРСКИЙ БАТЮШКА
протоиерей Иоанн Букоткин